

Пробуждение.

Повесть по пьесе В.Синакевича, В.Сквирского
(Пробуждение).

Я долго колебался надо ли из этой пьесы, написанной нами в 1971 году, делать повесть сегодня, спустя сорок один год. В стране за эти годы произошли такие изменения, что молодежи происходящие в те времена события, изложенные в повести будут малоинтересны, а многое и просто непонятно. Для неё это события приблизительно равные по интересу, ну как нам крымская война. Однако, подумалось мне, читаем же мы с интересом события значительно более давних времен. Читаем и они нам не кажутся скучной архаикой. Очевидно, всё дело в том, как это изложено и каков склад ума и каждого отдельного читателя. К тому же живы еще мои ровесники и люди младше лет на двадцать--тридцать, которые еще захватили отроги (или, скорее, отрывки) тех «замечательных» времён, и тогда для этой повести ещё есть небольшой отрезок жизни. К тому же, существует достаточное количество читателей, которым просто нравятся «былое и думы». Поскольку, во главе нашей страны, очередной раз и, вроде бы крепко встал на ноги, отнюдь, не демократический, а скорее репрессивный состав правительства. Да и партия, один в один схожая с прошлой коммунистической,-- история, как это частенько случалось ранее и в других странах, может возвернуться в то недалёкое прошлое.... И если из нынешнего вождя новый «Иосиф Победоносец» и не возродится (слабоват для этого, родименький), то уже новоявленный «Лаврентий», может из него вылупиться вполне и надолго. Жалко, очень жалко народ страны, власть в

которой узурпировал, волей случайностей (считай, выиграл в лотерею), белобрысенький каратист, которому коллеги по КГБ между собой, за невзрачность, дали кликуху -- «моль». Человек, который проявил поразительную ловкость в присвоении огромного, сворованного у народа своей страны, капитала. Все люди, которые сходным способом приходят к власти, по сути своей-- одинаковы. И, как правило, они на многое не годны. Они не отличались блестящими способностями в школе. Не сумели найти себе пристойную или приличную профессию, а пробравшись во власть, начинают нам мстить за свою несостоятельность. Страна эта, в таком раскладе, несомненно, обречена на очередную заварушку, которую, рано или позже, но обязательно затеет обманутый, ограбленный народ. Народ, в массе своей очень способный, и далеко не глупый, но, к сожалению, серый.... И в результате этой заварушки он, вновь, может быть, очень серьёзно обижен.... Чем закончиться в недалёком будущем эта свара,--предугадать не берусь,--ворон предсказатель из меня никакой. Но, на всякий случай, советую одолеть эту повесть до конца, прочувствовать и понять её суть, и крепко--накрепко запомнить мало радостный конец....

Историю создания и доныне существования пьесы, которая послужила фабулой к настоящей повести, я достаточно подробно изложил в своих мемуарах, которое очень дорого и прекрасно изданное в полтысячи экземплярах, подарил мне фонд Людвиг Нобеля, комплектуя свою эксклюзивную фондовую библиотеку.

В связи с тем, что, в России читателей несколько больше, чем экземпляров этой книги, я не побоюсь

ещё раз кратко повторить эту историю в качестве предисловия.

1971 год. Время махрового брежневского застоя, с крепким Комитетом Государственной Безопасности (КГБ), «инакомыслящих» уже не стреляли, их гноили («лечили») в «психушках». То есть, законно и бесплатно освобождали «заболевший мозг от инакомыслия». А некоторых «счастливых»--навсегда принудительно депортировали за границу. Естественно без выходного пособия, но, зато за их же счет и, иной раз, с полной конфискацией нажитого тяжёлым честным трудом имущества. Так что, может быть, сегодня этой повести стоило бы дать другое, более подходящее название --«Предупреждение»!

Мы с соавтором после основной инженерной работы в то время «баловались» написанием беззубых эстрадных пошлостей. Смешили благонадёжного, прирученного к страху смиренного советского обывателя незатейливыми жлобскими шуточками. (Впрочем, сейчас они стали ещё пошлее и круче). Правда, иной раз, мы пытались втиснуть между строк, хоть и махонькую, но щекотавшую забитое страхом подсознание зрителя, правду жизни. Как правило, эти «номера не проходили». Так как, после прохождения текста, через стеной стоящую на страже коммунистического строя бригаду литературных опричников, из десяти--одиннадцати бдительнейших, душепродавцев--цензоров, текст становился по--советски омерзительно стерильным и напоминал обычную коровью жвачку. Но, прирученный «к ноге», несчастный зритель ел и такое, за неимением лучшего. Тешили мы себя и свою «гражданскую совесть» лишь тем, что: во--первых это кое--как дополнительно подкармливало наши семьи, а во--вторых:--иной раз, что--то,

буквально капелька, но проскальзывала в театре миниатюр замечательного артиста того времени-- Аркадия Райкина. Создателя великого в те времена театра, до авторских высот которого мы дотянулись, и прочно встали в почётный ряд немногих наших талантливых коллег.

Итак, за годы правдоискательского ловкачества вся эта насквозь прогнившая, погрязшая во лжи и коррупции советская «мишпуха» нам осточертела до печёнок. Безумно хотелось хоть разок, хоть в тряпочку, но громко и честно высказаться. Выдавить из своей, задавленной системой внутричерепной плоти-- хоть частичку настоящей правды на листе бумаги. А ещё лучше,--выплеснуть всё, что накипело за десятки лет, полных громкой плакатной лжи--целиком! Но, как это сделать?! Как?! Мы не знали. В нас, так же, как и у всего советского народа жил и властвовал наглухо забитый в череп животный страх! Он жил где- то глубоко в мозжечке и жестко управлял нашим вестибулярным аппаратом. Он был главным, основным центром нашего равновесия в этой прокоммунистической жиже, в которой мы, тесно прижавшись, друг к другу, стояли вместе со всем 250 миллионным дружным советским народом. Стояли на цыпочках, навтыжку, руки по швам, опущенные в эту зловонную ложь по край нижней губы, боясь сделать любое резкое движение, чтобы только «не нагнать зловонную волну». Молодежи, взявшей в руки повесть, сегодня, быть может, будут непонятны проблемы, мучившие в этой повести одного из наших героев--комсомольского вожака. Впрочем, как и многие другие нюансы,... но, извините, тут уж мы бессильны. Сегодня, (и слава богу), никакой особой, щекотящей мозг остроты, молодой читатель в повести уже не найдёт. Но,

пусть хотя бы поверит нам на слово, что попади она тогда руки КГБ, нас, в лучшем случае, сгноили бы в «психушке», если следователи не забили бы до инвалидности на допросах. Знаю это не понаслышке. В моих мемуарах я подробно описал, как в студенческие годы мне «дали прикурить» с полгода в добротной тюрьме, по политической статье. Дали только за то, что тогдашнему главному дебилу державы, Никите Хрущёву не понравились настроения студентов Ленинграда во время встречи с ними в ЛГУ имени такого же негодяя и сталинского прихвостня, Жданова.

Итак, мы на три месяца забросили эстраду и сели писать эту пьесу. Писалось мучительно. Да, мы понимали, что никто, никогда, ни наши жёны, ни дети не прочтут этой вольницы. Понимали, что сейчас мы не должны бояться возмездия репрессивного аппарата, а честно, и вольготно, не сдерживая себя вылить всё, что накопилось на чистые страницы! Но убить в себе сотнями лет генетически воспитанного труса--было бесконечно тяжело.

22 июня 1971 была поставлена последняя точка. На титульном листе мы жирно написали фамилию автора: Ли Бо, перевод с китайского--Линь Ши. Выпили по рюмке водки. Молча, пожали друг другу руки, и, взяв в сарае моей дачи в Юкках штыковую лопату, глубоко зарыли и замаскировали дёрном в саду опасный опус под дальней яблоней. Предварительно мы заключили его в герметичную железную банку, обернутую в полиэтиленовую плёнку и, густо обмазанную солидолом, чтобы дольше не ржавела. Зарыли на-все-гда! В подарок археологам пятого или десятого столетия....

Да, да, навсегда! Ибо даже в самых сладких снах мы не могли бы себе представить, что в этой страшной

системе, за оставшиеся нам годы жизни, может хоть что--то измениться вообще.... Но, может быть, внуки и правнуки...

Однако через двенадцать лет, без разрешения Володи Синакевича, я вырыл банку, и одну из трёх хорошо сохранившихся копий текста дал прочесть своему «хорошему, верному, преданному, честному другу». «Друг» ровно через неделю меня заложил.... Следователь, вызвавший меня, достав пьесу, строго спросил: откуда у меня, известного эстрадного драматурга эта пошлость? При этом он вел себя очень интеллигентно, не выбил сразу ногой стул из под меня, и не ударил тяжёлой чернильницей по голове. Я не стал отпираться, сказав, что эту мерзкую китайскую агитку нашел в своём почтовом ящике. Очевидно, бросил её туда кто--то из моих завистников--коллег, или, в отместку, задетый за живое персонаж одного из моих обличительных фельетонов. Пьесу, мол, я бегло пробежал глазами и, как преданный власти бывший активный комсомолец, хотел тут же выбросить эту мерзость на помойку. Но, потом, изменил решение, и попросил своего приятеля, который, как я знал, близок к вашей замечательной организации, передать её куда следует. Спасибо ему! И счастье, что она все--таки попала в ваши надёжные и честные руки. Ковыряться в этой примитивной лжи интеллигенту не захотелось, тем более, что он не поверил ни единому моему слову. За мною в то время тянулся немаловажный и очень престижный шлейф автора монологов Геннадия Хазанова, Клары Новиковой, а главное-- Аркадия Райкина, и он закрыл дело, наверняка, оставив пьесу у себя, как реликвию. На этот раз... уфф...--пронесло!!!

В 1990 году, в жарко--тупиковые годы Горбачёвской перестройки, пьесу напечатал, очень в то время

популярный журнал: «Изобретатель и рационализатор». Главным редактором которого, в то время был мой друг и замечательный честный человек, Слава Грачев. Это была уже моя третья за два года пьеса, помещённая в этом журнале. Первая, автобиографичная, увидела свет в 1987 году. В ней я описал трудную судьбу изобретателя в СССР, оставив все настоящие фамилии чиновников, с которыми я безнадежно бился долгие годы, пытаюсь, хоть чем-нибудь помочь стране безнадежно задавленной коррупцией. Фамилия главного героя--борца в пьесе была созвучна моей--Вирский. По тем временам пьеса была очень острой и наделала много шума, в корне изменив мою последующую биографию. После её выхода в журнале я, проработав до того времени 15 лет автором--исполнителем своих фельетонов и монологов на эстраде, снова вернулся в науку, технику и бизнес, но это уже совсем другая история... В 1990 году я поставил пьесу «Пробуждение» в театре, который создал на свои средства, организовав кооператив по очистке канализационных труб, с помощью машин, которые спроектировал, разъезжая со своими авторскими концертами по стране. С собой я все эти годы возил портативный чертежный кульман и чертил в гостиничных номерах эту ультрасовременную разработку,--машину моей конструкторской мечты. Благо, я был приличным гастролером, работающим на аншлагах, и мне полагался люкс или одиночный номер. Ушёл я на эстраду в 1969 году из Коммунального НИИ с должности начальника крупного отдела, Ушел вынуждено, так как, поступил в очную аспирантуру, в которой изобрел и сделал в металле первый образец этой машины. Машина по производительности в несколько раз обгоняла

аналогичные западные модели, и заменяла труд 400 рабочих. Руководителю «Водоканала» эта затея встала поперек горла, ибо по тем законам при закупке каждой такой машины надо было бы уволить такое же число рабочих. Мне настоятельно намекнули, что моя диссертация с машиной такой производительностью не пройдет,--надо «умерить её прыть» раз в тридцать! Я было попытался сопротивляться, найти правду в «верхах», но, потеряв понапрасну время и силы, послал всех очень далеко и ушёл на эстраду читать свои монологи и фельетоны.... На эстрадном поприще мне повезло, и я не только выбился в мастера разговорного жанра самой высокой категории, но и стал Лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады! На малой сцене Театра им. Ленсовета в Ленинграде, я в 1988 году, основал свой собственный театр, дав ему такое же название, как и у моего кооператива:--«КРОТ» (Камерный Российский Остросюжетный Театр), в котором поставил одиннадцать из двадцати своих пьес. В моей труппе было два народных артиста и пять заслуженных. Пьеса «Пробуждение» шла более года на аншлагах, хотя время для театров было более, чем тяжкое. Хлеб людям в те перестроечные, годы был нужен значительно больше чем искусство. В девяностом году эта пьеса могла появиться на сцене только потому, что рухнула КГБешная цензура. Но зритель еще окончательно не опомнился от пережитых страхов, ночных «воронков» и коммунистических бериевских застенков. Во время спектаклей в зале стояла напряжённая тишина,--а не перегнули ли вы палку ребята?! Спасали спектакль только бурные аплодисменты после закрытия занавеса. Они были

безлико--общими! Одни на всех! А всех не посадишь! И тут уж народ смелел!

Сегодня моим сверстникам, а особенно молодёжи эта повесть по пьесе, очевидно, будет казаться просто беззубо--смешным, почти весёленьким водевилем. Однако, не торопитесь, господа--товарищи! А лучше задумайтесь после её прочтения, каково же оно было то время! И как оно созвучно сегодняшнему, нашему! Прикиньте, да как же запуганы были мы, её авторы за те семьдесят лет прошлого века, если сразу же после рождения пьесы навсегда захоронили её в земле! Навсегда! И не приведи Господь, нам с нынешним лидером вернуться опять в те, не такие уж и далекие горькие годы! Задумайтесь и над тем, что на последних «липовых выборах» президента, его мафиозной думы и карманной партии, действительно самые значительные имена, самые талантливые представители интеллигентной элиты страны, надежда честь и разум России, без колебаний, без оглядки сразу же предали свои идеалы. А с ними и весь свой наработанный, и не всегда лёгким трудом и прожитой жизнью имидж! Продали в одночасье свой, увы, серый, в массе ещё слабо, а скорее лениво думающий народ! Продали почти единогласно и гласно! С горящими от преданности глазами! С высунутыми до упора шершавыми языками, истекающими сладкой липкой слюной! Готовые самозабвенно, до потери пульса, как и в те былые страшные времена,--лизать и лизать без оглядки! Вылизывать до обнажения тазовых костей чресла его любимого!

Причем, что особенно тревожно,--продали то они нас, эта «элита» в большинстве своем, за просто так! На всякий случай!... Как бы не стало хуже!...А вдруг он возьмёт, да и отнимет кусок уже оторванного ими

пирога! А вдруг отодвинет от следующего кусочка!..
Поверьте земляки,--это очень настораживающий симптом! Очень! Потому что, вместе с ними в единой упряжке еще такая же, продавшая, вся и всё лучшее человеческое-- Государственная Дума! И, конечно же, очень большая по объёму, полной потери совести, упёртости и генетической тупоголовости--президентская партия. Я повторяюсь потому, что все несчастья человечества происходят оттого, что для всех нас опытов вчерашнего дня, опять же увы-- не существует! Мы бросаем проигранные сюжеты, как ребёнок надоевшую игрушку, и тянем ручки к новым красивым с виду игрушкам. У нас нет привычки, подводить итоги и делать выводы: нет института репутаций! Поэтому мы каждый раз начинаем жизнь с понедельника, с чистого листа, не замечая, что это, в сущности --то, уже прошлый понедельник. Поэтому продолжаем питаться собственной исторической отрыжкой, удивляясь,--ах, как это противно...Так что давайте гордиться собой и следовать нами самими установленному жесткому правилу:--дал обет постоянно делать все глупости, которые только можно сделать,-- строго держись избранного пути! Итак, уважаемый читатель, впереди у вас повесть с фабулой сорокалетней, но с ещё очень свеженькой по нынешним временам давностью. Читайте и не обессудьте!

П. С.

Прочёл последние строки вступления мудрой жене. Качнула головой и грустно заключила:--опять нарываешься, дурень! Тебе что, больше всех надо?!...

И я подумал, как в том замечательном старом еврейском анекдоте:--«А ведь и ты Роза, тоже

права».....

Х.....

Сначала чуть слышно зазвучала песня, которую лихо распевали осипшие от ветра мужские голоса:

Полюшко--поле,

Полюшко--широко поле.

.....Едут эх, да по полю герои.

Эх, да Красной Армии герои...

Песня то становилась громче, то ослабевала почти до полной тишины. Коршун любил эту песню и в длинных конных переходах приказывал эскадрону петь её по несколько раз на дню. Песня поднимала настроение. Заставляла забывать о голоде и жажде. Оттаивала загрубевшие в огненных боях сердца. С этой песней в едином крике он вел ребят в бой. С ней истово рубил тяжелой, острой, как бритва шашкой --белякам, зеленым, фиолетовым и разной другой цветной буржуазной сволоте, всё, что попадало под казацкую дедовскую шашку! Рубал на полном скаку--руки, шеи и головы--сверху вниз, пополам, да так рубал, что иной раз сталь доходила до самого седла. Рубака он был лихой, Рыжей масти конь под ним был горячий, арабской редкостной породы. Да и сталь дедовской сабли была настоящая, дамасская, добытая предком, ещё в Крымскую войну у какого--то там турецкого паши. А, может, дед и врал. Числилось за ним частенько такое дело, особенно после трёх--четырёх кружек первача. В её эфес, когда--то, видать, были вставлены неплохие камушки. Но, то ли дед их сам повывокывывал по нужде,--жили--то тогда небогато,--революция,... как ни говори,... мать её,... ядрёный корень... То ли и досталась она родичу уже такой же, без камней... один Бог теперь знает... Когда ж это было?... Да и тот, вряд ли знает... поди уже забыл...за давностью... Делов--то у Спасителя

нашего на земле--слава тебе, господи... Да ещё и на небе нужно с ангелами разбираться,--те тоже, иной раз, пошалить любят. Особливо ангелочки со своими махонькими луками..... Так и норовят не в то сердце стрелку запустить, ядрёный корень.... Песня затихла потихоньку. Ушла далеко с концами и воспоминаниями... Ушла куда--то далеко, а он, значит, комвзвода, командир Первой Конной армии Семёна Михайловича Будённого, Коршун Виктор Иванович, так он числится на земле по паспорту,--остался. И вот он и сам, личной своей персоной, возлежит, почему--то совершенно неподвижно, на чём то твёрдом и накрыт с головой белой простынёй, как всё равно, что настоящий покойник. Тем более, что не может шевельнуть ни одним своим членом из всех четырёх, не считая, конечно, голову на шее. Голова--то она на теле человека хоть, вроде бы, и отдельно существует, но она не какой--то там подвижный член, как, скажем, рука или нога, Она орган особой неподвижной функции. Она вместителище для мыслей. Коршун любил пофилософствовать на отдыхе. Образован он был не так, что--бы уж слишком, не какой--нибудь там доисторический римский Сенека. Всего--то три класса сельской школы осилил, а дальше мамке надо было помогать. Про этого Сенеку, он слышал на какой--то полтинформации, в полку. Профессор из учёных занятие проводил. Кто он этот Сенека, что он там сотворил для всего прогрессивного человечества и рабоче--крестьянского сословия, Виктор Иванович не совсем понял, но имя этого Сенеки, почему--то крепко запало в башку. Профессора этого, яйцеголового, привел в полк сам Левенсон, комиссар Конармии Будённого. Семен Михайлович тоже на ней присутствовал лично. Сидел, молча, вопросов по ходу лекции не задавал,

подкручивал, как всегда, то правый, то левый ус. После окончания подозвал Левенсона и так негромко спросил:

--Он кто будет этот твой мудрец--лектор? Он как, за красных или за белых? Что--то я, честно говоря, этот момент не очень уяснил из его беседы. Путанная она уж больно?. Да и замудил он ребят по--моему? Может его сразу в расход пустить? Шибко уж он гладенький весь? Да и Сенека его, тоже темная лошадка, социалистической революцией от него не пахнет? Еврейчик, поди? Уж больно умный этот философ, по его рассказням выходит!

Левенсон хмыкнул, так, вроде, про себя, и говорит:

--Вы Семен Михалыч, еще Сенеку в евреи запишите. А профессор этот из университета, его сам Владимир Ильич Ленин хвалил. А философ Сенека был близок к революционному движению в Риме. И за это его тогдашний диктатор Нерон и повесил.

--Так прямо и повесил?

--Так прямо, Семен Михалыч. На виселице.

--Значит, по--твоему выходит, что он, видать, наш человек был.... Как говорится,--скрытый внутри себя пролетарий, хотя и философ. Тогда другое дело. Тогда пусть себе живёт. А этого еврейчика накорми, да с собой ему солдатский паёк домой дай! Ильич наш--тот нечеловеческое чутье на врагов революции имеет, недаром столько попов велел пострелять и перевешать, чтобы трудовому народу легче дышалась ! Великий он человек, и с буржуазным с говном-- дело иметь, не намерен!. Он так, между прочим, и пишет в трудах своих, не стесняется, хоть и сам из интеллигентского сословия:--буржуазная интеллигенция, пишет,-- говно! И дело иметь с ней пролетариату--не рекомендую! Продадут, сукины сыны за грош!

Открытым текстом писал! Не стесняюсь, так сказать, непечатной орфографии! Значит, ты ручаешься, что этот лектор наш человек?... Хотя и профессор жид, и тоже из интеллигенции?. Да, ладно...Пусть живет!... Ты мне лучше растолкуй, Левенсон, откуда это в вашем народе столько умных голов нарождаются? Может быть, этот феномен от каких--то химий происходит? Какой--то древний секрет идёт из рода в род? Может с семенем, которое вы в ваших баб впрыскиваете для деторождения, какие--то манипуляции тайные творите? Наши--то бабы уж никак не хуже ваших, а возьми мужиков,--так те вообще!... Уж куда там, вашим заморышам с пейсами до наших!?... Верно ж?! А тут тебе и Троцкий, и Свердлов, и Урицкий, и ты!? Да, что там--ты! Карл Маркс со своим Фридрихом, да с Кларой Цеткин,--считай все великие мировые вожди, можно сказать,--и те ваших жидовских кровей! По секрету тебе скажу, только ты не трепись, я же тебя знаю,--слыхал я, что и сам Ильич тоже еврейскую примесь в крови имеет... От прадеда. Обрати внимание:--по глазам--вроде бы раскосый, ну чистый татаро--монгол, а по лысине--Абрам, Абрамом. Вот только на Фаине Каплан вы маху дали....Тут в вашей нации чистая осечка вышла... Большая получилась промашка... Слыхал я, её, паскуду, в бочке с бензином сожгли. Вот это по--нашему, по большевитски! Быстро, изобретательно, круто и доходчиво! Туда ей и дорога. А Троцкого я уважаю. Трибун! Настоящий трибун. Ему бы ещё--русскую внешность от рождения...Этот далеко пойдёт! Очень далеко! Сразу за Ильичём встанет у руля! Как пить дать встанет! Помяни моё слово!

Троцкого Коршун тоже крепко уважал. Пару раз слышал, тот ему даже руку жал лично, и с ним готов

был идти хоть на край света. Драться с врагами революции до смертного конца своего. А что он не русской внешности--так это пустое. Возьми латышей,--отличны ребята. Их по нашему научить говорить и вполне свои ребята, в бою не отличишь. Так же идут в атаку, так же умирают от пуль и снарядов. Только вот пьют, пожалуй, поменьше наших. Но этот их порок со временем сама жизнь искоренит.... Жизнь-- она великий педагог, всему обучит, дай только время...

Одного только не мог понять комэск, чего это он так долго неподвижно лежит? Почему не трубит трубач подъём. Толи он тоже сам проспал?. То ли осколок снаряда его трубу поранил? Почему не может закончиться этот тяжёлый и такой крепкий сон? Почему?....

.....Х.....

Доктор Альтман присоединил последнюю трубку к аппарату искусственного дыхания, включил кнопку «пуск» и, тяжело вздохнув, начал стягивать с рук резиновые перчатки. Казалось бы, эксперимент начался вполне благополучно. Щеки, лежащего на столе больного, привезенного монахами неделю назад из старого православного монастыря, закрытого по строгому решению Первого Секретаря Обкома КПСС, Платонова Пал Палыча, порозовели. Пульс бился наполнено и ровно. Легкие хрипы в трахее практически прекратились. Можно было будить пациента. Городская больничка, как и сам провинциальный, забытый богом и столичными властями городок, давным--давно дышала на ладан. Операционная с большим натягом могла носить это гордое медицинское название. Ибо даже скальпели были конца прошлого века и точил их местный парикмахер. Как правило, мест в палатах не было, и больные лежали в коридорах, вестибюле больницы,

и даже во второй комнате тесного морга. Катастрофически не хватало кроватей, матрацев, ваты и шприцов, не говоря уже о самых необходимых элементарных медикаментах. Спирт, получаемый с огромным трудом, тут же реализовывался по прямому назначению младшим медперсоналом, если и довозился до склада больницы шоферами двух машин «скорой помощи», которые чаще использовались в качестве грузовиков и персональных автомобилей главврача: Геннадия Васильевича Кукина и двух его заместителей, не имеющих к медицинской профессии никакого отношения. Лечащих докторов было четверо. Два пенсионера за семьдесят, алкаш, бывший сельский фельдшер, и доктор Альтман, сорокапятилетний выпускник московского мединститута, закончивший его с красным дипломом. Врачом он был--милостью божьей. Распределение после вуза прошел блестяще по всем пунктам, исключая «пятый». В те прелестные времена пункт этот кое для кого обозначал не слишком популярную в стране советов национальную принадлежность.

Большого интереса для руководства больницы, человек, лежащий, на операционном столе не представлял. Более того, если бы Пал Палычу можно было куда--нибудь спихнуть этот полутруп, а не тащить в больницу, здесь и духа его уже давно бы не было. Но в данном случае, вопрос о пребывании этого неопознанного тела, после закрытия монастыря, в котором оно, обездвиженное глубоким многолетним летаргическим сном находилось на попечении монахов,--имел некую политическую окраску.

Ходили слухи, что попал он к сердобольным монахам ещё в годы гражданской войны в результате

контузии, и мог иметь прямое отношение к солдатам Красной Армии.

Монахи жалели его. Кормили через трубочку, мыли, убирали из--под него нечистоты, регулярно стригли и брили, оставляя чапаевские усы и залихватский светлый чуб, и числили «божьим посланником». Попытки разбудить спящего --не увенчались успехом, и его странный крепчайший сон братия более не тревожила. Выглядел он неплохо. Не старел с годами. И хоть годков ему было к этому моменту наверняка за семьдесят с гаком, но на вид он имел не более 25--30. Монастырь висел на волоске. Новый Секретарь Обкома, был истинный, верный коммунист, можно сказать, яркий представитель своего замечательного лживого времени. А в застойные брежневские годы партийная ложь была возведена почти в доблесть. И наш Пал Палыч, попав на столь высокую должность, должен был оправдать доверие вышестоящих руководителей, и создать себе ореол непримиримого борца со всеми существующими и несуществующими в его городе недостатками. На то он и был поставлен партией новым Первым. Город, как и практически, все периферийные малые города в стране, был запущен до предела. Казна пуста. Магазины тоже. Старые дома вот, вот, начнут рушиться. С чего начать? В чём сразу же проявить свою нестигаемую партийную волю и огромные организационные способности?! Как неординарно заявить о себе наверху? Плакаты, радостно славящие родную коммунистическую партию, и её славных, дышащих на ладан, периодически впадающих в глубокий старческий маразм вождей, крепко вросшие в крыши облупившихся домов, уже много десятков лет не вселяют должного энтузиазма в сердца жителей города. Более того, время от

времени над ними глумятся молодые хулиганы с комсомольскими значками на лацканах пиджаков, сбрасывая по ночам на землю страстные партийные призывы, и с большим мастерством отретушированные портреты.

Конечно, можно было бы, спокойно себе сидеть в приличном кабинете, с молодой длинноногой комсомолкой секретаршей в просторной приёмной, так же, как и его, ушедший на повышение предшественник. Ни делать резких движений. Во время поддакивать вышестоящим. Высоко и вовремя тянуть руку в положенных ситуациях. Никогда не говорить там, где не надо слово «нет», и всегда, где надо--слово «да». Хлебосольно, желательно с егерской охотой на завезенного из зоопарка кабана, с последующим отдыхом у богатого питейного стола в финской бане, встречать проверочные комиссии партийных бездельников от высоких обкомовских секретарей, до иной раз полезных, крайкомовских инструкторов. Тут Платонов вспомнил забавный случай с кабаном. Приехало начальство из соседнего края. А последнего кабана в зоопарке пристрелил военком неделю назад. Стали думать в кого стрелять? Думали, думали и решили привезти из колхоза кабана производителя. Гостю--то один хрен в кого палить их двух стволов. А шашлык будет отличный и безопасный. Ну, а дальше всё было как обычно : трещотки , вопли загонщиков и на гостя из кустов вывалился опаснейший зверь килограмм под двести. Начальник, наделав в штаны от страха, так как это была его первая в жизни охота, закрыв глаза, пальнул куда--то.....Кабан с диким поросычьим криком свалился на бок и.....опоросился шестью поросятками. Свинар, отбивавший кабана был в стельку пьян и вместо могучего производителя

велел погрузить в кузов грузовика свиноматку на сносках. Смеху было столько, что и сам Пал Палыч вечером перед сном, сменив трусы пошел под душ. Гостю подарили пару живых очаровательных малюток с розовыми пяточками, а остальных пожарили на вертелах, и он остался доволен «шуткой». Да, да! Безусловно, таким образом, можно было бы с десятков лет просидеть в этом мягком кресле... , но... Не таков был наш Пал Палыч. Не таков! Всё это он уже прошел, правда, на вторых ролях, в нескольких подобных этому городках. И сейчас. Сегодня... Может быть, и завтра...но, в недалёком завтра, он должен был обязательно взлететь наверх повыше! Пусть не на самый верх, но в город или район значительно крупнее и покруче! Значительно! И для этого с его большим наработанным номенклатурным опытом и жадной взлёта было всё! Всё! Кроме «его величества»--подходящего случая! Да, да! Герою пилоту нужна была, если уж не космическая ракета, то уж во всяком случае, быстроходный номенклатурный реактивный самолёт с высоким полётным потолком. Очень высоким! Максимально высоким! И первой ступенью, с его точки зрения, такой ракетой вполне мог стать надоевший, намозоливший глаза и уши высшему краевому руководству,--православный монастырь, основанный еще в восемнадцатом веке тогдашним губернатором города. И для отрыва от надоевшей земли, для легкого старта, он зарядит двигатели своего космического корабля проверенным коммунистическим топливом--нетленными трудами ещё того Ильича, не нынешнего спасителя СССР во Второй Мировой войне, супергероя Рембо «Малой Земли», а того, вечно живого Ильича! Нет сегодня вешать и стрелять монахов, как тот советовал, ни

кто не будет,--не те времена, но закрыть монастырь, и дать по 15 суток его обитателям за тунеядство--это неплохая задумка! И она, наверняка, должна сработать! Наверняка! Главное с толком зарядить на это СМИ. Будет газетная помпа--будет и благоприятный резонанс.

Сказано сделано. Правда, об этом сладко спящем полсотни лет полутрупе в монастыре он, как--то, не подумал, но, может быть, это и к добру... В местной больничке, скорее напоминающей грязный гадюшник, чем медицинское учреждение, говорят, есть неплохой жидёнок врач. Прежний Первый, хвалил его, как специалиста. Говорил, что настоящий самородок. Что он вытащил с того света его больную раком жену, которую отказались лечить даже в «Кремлёвке». Первый даже хотел забрать его к себе в обкомовскую больницу. Дать приличную зарплату, что бы не помер со своей большой многодетной семейкой с голода, да и приоделся бы поприличнее. А то ведь который год ходит как голодранец в одном и том же перелицованном пальтишке, поди ещё от деда, да куцем пиджачке еще с институтских времён.. В таком виде его даже краевому начальству стыдно показывать и советовать. Но жидёнок оказался доктором с принципами, а вернее с придурью. Ему, как оказалось, видишь ли, было жалко бросать своих голоштаных пациентов--из народа... Более того, он настолько обнаглел, что вернул назад бутылку дорогого французского коньяка, которую прошлый Первый передал ему в благодарность за жену! Ну, просто, дебил.....В ихней нации такие ещё водятся. Недаром генералиссимус их всю жизнь не любил. Грузинским чутким носом, сидя в своём кремлёвском кабинете, ощущал ихний запах с гнильцой.... Вот говорят, что есть хорошие, то есть,

«наши» евреи и есть «не наши». Не согласен. Хороший еврей--это глупая интеллигентская выдумка! И «наших» евреев не бывает! Фашист Геббельс считал, что хороший еврей--это мёртвый еврей. Ну, что с него гниды взять,--фашист--он и есть фашист и сволочь. В нашей партии к ним другой, правильный подход. Евреи могут очень даже пригодиться нормальным нациям! Если их как следует поморить, как тараканов в банке или мышей в клетке, короче, разозлить до предела, а потом выпустить--они способны на многое! Могут библию написать с некоторыми вполне приличными советами. Могут революцию организовать в стране. Опять же лечить могут отменно. Вся суть только в том, чтобы их во--время остановить и снова засунуть до нужной поры «в банку».

Вот и сейчас в местной больничке у Кукина, происходит очень нужное событие:-- Альтман пытается разбудить этого засоню. Интересно как у него это получится и можно ли сделать из этого эксперимента нужную для себя сенсацию. Базис, так сказать, для этого есть. Мол, прежний Первый, за десять лет своего правления--не смог этого сделать, а Платонов пришёл и смог! Ай да, Платонов! И баньку надо подправить. Сработать по--современному. Такую, как у секретаря в Болдянске. Городок--то дерьмым--дерьмо. Поглядеть не на что! Населения вдвое меньше, чем у меня. Одно название города, что только значит: Балдянск! Надо же такое придумать? А вот баньку с финским уклоном-- Первый себе отстроил--будьте--нате. С головой мужик! Парилки три: русская, финская и турецкая и водопад в бассейне. Да и мойщицы у него, что надо: все комсомолочки и годков не более восемнадцати. В парилку заходят строем и песней, голенькие, но в красных пионерских галстуках, с

барабаном и горном! Все, как по уставу. Пришла молодая смена к старшим партийным товарищам на политинформацию! Говорит, к нему зам редактора газеты «Правда» как--то заехал, по рекомендации ответственных товарищей из ЦК Комсомола, приёмом остался очень доволен, и обещал прислать коллегу из «Известий».

Кстати, пора провести коллоквиум с новой секретаршей. Проверить знания по трудовому законодательству и владению французским языком. Так, с первого взгляда девочка кажется кадром боевым, смекалистым, вполне подготовленным к этой должности. Да...и надо сменить диван в моей комнате отдыха за кабинетом..... Уж больно он пообтерся при прежнем руководителе. И обязательно заменить подушку и пледы.

Телефонный звонок жены прервал мысли о модернизации стиля работы. Подругу волновало его запоздание на домашний обед, и он велел водителю, подать к подъезду служебную «Волгу».

.....Х.....

Главврач городской больницы, Геннадий Васильевич Кукин, нервничал. Через несколько минут доктор Альтман должен был начать уникальную операцию. Ничего подобного в анналах советской медицины с момента её возрождения из отсталой, аналогичной науки с тем же названием бывшей царской России, не было зафиксировано. Да, засыпали люди на несколько дней, месяцев, а иной раз и на десяток лет. Засыпали неизвестно отчего и почему. Их будили, и они продолжали дальше нормально жить. Однако была отмечена следующая любопытная закономерность:--во сне, до момента пробудки, они продолжали выглядеть так же молодо какими и заснули, но уже буквально через месяц, другой, их организмы начинали очень быстро наворачивать

упущенное время во сне и очень быстро старели. Остановить, а тем более вернуть этот процесс вспять, врачам оказалось не под силу. И учёные, признав своё бессилие в этом вопросе, прекратили дальнейшие поиски. Тем более, что случаи длительного летаргического сна были достаточно редкими. Феномен спящего более полусотни лет монастырского подкидыша, был действительно почти уникальным, и на то, что Альтман сможет сделать с ним что--нибудь путное, Кукин и не рассчитывал. Разбудил бы, и то хорошо. Альтмана главврач очень ценил. Человек тихий. По поводу прибавки к жалованию--не разу ни возникал. Больные его любили, и в район не жаловались. А что ещё надо начальнику от подчинённого. Не нравилось Сергею Васильевичу только одно:-- увлечение Альтмана запрещенной шарлатанской продажной буржуазной наукой--генетикой. В этих дурацких генах и хромосомах, он ни черта не разбирался. А уж если и он сам не ничего не понимал в этой биохимии, значит, ничего путного в ней не было, и быть не могло! Причем занимался бы он своими спиральками и икс--игриками втихаря, в тряпочку--да и бог с ним..... Так нет же, доставал где--то западные медицинские журналы и пытался просвещать своими космополитическими идеями остальных врачей в больнице. Ну, дурень--дурнем! Хорошо ещё, что эти старперы были старой сталинской закалки, да и мозгов у них на эти новинки не хватило бы....А то того и гляди горздрав и горком дали бы, ему, как главврачу по шее за недосмотр и попустительство вражеской капиталистической пропаганды в его вотчине.

А разбудить засоню было необходимо. И место он занимал драгоценное, и возиться с ним было некому. Это тебе не монастырь полный

бездельников с постными монашескими рожами! Нет, как ни говори, а наш --«вечно живой» был на сто процентов прав--религия она есть опиум и для народа, и для главврачей больниц--в особенности. Толку от неё на грош, а забот идеологам--полон рот. Конечно, в обкомовской больнице этому летаргику было бы комфортнее. Там другое дело, другая планета, как говорится...И тебе одноместные палаты, и другие зарплаты врачей и персонала, и шприцы с острыми новыми иглами--не надо точить, спирта--залейся и вата первородная, а не после чистки. В туалетах не газеты из старых подшивок времён НЭПА и не наждачная бумага, а бархатные рулончики из ГДР. У коммунистических вожаков анусы нежненькие. Хорошо ещё, что иной раз, ихний снабженец по доброте сердечной подбрасывает с десятков рулончиков для дома и семьи. Уж больно жена со своим геморроем не любит с ватманом в туалет ходить.... А так, если эксперимент у Альтмана получится, проснувшегося пациента можно будет спокойненько перекинуть в дом престарелых. Где ему, старому пердуну--самое место. Считай, что если ему сейчас тридцатник с небольшим, то плюс проспатый им полтинник,-- глядишь, пацану стукнет уже за все восемьдесят!.... А там уже и самое время в морг. Самое время. А постареет его организм очень быстро. Альтман говорит, что процесс пойдёт со скоростью скорого поезда. Два --три месяца--и вот тебе готовый отец Фарио, или Ив Монтан, только что сбежавший из камеры замка Иф, из французского кино. Бородища отрастет до пупа!

Геннадий Васильевич надел халат, повесил стетоскоп на грудь и отправился в операционную.

Работа шла своим чередом. На операционном столе лежало покрытое простынёй тело, от которого к

примитивным приборам ещё довоенных времен тянулись провода и трубки. Мерно стучал метроном внутри допотопного осциллографа, отсчитывая пульс спящего. Альтман кивнул главному и продолжал внимательно следить за приборами. Кукин сел в сторонке на вращающийся металлический табурет и закурил. Полостной операции не ожидалось, а потому хранить чистоту воздуха в операционной и строгую хирургическую гигиену было ни к чему.

--Фима, у меня через сорок минут совещание...

--Сейчас, Геннадий Васильевич, сейчас. Сережа, вырубай электросон. Вася, у тебя как?

--Как у Аннушки, Ефим Борисыч, ещё и уже... Народная мудрость, господа!

Пульс, давление--в пределах нормы. Надо сказать, что организм у этого паренька--железный.

--Выражайся точнее, не паренька, а старичка. Паренька мы после побудки ещё попробуем из него сделать, если, конечно, Геннадий Васильевич не будет возражать?

--Ты, Фима, мне эти шуточки брось. Буду, и ещё как буду. Будить--буди, но дальше, чтобы--ни, ни! Понял. А иначе я тебе эти твои гены хромосомы Вейсманистские, знаешь, куда засуну?!...

--Догадываюсь, Геннадий Васильевич. Но наука, она есть наука, и её как сноровистую лошадку одним окриком не всегда удаётся остановить. Будем стараться.

--Вот, вот, постарайся!...Если не хочешь санитаром в вытрезвителе работать. А то у меня это быстро!..

--Геннадий Васильевич, погасите свет. Если пациент проснется он ему, с непривычки, будет резать глаза.

--Не тяни кота за мошонку, Фима, давай! С Богом!

--С Богом.....И чтобы никто ни звука! Вася--рубельник.

Тело под простынё резко дернулось, затем стол слегка зашатался, и из под простыни громко и членораздельно прозвучало, исконно русское, многоэтажное выстраданное нацией столетиями смачное ругательство. То самое, которое в сложных или неожиданных ситуациях россиянину невозможно заменить ничем! То самое, которое вырывается почти стоном из души, из сердца и, конечно же, из самой глубины гортани, когда приходит его, и только его время для вылета! То самое, которое исключительно по незнанию российской истории часто мы приписывали татарам, якобы заимствованное у них во время долгосрочного ига. У татар и монголов оно действительно тоже было, но скорее всего, они переняли его у русских воинов, когда те гнали их в смертельных битвах с родной земли! И произнести его могли только самые мерзкие воины! А татаро--монгольским оно не может быть уже хотя бы только по тому, что правоверный мусульманин даже под страхом смерти ни никогда его не произнесёт, и тем самым не предаст богохульству святое для него имя матери!

--Больной вы меня слышите?

В голосе Альтмана звучали торжественные нотки. Голос его почти пел! В ответ из под простыни прозвучал негромкий стон и, очередное, не менее изысканное и столь же утвердительно--убедительное ругательство.

--Как вы себя чувствуете?

--Я, что ли?

--Да--да, вы.

--А хрен его знает! Никак не чувствую. А почему темнота--то такая. Мы что от кого--то прячемся, что ли ?

--Пошевелите, пожалуйста, рукой, ногой...Владеете ли конечностями?...

--Ну.

--Болезненные ощущения движения не вызывают?

--Слушай доктор, что--то ты уж больно заботливый. Ты кто?

--Я врач.

--Врач...Хм... А что ты от меня прячешься, врач? Странно как--то это...

--Больной, слушайте меня внимательно. Вы находитесь в городской больнице после тяжёлой и продолжительной...очень продолжительной болезни. Практически вы находились в коме, это полное отключение сознания, в которую вас ввергло какое--то мощное потрясение...

--Какое такое еще потрясение? Что--то не помню такого?

--Ну, я--то тем более не могу этого знать. Скорее всего, это было связано с контузией. Но об этом мы с вами будем говорить позже. Сегодня, несколько минут назад вы впервые пришли в сознание. Сейчас я начну медленно включать свет. Если в ваших глазах появятся болевые ощущения, рези, сразу же закройте их. Но, главное, ничего не бойтесь, не волнуйтесь, лежите спокойно и все будет хорошо...

--Врач, ты не пугай меня, не пугай! Я пуганый--перепуганный.

--Вася добавь свет почти до полного, а я приподниму простыню.

Свет стал ярче и на операционном столе приподнялся на локоть симпатичный человек лет тридцати, голубоглазый, с залихвацким чубом цвета спелой пшеничной соломы и будёновскими усами. Свет явно раздражал ему глаза, и он прикрыл их ладонью. После длительного обездвиживания ослабевшие мышцы руки не справились с весом

тела, и больной рухнул на стол. На сей раз, вырвавшееся ругательство было покороче, но не менее смачным. Он обвел операционную и персонал подозрительным взглядом, и остановившись на Альтмане, с явно слышимой угрозой спросил:

-- А где Кривонос?

--Простите, любезный, какой Кривонос?

--Ага,...понятно.... А Батенин? Мишка Меньшиков?

--Кто это? Ваши друзья?

--Да уж не твои, шкура белая.... Не твои и этих твоих продажных сучар!

Больной попытался вскочить, но ослабевшие мышцы ослушались тела и он с грохотом свалился на пол, и в бессильной ярости продолжал материться. Альтман и персонал бросились на помощь и снова уложили его на стол.

--Ну что же вы, наш дорогой! Как же это вы так!... Что вас так взволновало?...Ради бога успокойтесь... Ребятки, попридержите его, но не сильно....не так сильно.... Что же вас так испугало? Здесь же все ваши друзья, ваши добрые друзья, поверьте мне.

Больной скорчил страшную физиономию и в дикой ярости, брызжа слюной, прохрипел:

--Сладко поёшь, сволочь! Сладко всё равно как канарей... Без сил я...Нет у меня даже способности плюнуть в твою белогвардейскую рожу!...

Кукин затушил сигарету, плюнув на пальцы, засунул её обратно в пачку и положил в карман халата. Медленно слез с высокого табурета и подошел к столу.

--Ха--ха! Как интересно..... Ты братец, случаем, до армии не в театре артистом на выходах служил?

Больной неожиданно для всех сделал резкое движение и, ухватив Кукина за полу расстегнутого халата, притянул к себе.

--Интересно тебе тыловая крыса! Погоди, погоди, дай мне только малость очухаться и отыскать своих фронтовых ребят! Мы тебя, гниду царскую, враз к стенке поставим, или башку твою поганую я сам, лично шашкой срублю! Ты, тварь ещё узнаешь, как Витька Коршун, комеск Первой Конной Семёна Михалыча с врагами угнетённого народа счёты сводит! Ну, а если уж так, ежели я попался в ваши, большевистской красной кровью обагрённые лапы-- нечего мне яйца крутить своими культурными нежностями, да простынями чистыми,! Кончайте меня и с концами! Всё равно я вам ничего не скажу! Не таков, Витька Коршун! Промахнулись вы! Не на того напали, сволочи.

В операционной воцарилась неловкая тишина. Кукин поглядел на Альтмана и покрутил указательным пальцем у виска. Василий, не сдержавшись, прыснул в кулак. Сергей, на всякий случай, не без усилия, разжал кулак Коршуна, и освободил от мертвого захвата побелевших пальцев халат главврача.

Альтман подошел к комеску и, бесстрашно положив ему руку на лоб, начал говорить спокойно и негромко, как общаются хорошие педагоги с капризными детьми:

--Правильно, правильно, Виктор, помолчите. Помолчите ,мой дорогой. Кажется, я начинаю понимать в чём дело. Вероятно, вы принимаете нас за представителей Белой Армии, времен Революции и Гражданской войны 18 года! Не так ли?

--А как же ещё! Самые вы, что ни на есть беляки! А кто же ещё?

--Помолчите и послушайте меня. В то, что вы сейчас от меня услышите--чрезвычайно трудно поверить человеку в вашем нынешнем положении. Безумно трудно.... И все мы, тут находящиеся, это прекрасно

понимаем. Случай с вами не только невероятный, но можно без преувеличения смело сказать--просто фантастический! Любой писатель--фантаст за такой сюжет отдаст год жизни, если не больше.

--Не мудри, доктор. Красиво плетешь! Не засирай своей фантастикой--мудистикой мне мозги!. Меня и без твоих рассказней мутит хуже, чем поутру от четвертной плохого первача с кружкой пива накануне. Давай лучше к самой сути, да поскорее, пока я сам не подохо от собственной своей смерти, ввиду слабосилия, на этом твоём столе. Всё одно, как собака под забором....

--Понимаете Виктор, так как--то получилось, что вы очень много лет находились в таком своеобразном шоковом состоянии. Да, да, я не оговорился--именно много лет! То ли это была кома, то ли очень уж затяжной летаргический сон. А, скорее всего, одно из этих тяжёлых состояний, перешло в другое. Видимо это произошло как следствие контузии от взорвавшейся гранаты или снаряда, а, быть может, и просто от очень сильного удара по голове. Во всяком случае, длительность вашего странного сна, насколько мне известно сегодня, не имеет мировых аналогов и вполне может войти в книгу Гиннеса.

--Такой книги не читал. Маркса Энгельса штудировал для политзанятий. Ленина, Троцкого почитывал, но вашего Гиннеса не пришлось. А я сколько же провалялся без памяти , конкретно? Неужто, больше десятка лет?

--Да нет, куда поболеем. Предполагаю, что где--то в районе пятидесяти--шестидесяти...

--Вот тут, докторишка, ты и вляпался! Тут и попался! Врать тоже надо с умом уметь, гражданин белый интеллигент! Твою мамашу!... За дешёвку меня принял! За клоуна циркового! Мол, этому простаку можно, что хочешь ласкою впарить! Ошибочка тут

у вас случилась, гражданин лекарь! Опечаточка, так сказать! Всё ! Тушите господа хорошие ваши лампы над столом и кончайте Коршуна! Не мучайте. Больше я вам ничего не скажу! И в сказки про спящую царевну, я уже давно не верю! Не мальчик уже! Ну, а если опять засну, то уж будите меня не током, а как ту царевну в сказке. Найдите Ивана царевича послаще, и пусть он взасос поцелует меня меж ягодиц! Так оно будет мне поприятнее.

Василий опять прыснул в кулак и выскочил из операционной.

Вон гляди уже побежал бегом, герой, видать, зубы перед поцелуем для гигиены захотел почистить.

Кукин расхохотался и, снова закурив, обратился к комеску:

--А вы что, любезный, и вправду в Красной Армии служили?

--Нет, в вашей Белой. У вас кормят посытнее, и обхождение поласковее, особливо с пленными поначалу....

--Фима, умора! Он и в самом деле нас за белогвардейцев принимает! Это же двинуться можно от смеха! Кому рассказать, ведь не поверят, ни в жизнь.

--Да уж таких рыл окормленных, да ещё и с таким духовитым табачком в папиросках--у наших не встретишь!

--Побаловаться не желаете? Может быть, затянетесь разочек?

Кукин достал пачку сигарет и зажигалку.

--Это у вас так последнее желание перед смертью выполняется? Добренькие, гады! Давайте, что уж там.

--Сережа, куда делся Василий?

--За свежей газетой в библиотеку побежал, Геннадий Васильевич. Да вот он уже несётся вскачь обратно, я его походочку ни с какой другой не спутаю.

В операционную, запыхавшись, влетел Василий с ворохом газет.

--Ты потише не можешь, Васёк? Это тебе не женское отделение бани, где бабы тебя ошпарили кипятком из шайки за наглость, а операционная. Газеты--то хоть свежие?

--Вчерашние, Геннадий Васильевич. Но, в местной, как раз про сегодняшний наш эксперимент с этим лунатиком редакционная статейка есть...

--Какой же он лунатик? Он красный командир, комэск армии Будённого.

--Так он же, как с Луны на нас свалился, ни бэ, ни мэ не понимает!

--Ни с луны, а с лошади! Тогда в армии Будённого ни танков, ни ракет и в помине не было, одни лошадки.

--Не лошадки, а боевые кони! В этом есть большая разница! И не надо оскорблять всю конскую породу. На лошадках детей в зверинцах катают! А на боевых конях, таким как вы, продажным белякам, башки рубят!

--Да, да! Ты прав, комэск, Это я случайно, не подумав, ляпнул. Сгоряча. Я всё же главврач больницы, а не казак лихой, я больше приказами по клинике, да авторучкой сотрудникам головы рублю. Так что уж прости номенклатурного клерка за серость. Читать--то можешь? Ах, прости, ты же Маркса с Энгельсом штудировал, из головы вылетело.

--И не только! Я и Ленина Владимира Ильича частенько после боя почитывал.

--Вот и ладушки. Вот и славно. Теперь, вы, уважаемый, товарищ командир будете у нас в больнице комиссаром, как у Семена Михалыча--Левенсон. Вместо нашего парторга, по средам

политинформации с сотрудниками будете проводить! Нам с вашим пробуждением здорово повезло! Это у кого ещё такой молодой и задорный очевидец революции отыщется. Вася, дай комэску газеты, пусть почитает. Надеюсь, товарищ комэск, что вы, наконец--то поверите, что эти газеты мы не специально для вашего прозрения печатали? Так сказать, чтобы надуть.

Ассистенты усадили пациента на операционном столе и дали одну из газет. Коршун недоверчиво взял её заметно дрожащими руками, и громко прочел название:

-- «Правда», Орган Центрального Комитета КПСС....А КПСС это чего?

--Коммунистическая партия Советского Союза,-- бывшая большевиков.

--А вы лично, тоже из неё?

--А как же? Не был бы я достойным членом партии--не был бы номенклатурным работником, и, уж, конечно, соответственно, партия не доверила бы мне высокий пост главврача городской клиники!

--А этот еврейчик--доктор, который меня пробудил, тоже член этой партии?

--Нет, Виктор Иванович, ещё нет, не считаю себя достойным этого высокого звания и доверия партийных коллег. Я сочувствующий.

--Кому сочувствуете--то, не понял?

--Тем, кто этого звания смог стать достойным.

--Ага, понял. Вы, значит, не заслужили доверия коллектива трудящихся этой больницы... Что же это вы тогда, товарищ главный по больнице, доверяете такому человеку лечить больных? Я, между прочем, первым в нашем полку стал большевиком--партийцем, и сильно горжусь этим! Меня сам Троцкий большевиком окрестил! Да,... а

куда же вы своих большевиков--то подевали?
Белякам, что ли сдали, или, может, пересажали?

--Ну, зачем же, вы так сразу, Виктор Иванович. Конечно же, находились в их среде отдельные, чуждые партии элементы. Попадались, не без этого. Этих отправляли в специальные лагеря для перевоспитания. Но, чтобы так всех скопом к стенке,--это, мой любезный, вы уже хватили... Передовой отряд нашей партии, стоящий на страже безопасности нашей героического многонационального народа--Комитет Государственной Безопасности, сокращенно КГБ, состоит и состоял всегда из очень верных ленинцев, которые бесконечно справедливо, осторожно, тонко, но и в тоже время решительно пресекал злостные деяния и настроения самых ловко законспирированных врагов народа, дезертиров, безродных космополитов и прочих изменников Родины. Народ свой родной КГБ любит, чтит, и бесконечно ему доверяет. Фима, ну как ему это подступнее объяснить? Попробуй, может быть, у тебя это лучше получится...

--Виктор Иванович, не спешите. У вас впереди ещё длинная И, не сомневаюсь, вполне счастливая жизнь. Постепенно вы всё поймете. Всё, поверьте мне. Не всё сразу. Помните поговорку:--« и Москва тоже не сразу построилась». Главное же для вас сейчас,--осознать дату вашего возвращения в жизнь.

--В счастливую жизнь, Ефим Борисович.

--Конечно в счастливую, Геннадий Васильевич, а, как же в нашей--то великой стране иначе? Видите, Виктор Иванович, какая здесь дата записана?

--Вижу, доктор, не ослеп ещё, слава богу... Батюшки родные...это сколько же мне сейчас годков--то, мать его, ядрёный корень?!! За девяносто выходит!?!...Охренеть, не встать... Да какая там

счастливая жизнь впереди? Тут копыта бы сразу опять не откинуть! Это и будет это самое великое счастье...

--Вы, наш дорогой, всё это время спали. Крепчайшим сном спали. Были в состоянии анабиоза, так это состояние организма в медицинской терминологии называется. Все биологические процессы в это время затухают, то есть, почти прекращаются, понимаете?

--Да не шибко укладывается... Не уж--то такое бывает с человеком?

--Бывает, бывает и не только с человеком. Животные тоже, правда, редко, но страдают этим недугом.

--Чего--то худо мне, недоспал ещё, видать... Но ты мне одно доктор скажи, революцию мы отстояли?

--Отстояли, отстояли.

--И власть теперича у нас народная?

--Народная, самая что ни есть народная.

--Значит, выходит мы не зря ...не напрасно...

Василий подхватил потерявшего сознание Коршуна и бережно уложил его на стол.

--Молодцом вы держали экзамен Ефим Борисович! Как на экзамене по истории КПСС. Особенно мне понравилась ваша искренность и энтузиазм, когда вы ему втюхивали про народную власть в победившей революции. Это был атас!

--Василий, ты бы попридержал свой дурацкий язык! Посади его в клетку, или зашей рот, пока это не сделали соответствующие органы....

--Геннадий Васильевич, вы, что шуток не понимаете? Это же я для балды, так сказать. Народный юмор, как говорится....

--Вася, я тебя предупредил, а дальше как-- сам знаешь... Между прочим, там за дверью в коридоре сидит Иванов Иван Иванович, надеюсь это фамилия тебе знакома?

--Ну, знакома... А чё ему там в коридоре надо?

--Ну, положим, пока что он дожидается не тебя, а нашего комэска, о котором он толком ещё ничего не знает. Но нюх у него--сам знаешь какой.... И я, так понимаю, запахок, который из под двери операционной тянет, ему что--то по его части навевает... Этот уж, просто так не припрётся... Пардон не заявится....Как пульс, Ефим?

--У меня?

--Нет у меня! У Коршуна, конечно.

--У меня хуже. Просто усталость. Переутомился с непривычки и от обилия невероятной для нег информации.

--Не заснул бы он надолго еще разок. Думаю, что нам с ним прифартило. Если его выходим, хороший бартерный обмен думаю, можно будет произвести...

--Да кому этот старый хрен нужен, разве что нашему патологоанатому, как экспонат для студентов из медучилища.

--Вася!... Мне что, пасть твою поганую кляпом заткнуть прикажешь. Не забудь, что я, в отличии от вас всех тут находящихся,--коммунист! И чудом сохранившийся старый большевик, герой революции и гражданской войны, для нашей великой партии--драгоценная реликвия! А для нас, я имею ввиду для всего коллектива нашей больницы, --он неожиданный, но чрезвычайно полезный подарок! И, вообще, дай мне спокойно доработать до пенсии .

--Да, нет, я же всё понимаю, не совсем уж дурак безмозглый. Коршун для всей страны и всего прогрессивного человечества драгоценная древняя рептилия, пардон реликвия. Как, к примеру, вымерший миллион лет назад—мамонт. И на этом экспонате можно наварить некоторые блага, впарив его выгодно коммунистам, правильно?

--Безнадёжен... Вали--ка ты отсюда, пока мы ещё целы! Чтобы духа твоего в больнице не было. Фима проведи беседу со своими ординаторами. И, пожалуйста, пожётче! А то распустились совсем, молодёжь,...твою...бабушку...скалкой,...сукины дети!

Сергей, проветрите операционную, и отвезите больного в мою персональную палату. И подежурьте у него с Василием по очереди. И весь срач, который остался после последнего пациента из милиции, вели Аннушке убрать. Да,... недопитые бутылки пусть отнесёт ко мне в кабинет. Понял?

--Как не понять, шеф, не в первый раз. Но бутылки там все сухие. Я заглядывал. Пациент, по всему видать, страдал сильнейшей жаждой и зверским аппетитом. Так что там, в основном, всё чисто.

--А как быть с ответами на вопросы, если он проснётся и начнёт задавать?

--Молчать всем, как рыба об лёд! Понятно? А если уж очень начнёт доставать--срочно зовите меня... или, или,.. лучше Иванова Ивана Ивановича. Уж этот--то не ошибётся.... Его во сне, мертвецки пьяного будни и спроси про линию партии,--он точно по Марксу и Ленину отрапортует, и ещё страницы, из которых цитаты --без единой ошибки назовет! Их там так идеологически подковали...

--...как лошадей в эскадроне нашего комэска, верно, шеф?

--Неисправим...неисправим... Фима или ты его.... или я тебя!... ..Понял?!. Пошли ко мне, глотнём по паре стопок крепкого чая...Мне вчера отличную бутылку из обкомовского буфета достали..... Я там одну молодую буфетчицу от фригидности лечу народными средствами.

--И как помогает?

--Фима! ... Я, как ты понимаешь, уже, конечно, не конь из эскадрона комэска, но ещё и не мерин из рассказа писателя Льва Толстого? Читал?

--Видел в театре, когда на пятнадцатилетие окончания института в Ленинград ездил. Замечательный спектакль! Как глоток свежего воздуха вдохнул!...

--Разве там есть, что--нибудь такое?... Ну сам понимаешь...о чём я...

--Да нет, этот спектакль не для марания цензурой, политики там нет.... Просто великое искусство... Великое...

--Не знаю не видел, но то что ты сегодня с этим Коршуном сотворил--это блестяще. Я тебе премию выпишу из моего фонда, а ты давай это скоренько публикуй. Я главному редактору завтра позвоню, он у меня свой вялый аппарат лечит, так что он сразу статью тиснет в свою местную газетёнку. Резонанса, большого в масштабе страны, конечно, ожидать не приходится, но, с паршивой овцы, как говорится... Главное, за столбим результат.

--Спасибо. Я хоть сынишке новые ботиночки куплю, а то в школу его отправлять в старых стоптанных, как--то неловко.... Вы уверены, что этот редактор напечатает, ему что, лечение помогает?

--Да как тебе сказать, доктор. Как ты сам понимаешь, в его возрасте помочь ему может только хорошо привязанный гвоздь, или молодая девка с титьками шестого размера и талией в рюмочку, взамен старой клячи его жены похожей на бегемота и весом с добрую корову. Скорее всего, его вдохновит предложенный мною второй метод лечения. А соответствующее, недорогое сильнодействующее лекарство, со свежим сроком годности, я уже ему подобрал из нашего больничного персонала. Бедных неимущих приезжих девочек надо пристраивать. Улучшать, так сказать, бытовые условия молодых

специалистов. А кто же ещё об этом у нас позаботится, кроме сердобольного главврача. Так что, пиши статейку, да поскорее.

--Генадий Васильевич, а не рановато?... Может быть, посмотрим ещё, как будет развиваться процесс во времени...

--И уже то, что есть- потрясающий результат, Фимочка! Под него уже можно грести и грести, и грести лопатой!.. А уж в этом--то деле, Фима, твой Кукин бо-о-льшой профессионал!... Тут главное-- не пережать, что бы нечаянно не поломать у этой лопаты черенок!... Так что, учись у Кукина, пока он жив и на свободе, доктор! В твоём институте этого предмета не проходят!

.....X.....

.....

Следующий день в больнице был полон событий и загружен до предела. Персонал встал на дыбы. Старые, застиранные чуть живые простыни, и без того мало напоминающие своё первоначальное назначение--были изорваны на тряпки. Сестры, нянечки и студенты практиканты из городского медучилища с раннего утра ползали на карачках, вылизывая полы палат, коридора и вестибюля. В полдень обещал посетить процедурный кабинет для принятия массажа, главный местный царек облгорразлива, сам Первый Секретарь Обкома КПСС,--лично! Верный Ленинец--Сталинец, гроза города и области. Пал Палыч Платонов посменно правил разными городами в крае уже давно. Правил единолично и властно уже десятый год. Ровно столько, сколько лет и месяцев прошло с того замечательного и знаменательного момента, когда его старшая дочь Катерина вышла замуж за старшего сына самого Первого Секретаря Крайкома. Тот высокий партийный правитель был, в свою

очередь, женат на сестре крупного чиновника из администрации Кремля. То есть, несомненно, человек он был уважаемый и не потопляемый. Ну, естественно, до той поры, пока крепко сидел на сытном и очень вкусном, полным витаминов и полезных микроэлементов кремлевском пайке--тот, ещё более высокий кремлёвский чиновник. Конечно, Платонов мог бы сделать тот же массаж и в своей, личной обкомовской больнице. Учреждении не в пример городской, завсегда стерильно чистой. Оборудованной дорогими дефицитными импортными медприборами, и всегда имеющимся в достатке, белоснежным полотняным, а для избранных клиентов даже накрахмаленным бельём. В обкомовке было всё! Но.... не было в ней очень соблазнительной медсестры и прекрасной массажистки Аннушки, которая с недавних пор попала на глаза, и мгновенно потрясла богатое воображение всесильного Пал Палыча. Конечно, для Геннадия Васильевича Кукина, Аннушка являлась «золотым тельцом». И хранил он её, как самое дорогое, что было в его нынешней карьере, а, читай, и в жизни. И берёт её как зеницу ока, так, как хранил бы икону Магдалины или самой Богоматери, не будь он верным коммунистом. А это, значит, и воюющим атеистом. Он не позволял себе иной раз даже намекнуть ей на горячие чувства, которые пожаром вспыхивали у него за грудиной, при беглом взгляде на данные ей в изобилии щедрой природой женские прелести! Анна была девушкой провинциальной непорочной, с определёнными строгими принципами, заложенными в её характер и убеждения патриархальной семьёй. Глупостей в свой адрес не уважала и отрицательное отношение к ним не скрывала. Массажу обучилась в медучилище и владела этой профессией виртуозно.

К высокому начальству относилась очень спокойно, без должного подобострастия и чиновничества. Что ещё больше разогревало непривыкшего к подобному отношению к своей царственной личности, самолюбивого, а, скорее, самовлюбленного Областного Первого Секретаря.

Он лежал на жестком деревянном топчане, предварительно обработанном ароматным сосновым эликсиром. Анна нежными и сильными руками массировала его, оплывшее с годами и приправленное, для увеличения добротной массы (как он считал), обильными банкетами, тело. Распластанное на топчане, оно напоминало перебродившее в квашне дрожжевое тесто, и мелко подрагивало даже при самом легком постукивании по нему женской ладошки. Кукин стоял рядом, исправно поддакивая и подхихикивая похабелы, то и дело вылетающей из желтозубой щербатой пасти «большого шефа».

--Ах, ах, как сладко! Как хорошо! Ох, ох, ещё разок также помни и постукай! Ещё разок! Ох, Кукин, Кукин! Ты хоть понимаешь тюря, каким золотом обладаешь, сукин ты сын! Каким бриллиантом! Нет, ты ответь, мне интересно ценишь ли это или нет?!

--Конечно, понимаю, Пал Палыч! Как можно такое не понимать?! Я же не только главврач, но и мужчина, в некотором роде!..

--Да какой ты, к черту, мужчина! Разве настоящий мужик, вроде меня, скажем, пропустил бы мимо себя такое благосостояние? Да ты только погляди на Аннушку! Слюни капаят, мужское достоинство поднимается, и руки от восхищения при созерцании такой красоты сами собой в объятьях раскрываются!.

--Поэт вы Пал Палыч! Настоящий поэт, только в прозе!
С вашим бы тонким вкусом и философским содержанием ума только книги писать!

--А кто тогда доклады наверх и распоряжения вниз писать будет? Уж не ты ли? А?

--Ох, Аннушка, догладишь ты меня! Догладишь!...Ох, чувствую сейчас что--то случится! Ох, случится!... Геннадий, а нет ли у современной медицины чего от живота? Чтобы не рос гад?! Растет, едрить твою, не по дням, а по часам! Как всё равно тот царевич в бочке. И титьки тоже распустились как у старой бабы. Я скоро их в бюстгальтерах жены таскать буду. В финскую баню с руководством ходить стыдно стало... Ты, Аннушка после спинки сосочки мои помассируй. Глядишь напрягутся и получше смотреться станут. Одно только и утешает, что у наших вождей они не меньше, да ещё и подряблее...

--От живота, Пал Палыч, лучшее средство – александрийский лист заваривать... От него перистальтика активизируется.

--Не-е-т, мне надо такое, чтобы не дристать и чтоб не рос, а? Вот тогда бы я сказал тебе спасибо....Аннушка, помоги перевернуться на спину. Спасибо, красавица ты моя желанная.

А вот инструмент ты мне починил! Классно починил! Очень даже хорошо починил. Работает как полуавтомат.

--Это как, Пал Палыч?

--А очень просто и наглядно: поднимаю я его краном, а опадает он самостоятельно, автоматически. Ха, ха!..Да не бзди, не пугайся. Шучу я. Всё стало путём, почти что, как в те года, когда я ещё комсомолом правил. Не при Аннушке будет сказано. Эх, Гена, какие были годы... А какие комсомольские кадры... Одна в одну! Грудки! Попочки! Хоть их строим ставь и на первую вторую

рассчитывай! Очень сознательные и дисциплинированные были кадры. Не то, что сейчас!... Да что там...Кстати, тут на днях случай был: приехали, значит, мы, естественно, поддали... Деньщиков был, знаешь ты его проходимца, он прокурор в соседнем районе, Рыльский,--из народного контроля, пьяница и бабник тот ещё, но женат на свояченице этого....самого,... ну, ты понимаешь о ком я...Потом подтянулся наш генерал из округа. Все, как ты понимаешь, со своими референтами:--секретутки--по старому. Короче, она мне потом ноги целовала.. А я, значит, ублажаю свою, а сам думаю: не мне ты должна ноги целовать дурочка, а Кукину Геннадию Васильевичу, который так классно починил мой инструмент.... А ты Анна не слушай, это не для твоих розовых ушек, это наши мужские беседы...

--Делать мне нечего слушать ваши глупости.

Правильно. Но ты краешком ушка всё же прислушивайся, да на ус мотай, может, ещё и пригодиться воды напиться...А? Жисть—то, она ещё продолжается пока Платонов в своём кресле сидит. Правильно я рассуждаю, Геннадий?

--А когда было иначе, Пал Палыч! Да вы же у нас....

--Молчи! Не продолжай свои охи и ахи! Ты же знаешь, я человек скромный и этой грубой словесной лестии не люблю! Лучше поскромнее, но деньгами... Ха, ха! Шучу. Тут на днях хороший медицинский анекдот мне на конференции рассказали. Да не отворачивайся, Анюта, приличный:

--Коля, ты это куда идёшь?

--Укол делать.

--В поликлинику, что ли?

--Да, нет в жопу. Ха, ха! Как? А? Смешно верно? Я лично до коллик смеялся... Все таки, как ни говори, но очень остроумный он человек этот наш Второй

из Крайкома. Уж расскажет, так расскажет! В штаны от смеха напрудить можно. Молодец, одно слово!...На месте сидит человек, ничего не скажешь.

А тебе понравилось, Аннушка?

--Пал Палыч, вы мне работать мешаете. Сейчас всё брошу и уйду.

--Аня, не хамя нашему высокому партийному руководству. В руках Пал Палыча--величайшая ответственность за всю нашу с тобой область. И он может позволить себе небольшую разрядку и отдых от этой сложнейшей работы. Помни, кого ты лечишь, и молчи в тряпочку. А свое остроумие надо оттачивать. Не в деревне своей живёшь, а в культурном областном городе! Пал Палыч, мне нужно с вами посоветоваться по очень важному вопросу.

--Давай, проси....

--Да нет, Пал Палыч, тут совсем другое дело.

--Ну, что ж, давай, советуйся.

--Сегодня в моей больнице произошло большое событие. Не исключено, что событие масштаба всей страны, а, может быть, и, вообще, международного масштаба.

--Эть, даже как! Ну--ну, сочиняй дальше, Жюль Верн провинциального разлива..

--Всё, можете одеваться, Пал Палыч.

--Ну, спасибо тебе Аннушка,... Мне сейчас сорок, это как минимум клянусь! Ну, дак как, любовь моя, на дачку съездим, свежим воздухом подышать? А? Проверим, заодно, результаты твоего труда твоего шефа? А? Ты как?

--Поезжайте с той, которая вам ноги целует. С ней у вас повеселее получится.

--Ох, какая мы серьезная! Дело же не в страсти, умница моя, а в нежности сердца! В чувствах!...А в суровом с виду, необъятном сердце верного марксиста

Платонова, таится столько неистраченной любви и нежности....Столько!....Что....

--До свиданья. Мне всё это не интересно. Я не партийная, я сочувствующая. А свою неистраченную любовь и нежность, отдайте вождям мирового пролетариата. И в следующий раз пусть вас массирует другая массажистка. У нас в больнице их трое.

--Эх, жизнь... Уже и массажистки хамят...Бабы они и есть бабы!...Уж если, которая знает, что вкусная на ощупь и, вообще, то уж никого не боится. Подлый закон природы!.. А с кадрами, Геннадий надо периодически проводить воспитательную работу. И это не только политинформации о нашем замечательном образе жизни при развитии социализме и ихней буржуазной слабости, это ещё беседы об уважении к партийным руководителям. И это сегодня самое главное в ежедневной воспитательной работе с персоналом. И особенно с молодым, подающим надежды женском! Задумайся над моими словами, я их на ветер не бросаю, ты знаешь!

--А чего ей бояться, Пал Палычу у неё оклад--ноги протянуть можно. В холодильнике вошь на аркане, как говорится. Одной плесенью от шкурок колбасы питается.

--А ты прибавь! Премию подкидывай, если персоналочка того стоит и понимает что к чему... Кстати, а эти две остальные массажистки? Что--то ты мне о них ничего не докладывал?

--Да, так, Пал Палыч. В возрасте, семьи, дети... Эти только руками работать и могут Я их для простого народа держу.

--Печально. Ну да хрен с ним. Что там у тебя международного произошло? Докладывай, да только не тяни, побыстрее. Я от кабинетного

телефона надолго отрываться не могу. Вдруг кто из крайкома позвонит, или еще повыше, с этим у нас строго. Партийная дисциплина. Это положение ещё со времён усатого--конопатого сохранилось. Партийная отрыжка прошлого культа личности, как говорится.

--Как вы знаете, работает у меня очень способный врач, из самого Ленинграда достали. Специалист высокого класса, и очень талантливый,-- Альтман Борис Ефимович...

--Уезжает, сукин сын?

--Нет, никуда не уезжает и не уедет никогда, он так своей работой увлечён, что...

--А если он такой специалист, почему его у тебя в мою обкомовскую больницу не забрали? Недосмотр!

--Да он по приезду в неё и хотел, но его по пятому параграфу первый отдел зарубил. У вас же там этот бывший полковник из КГБ, ну, да что я вам говорю, сами знаете...

--Как он меня достал, этот отставной мудака, сил нет! В больнице ни одного приличного врача нет, но зато все партийные и из рабочих семей... Не то что свой диабет подлечить не могу, насморк элементарный вылечить не могут. Помнишь этот анекдот: когда за больным бегут по коридору два врача, их останавливает главный и спрашивают, почему вас двое? У нас узкая специализация отвечают. Больному надо поставить клистир, так я знаю, куда его вставить, а коллега --где нажать. Дак, что там гениального твой Абрам Хаймович изобрёл?

--Он, Ефим Борисович.

--Не вижу разницы, докладывай.

--Он на днях сделал большое открытие в геронтологии

--Ты мне это брось! Научили вас в институтах, понимаешь, по-- птичьи болтать... Ты мне по

нашему, по--русскому объясни, что это за штука такая, и с чем ею закусывают?

--Это, Пал Палыч, наука такая есть, о старении клеток...Ну, о продлении жизни, что ли....

--И много продляет?

--Пока у него всё в области эксперимента. Но многое ему уже удалось.

--Что, блохи да тараканы дольше жить стали?

--Да нет, на сегодняшний день-- мухи --дрозофилы, и крысы. Сейчас приобрели для опытов пару старых больных собак.

-- И что, за эту пададь еще и государственные деньги платили?

--Да нет, их за поллитра знакомый бомж с помойки приволок.

--А на человеке ещё не пробовали?

--Пробуем. На днях он оживил человека, который проспал летаргическим сном что--то в районе шестидесяти лет.

--Сколько--сколько?

--Да, да, Пал Палыч, около шестидесяти или даже больше. И все эти годы он проспал в нашем монастыре. Монахи за святое чудо его показывали, подпитывали его как--то искусственно, ну и гребли под это, естественно....Желающим показывали ... Потихонечку...

--Ни фига себе, тунеядец....Так это же что выходит,-- он проспал и всю Великую Отечественную? Дела! В тюрягу его надо, дезертира, как врага народа и пусть себе на нарах отсыпается до полной победы коммунизма. Сколько там ещё годков по дуралому Никите осталось до полной победы?

--Не скоро ещё... Ну, вот до той поры пусть себе и спит под бдительным оком нашего славного МВД.

--А ты, чай, не треплешься?

-Да что вы, Пал Палыч! Сегодня же у нас не первое апреля!

--В нашей Великой Державе, дорогой мой Кукин, каждый день—первое апреля. На всех уровнях врут по всем трёмстам шестидесяти четырём дням обычных годов и на один день больше, в год високосный! Это я тебе только об узаконенном вранье говорю. А в промежутках врут ежечасно, ежеминутно и, даже, успевают в доли секунды, понял?

--Спрашиваете!

--Но, я тебе, естественно, этого не говорил.

--Обижаете, шеф!

--Давай дальше:

--Это совершенно уникальный случай! В истории медицины, конечно, известны длительные сны, но все они по сравнению с этим--мелочёвка! Но и это ещё не самое главное. Альтману удалось не только оживить этого человека, но и пресечь процесс ускоренного старения, который всегда наступал сразу же, за пробуждением летаргиков! То есть, как уснул человек в гражданскую, году в восемнадцатом, таким молодцом он сегодня и проснулся, а дальше будет долго жить, старея годами, как и мы все, нормальные люди, согласно возрасту!

--Ленинская? Государственная?

--Да уж думаю, не меньше.

--Жаль, шведскую Нобелевскую не отхватить,... опасно.... Шолохов успел таки её захватить, так на то он и Шолохов, а вот поэт этот, ну, который ещё на Докторе Живаго обделался, тому она боком вышла... Хватит нам с тобой и Ленинской, зачем зря под «щит и меч» башку подставлять! Согласен? Жадность она никогда к добру не приводила!

--А то!

- Пишите. Включай себя, меня и еврея... Хотя,... этот может всё испортить... Но там видно будет... Может ему Ф.И.О поменять? Скажем: Антонов Филимон Борисович. Отчество можно оставить прежнее.
- Конечно, можно попробовать. Вам ведь в паспортном отделе только намекнуть... Вот только Филимон--не звучит как--то на премию.... Филей у нас на Руси больше котом кличат. А он хоть и не совсем наш человек по паспорту, но всё же, не кот.
- Тоже верно... Слушай, а может его, вообще, того... Ты неплохой врач, медицинское образование имеешь...
--Фармацевтическое.
- Ещё и лучше....Медики меньше придираться будут. В лекарствах--то они, как правило, не больно--то тянут... Они большей части по бюллетеням мастаки. Да и то такими подчерками эти бюллетени оформляют, что без пол--литры хрен поймешь чем ты болен, и сколько ещё тебе осталось небо коптить!
- Пал Палыч, и ещё! Человек--то этот, который спал, знаете кто? Командир легендарного эскадрона Первой Конной Армии Будённого, Виктор Иванович Коршун. Большевик с 1915 года! Совершенно точно, Пал Палыч, проверили по архивам и даже фотографии сличили! Один в один!
- Ну, ты даёшь, Гена! С тобой не соскучишься....Ух, старый лис! И ещё мне целый час мозги пудрил своим Альтманом--мудальтоном. И это в преддверии такой--то даты! А! Слушай! Он, может быть, и самого Ильича видел? Ведь все это ветхое беззубое большевистское старье тех лет, только едва--едва что--то себе под нос бормотать и способно. По бумажке прочесть и то толком ничего не могут. А этот твой, молодой--это же находка! Да, молодец ты, Геннадий! Видать не только в мужских инструментах разбираешься... А как он с виду, этот

твой солдат революции? Поди, Квазимодов какой--нибудь?

--Да что вы, Пал Палыч. Мужик, ну, просто, как из кино! Просто Чапаев и всё тут! Ему будёновку на голову, шинель, да шашку!.... Писец кошке!

--Охо--хо! Это надо срочно широко освещать! С этим бравым коммунистом нужно до самой столицы докричаться! Соображаешь? Так--так--так!.. Срочно переводим твоего Чапаева в обкомовскую больницу! В люкс для особых персон! Готовь его, а я сейчас распоряжусь!

--Категорически нельзя, Пал Палыч! Он еще совершенно не транспортабелен и морально не готов. В любой момент может случиться срыв нервной системы, и он обратно свалится в коме. Да и Альтман на это не пойдёт.

--Об этом твоём еврее я и слышать не хочу! Слышишь! А, как в Москве твой герой возьмет да и расскажет, в какой он у тебя помойке лежал, а? Ты об этом подумал? Ведь я пока к тебе сюда по коридору иду--нос зажимаю и глаза зажмуриваю! Больно едкий дух у мочи, зрачки щиплет! Ну, а с другой стороны, Лаврентий Палыч Берия, хоть и он сволочь редкая был, но большое дело в 52 году, перед смертью усатого сделал,-- не всех безродных космополитов врачей в лагерях замучил. А так бы, гляди, и твоего Альтмана--мудальтана у нас бы и не было. Да, что там говорить,--хоть и гад он был ползучий и палач, но умница и стратег! Понимал, подлец, что после того, как он отравит тирана, эта акция народом ему зачтется при вступлении на трон.

--Пал Палыч, я скоро не только в коридорах--на лестницах койки буду ставить. Стерилизаторов нет! Белья нет! Матрацы со времени военного госпиталя не менялись! А о медперсонале я, вообще, не

говорю,—больные на костылях друг за дружкой ходят и утки выносят!

-- Давай, давай, разошелся! Нашел время и повод, когда меня можно за горло схватить!...Ещё скажи спасибо, что в городе заводы есть! Есть с кого поборы делать, хоть какие--то деньги урвать, а то бы твои народные калеки, вообще бы, на улице лежали....Бесплатное, едрить твою, лечение... У меня из колхозов люди дезертирами без паспортов бегут лимитчиками в города устраиваться...Это только в «Кубанских казаках» жизнь--малина, только в кино!...А у меня официально,- понимаешь ли ты, официально, семь лет в магазинах мяса не было! Вон в Новочеркасске народ на улицы с транспорантами вышел--так его пулями накормили! И не милиция, едрить твою, а внутренние войска ... А ещё ты тут мне со своими вонючими матрасами ...Крепко воняют--это хорошо! Будут меньше проситься положить на стационар, и койко--места от невыносимой вони скорее освободить! Так что, радуйся!

--Да нечему мне радоваться, Пал Палыч. Ни каких для этого поводов нет... Ну, ни малейшего, хоть ты повесься...

--Не прав, повод хотя бы для маленькой радости всегда у человека найдётся, всегда! К примеру: вот у тебя лично--глисты есть?

--Да, вроде бы, нет...

--Вот тебе и повод,--радуйся!

--Ну, вы и даёте, шеф... С вами не соскучишься....

--Или вот я сегодня к тебе собственной персоной приехал, а это что? Тоже, скажешь, не повод для радости? Ну, леший с тобой, поклянчи ещё, поскули, по--подхалимничай послаще, пропой о том, какой я необыкновенно добрый человек и какой замечательный руководитель! Глядишь, что--

нибудь и подам, глядя на нищенство твоё, по доброте своей великой. Подкину от барских щедрот ...

- Пал Палыч, мне бы хоть частичку того заграничного оборудования, которое вы из Кремлёвки выбили для вашей обкомовской больницы. Уже и вид бы был другой. А уж больных я сам рассую по стационарам. В крайнем случае, из двух туалетов на этаже,--один буду в шестиместные палаты переделывать.
- Вот, вот, тогда твои поноски, да и те, у которых недержание, не будут успевать добежать или достоять до свободного горшка и всю больницу окончательно засрут и зальют мочой! И мне придётся дать тебе строгача за подмоченную репутацию главврача. Смотри--ка, почти что в рифму получилось. Строгача--моча--главврача. Выходит и поэтический дар мне не чужд... А что? Надо будет попробовать....Чем чёрт не шутит, когда народный контроль спит. Шутка!
- Докладные записки наверх посылать в стихотворной форме будете.
- Если бы ты, Геннадий, знал, какой банкет я устроил завхозу Кремлёвки, когда у него это списанное оборудование выклянчивал. Какие комсомольские кадры для этой битвы выставил на передовую в бане! Героинь наших! Девочки стояли насмерть! Да мне за это оборудование моя обкомовская свора глотку перегрызёт, это же драгоценное здоровье их самих и их семей! А за это они и на амбразуру пойдут! Панфиловцами станут!...Матросовами! Конечно, Коршун твой, это великое дело... Великое!... Ну, хорошо... Скажем, если передать тебе эти приборы и кровати,....но во временное пользование....А там, глядишь, когда нашего комэска царю подарим и новое достанем. Так можно попробовать...А с Аннушкой проведи

соответствующую разъяснительную работу. Объясни популярно девочке, что здоровье Первого-- это первое дело для блага больницы и всего народа нашего города и области, в целом. Не даром же его должность наша родная, руководящая коммунистическая партия, обозначила словом --Первый Секретарь!

--Об чем разговор, Пал Палыч, понимаем, постараемся!

--Не постараемся, а сделаем! Таков должен быть ответ младшего коммуниста-- старшему коммунисту! Демократический централизм это так в уставе партии называется! Лозунг помнишь? Партия велела--комсомол ответил--есть! Завтра утром с начальником райздрава у меня в кабинете.

.....

Х.....

Коршун с детским любопытством крутил ручку программного репродуктора. Элитная, личная палата Кукина, в которую его поместили вчера вечером, произвела на него огромное впечатление. Он долго рассматривал рычажные механизмы специальной кровати доставленной прямиком из обкомовской больницы. Дергал рычаги и восхищенно, цокая языком, принимал на ней различные позы. Чешская душевая кабина из того же адреса, привела его в восторг. Он минут тридцать стоял под сильными струями, меняя температуру воды с горячей на ледяную и обратно. С наслаждением съел обильный разнообразный завтрак с незнакомыми заграничными фруктами, и с видимым интересом слушал передачу последних «Известий». До этого он прослушал ораторию «Партия наш рулевой». В концерте «Героям морских походов», особенно ему понравилась песня в исполнении молодой артистки Софии Ротару: «Я, ты, он, она,--вместе--целая страна». Третью

программу он так же прослушал с не меньшим интересом:

« ...ярким свидетельством неоспоримых преимуществ социалистической системы, как сказал в своём историческом выступлении на июльском Пленуме нашей партии Генеральный Секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Министров, СССР, Председатель Ревизионной Комиссии, Министр Обороны СССР, Председатель Партийного Контроля, доктор исторических наук, доктор экономических наук, семикратный Герой Советского Союза и Социалистического Труда, Лауреат Государственных и Ленинских премий, генералиссимус Лаврентий Ильич Романов--Суслов: Только при развитом социализме построенном под руководством родной коммунистической партии и её мозгом и центральным органом управления,-- ЦК КПСС, в нашей замечательной стране все блага принадлежат простому народу--труженику. В этой простой фразе заключён глубочайший смысл. Задумайтесь, действительно, в какой другой стране, при каком другом строе можно было выделить такие огромные средства на проведение этого беспрецедентного эксперимента? Когда в загнивающем капиталистическом обществе , где человек--человеку волк! Где жизнь простого человека--труженика практически обесценена! Когда все производительные силы общества направлены на дальнейшую безудержную гонку вооружений! И вот в это историческое время наша огромная великая социалистическая держава, занимающая шестую часть всей мировой суши земли, ещё и ещё раз доказала, что же могут сделать действительно свободные люди, в

действительно свободной стране! Да, это сделали простые советские труженики, под руководством родной Коммунистической Партии, её замечательного Центрального Комитета и лично нашего дорогого незаменимого руководителя, Генерального Секретаря КПСС, товарища Ларентия Ильича Романова--Суслова.

--Как вы пришли к выводу о проведении этого уникального эксперимента, возможного только в нашей свободной, замечательной стране? Ведь подобные случаи не встречались до того в медицинской практике в нашей стране, да и, наверняка, не могли случиться в странах тлеющего, загнивающего капитализма!!--С таким вопросом обратился наш корреспондент к главному врачу Краснопольской городской больницы Геннадию Васильевичу Кукину. Геннадий Васильевич сказал:

--Коллектив учёных нашей городской больницы города Краснополяска, воодушевлённый выступлением на историческом июльском Пленуме нашей родной Коммунистической Партии, Генерального Секретаря КПСС, дорогого Лаврентия Ильича Романова--Суслова, партийная организация\ больницы, облздрав и лично Первый Секретарь областного комитета партии Павел Павлович Антонов, в едином порыве взяли за эту сложнейшую задачу и сообща решили её! Задумайтесь, в какой ещё другой стране, простой труженик из народа, обычный комэск Первой Конной Армии Будённого, мог бы спокойно, не заботясь о своём свободном социалистическом будущем, зная, что большевики победили Антанту в Первой мировой Войне и свершили Великую Октябрьскую Революцию, спокойно проспать, в летаргическом сне, целых шестьдесят лет!? Ответ напрашивается сам собой,--ни в какой другой,

кроме нашей великой социалистической Родины! Как правильно сказал в своём историческом выступлении на мартовском пленуме Центрального Комитета КПСС, Генеральный Секретарь КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Министров СССР, Председатель Ревизионной Комиссии СССР, доктор исторических наук, Президент Советской Академии Наук, академик, герой, генералиссимус Лаврентий Ильич Романов--Суслов: Советские люди знают: «Там где партия--там победа!» Вошедшая в палату Анна, подошла к репродуктору и выключила его.

--Виктор Иванович, что же вы опять нарушаете режим?! Ефим Борисович, что говорил? Нельзя вам, ни в коем случае слушать радио. Ваша ещё неокрепшая нервная система может не выдержать этого потока новостей. Да вы и всё равно--то не понимаете ничего. Это вам не ваши революционные новости.

--Всё равно интересно, Анна Владимировна. Непонятно многое, это точно, но всё равно интересно. Песни другие стали. Раньше при царе были протяжные, а сейчас всё: топ—топ! Бум --бум! Я, конечно, понимаю--жизнь круто изменилась. Сознание народа неизмеримо возросло! Народ семимильными шагами идёт к коммунистическому обществу! Как они по радио говорят:-- к коммунистической модели движемся! Модель--то, это что же такое будет, не скажите?

--Ну, модель, как модель...В которые детишки ещё играют. Детское что--то такое, видать. Ну, точно--то, не скажу. Я политически не очень образованная. Больше по медицине и массажу....На политинформациях наш парторг чего--то всё одно и тоже рассказывает, рассказывает... Ручками машет всё, машет. Всё больше , в основном, клеймит

капиталистов и ихний строй. Народ на этих информациях отдыхает. Спит в основном. Я тоже сплю. А то так намаешься за день, не до капиталистов тут. Руки так и гудят, так и гудят.... Да и спина тоже. Нагинаешься же над пациентами целый божий день.

--А в театры разные и дворцы коммунистической культуры часто ходите?

--Я больше в церковь по выходным хожу. Там у нас батюшка очень исправный и говорливый. Раньше, говорят, он в КГБ, служил. Охранником в лагере колымском был. Потом в гору пошёл в следователи выбился. А как церкву разрешили официально, он в священники переметнулся. Переквалифицировался, это так называется. Видать тут больше платят.

--Это как же официально?... Ведь, ещё Ленин говорил и писал:-- «...религия опиум для народа!» Священников надо за шею и на фонари. Еще беспокоился, что фонарей не хватит на одну смену... Видать действительно не хватило, если ещё попы остались....

--У нынешней власти, видать, весь опиум, что был коммунистический , закончился, вот она на церковный и перешла. У нас в больнице, да и в аптеках --морфия ни за какие деньги не достанешь. Только если из под полы, у спекулянтов.

--Да не торопитесь вы, Виктор Иванович. Никуда это радио от вас не уйдёт, через полгода уже сами выключать будете. Мы--то так уже приспособились: оно себе долдонит и долдонит, а мы и не слышим. ... Особенно, когда про нашего генералиссимуса. Молоко лучше выпейте, оно, куда как полезней....

--Спасибо, Анна Владимировна. Заботливая вы исключительно. Бегаете, вы всё, бегаете, посидели бы, как--нибудь со мной поговорили бы за жизнь... А то ведь и не с кем. Журналист приходил, всё об

революции спрашивал.... Я ему, как на духу, про всю свою боевую жизнь рассказал. А сегодня послушал его репортаж про беседу--то нашу:--одни только благодарности партии коммунистов и лично товарищу Романову--Суслову, Генсеку, как он его назвал. Ну, правда, ещё вашего главврача Кукина упомянул и какого—то там Платонова, --видать тоже большого начальника. А про Ефима Борисовича, --ни слова! Вот тебе и вся моя биография. А ведь полтора часа интервью, так он нашу беседу назвал, говорили....

--Ну, на счёт этой братии вы зря беспокоитесь. Этих к вам Кукин не пускает. После статьи в газете этих щелкопёров как тараканов на тухлое яйцо набежало. Чуть охрану больничную не смели. Наш милицию вызвал. Они сейчас вас и охраняют. А тех только допусти! Аппаратами защёлкают!.... Вопросами разными забьют до полусмерти, а напишут всё одно и то же,--про партию, героя генералиссимуса, да простых тружеников под руководством....бу--бу--бу.....

--Что же это, выходит так я один и буду в этих хоромах куковать? Я же тут со скуки подохну!...

--За это не волнуйтесь. Как только придет кто надо,.... откуда надо.... Как только проведёт с вами ликбез--информацию по главным вопросам. Так к вам сразу эту тараканью шушеру скопом и запустят, чтобы вы правильные и нужные ответы на ихние вопросы выдавали. Ну, это я так думаю, а, может быть, и не то говорю.....Дайте--ка ваш пульс. Частит больно. С чего бы это? Надо Бориса Ефимовича позвать.

--Не надо, Анна Владимировна. А руки--то у вас , как у иной барышни. Это, видать от них я разволновался.... Тепло, и магнетизм от них исходит необыкновенный.

--Что вы, Виктор Иванович, разве это руки? Вот училась когда в медучилище, действительно были руки. А сейчас и маникюр сделать некогда. Да и лак--то на ногтях не держится от всех этих химий! Как только ещё кожа терпит.

--А муженёк--то куда смотрит, как любимая жёнушка из сил выбивается. Я бы ему, прохвосту показал. Да вас на руках день и ночь носить бы надо, такую красавицу--то! Дайте только намёк, я его зарублю, паразита!...

--Некому смотреть, Виктор Иванович. Да и, слава богу, это, а то и его ещё корми, одевай, да обстирывай, пьяницу.

Говорите, нет, значит, мужа. Это хорошо. Даже очень хорошо!

--Сейчас, хоть немного вздохнула.

--Пил, подлец, значит, крепко?!

--Да уж сильней и некуда, не просыхал!

--Подумать только,--страна в социализме процветает, можно сказать, а до сих пор это сволочное наследие капитализма не ликвидировано. Эх, Ильча бы того, нашего... Да и Троцкого с Феликсом Эдмундовичем чувствую сейчас не хватает, уж эти бы навели порядок.....

--Ой, да что вы, Виктор Иванович! Такое делается!... Такое....Ежели и дальше так пойдёт, то просто и не знаю, что будет. Просто не знаю....

А куда же наша народная коммунистическая партия большевиков смотрит? Почему декретом не запретит эту гадость?

--Так ведь самогонку начнут гнать, Виктор Иванович! Ещё хуже будет. И сейчас--то дрожжей днём с огнём не найдёшь, только из под полы, а тут ещё того и гляди сахар пропадёт. Ведь оно как получается:--нагнал бутылёк--надо пробу сделать. Полстакана выпил,--непонятно, вкус вроде не тот.

Пропустил через уголёк. Попробовал,--вроде лучше стала, почище, но сивухой ещё отдаёт. Добавил зверобойчику. Попробовал пол стакана,-- ещё вкуснее, но надо бы ещё подуховитее. Добавил мяты, попробовал полстакана,--вот сейчас то, что доктор прописал, совсем хорошо. Надо звать соседа Митьку, пусть теперь он своё слово скажет, специалист. Митька стакан опорожнил,--оценил. А бутылёк--то, глядишь, на пробах уже и закончился. Что делать в такой ситуации?--Гнать новый! Вот от этого процесса вся рабочее--крестьянская страна и спивается! У нас страна наоборот. Запретить,--значит,--увеличить. Лозунги надо читать шиворот наыворот, или вставить в них-- «не», тогда у них точный смысл будет. Ну, например: «Благосостояние народа--дело партии!». Вставьте «не» перед делом партии...И так на всех плакатах...

Значит надо и сахар запретить!

--Наш трудовой российский народ, Виктор Иванович, очень изобретателен! Что там немцы! Убери сахар,-- из свеклы гнать будут. Убери свёклу,-- из зерна. Запрети зерно--из картофельных очисток!

А все продукты не запретишь! А запретят,--из табуреток,-- и из тех погонят!

--Вот непонятно мне это, Анна Владимировна. Вот вы с виду женщина наша, из крестьян видать, верно?

--Из рабочих, но мои дед с бабкой-- из деревенских будут.

--Оно ещё и лучше. А рассуждаете, как белогвардейский агитатор. Не может быть, чтобы в стране большевиков через столько лет было такое! Не может быть! Я в это никогда не поверю. Знаете, я даже понимаю, зачем вы мне всё это рассказываете. Проверяете мою большевистскую сознательность через полвека! Сохранилась она во мне или нет! И правильно делаете. Я бы на вашем месте также

поступил. Но только это напрасно. Я недаром белякам столько голов поотрубал, да и своей кровушки пролил, чтобы забыть и за шестьдесят лет за что боролся. Я вам так скажу:-- мне понятно, что раньше пили, чтоб забыть беспросветную царскую действительность. А сейчас глаза--то у меня в порядке, да и мозги, вроде на месте, гляжу я в экран ящика и радуюсь! Какая замечательная жизнь наступила! Какая у всех высокая сознательность! Не жизнь, а одна малина с клубникой!

--На счёт малины я с вами согласна, а вот клубничка-- это не у всех. Ведь я своему то же самое талдычила ежедневно: если бы, говорю, ты паразит такой, не пил, как бы жить было можно... Как жить.... Квартирu от завода дали отдельную. Однокомнатную. А на двоих--то больше и не надо. Малый метраж--он семью только крепче сбивает. Садовый участок--целых шесть соток земли предлагали. Правда, в болоте, но осушить--то можно. То есть, всё могло быть, как у всех людей... Ох, да....что там вспоминать...

--Детей нет, Анна Владимировна?

--Нет, слава богу....

--Анна Владимировна?

--Да, Виктор Иванович.

--А я как я вам,...вообще--то?

--Вы о чём, Виктор Иванович?

--Ну,...ну я как вам в смысле внешности?

--Сейчас хорошо, даже очень хорошо. Раньше вы были очень бледный, а сейчас так просто молодой мужчина лет тридцати пяти. Больше вам никак не дать...Никак.

--Когда меня по голове шарахнуло, мне только двадцать девять стукнуло.....Конечно, жизнь у меня была не так уж и легкая. Скорее , тяжёлая была, чего уж там... Ещё тринадцати не было как работать на

завод пошёл. Да по десять часов в день....Как, вообще--то, сейчас родной стране слесаря нужны? Или, поди, уже всё автоматы делают, а люди, как я вижу целый день в ящике, песни поют, танцы там всякие.... И славят родную коммунистическую партию большевиков, которая дала им всё это счастье и, конечно, Генералиссимуса. Приятно было услышать песню про Клима Ворошилова. Герой был в гражданскую, настоящий герой.

--А какая такая песня, что--то я её и не помню?

--Я только один куплет и запомнил: «Растет в Тбилиси алыча, не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча и Вячеслав Иваныча»....В армии Клима любили. Он как, жив ещё?

--А что ему сделается? Живет, как все там наверху. Не тужит.

--Я имею ввиду беззаботную счастливую жизнь нашего сегодняшнего народа. Раз поёт и танцует, значит в стране всё путём! Правда суд над одним негодяем--несуном показывали. Надо же, подлюга какой! С завода спёр машинку такую небольшую, мясо мелет на котлеты. И как пронёс--то только, ума не приложу. Видать охрана на этом заводе поганая была. Заснул охранник лентяй.

--Ой, Виктор Иванович, сейчас хорошие непьющие руки-- вот как нужны. Сейчас, наоборот, образованным труднее устроится.

--А беспартийные ещё остались? Неохваченные ещё коммунистическими идеалами? Вот вы, например, в партии большевиков состоите?

--Нет, я сочувствующая. Не созрела ещё в идейном отношении. Малообразованная я ещё в политическом плане....

--Ничего, ничего, Аннушка, я вас в партию быстро подготовлю. Вот выйду из больницы, получу свою жилплощадь, и займемся мы с вами Лениным и

Марксом с Энгельсом. Все они очень толковые мужики. Особенно Карл Маркс. Этот уже почти, что Ленина Владимира Ильича в количестве томов собственных сочинений догнал. Мы с вами все до одного тома каждого из них изучим досконально. Для большевика, коммуниста, как у вас сейчас называется, можете мне поверить, это очень полезное и главное, интересное занятие. Я лично, читал, открыв рот, хотя очень многого не понимал. Честно говоря, вообще, не понимал почти ничего. Чувствовал только, что это за нас, за рабочих! И, как видите, не ошибся! Но вместе с вами Аннушка, мы всю эту великомудрию осилим! Я, лично, не сомневаюсь!. Ну, а тут война началась. В шофёры меня выучили, генерала возил царского... Два раза ранило. В пятнадцатом в партию записался. А в гражданку уже эскадрона командовал. Порубал я шашечкой, ух, порубал! Я ведь и сейчас вспоминаю, как меня контузило--то. Мы на деникинский разъезд наткнулись. Ну, я команду: Мишка! Бери Кривоноса и в лес! А я с Батениным их на тебя погоню. А Мишка, бляха муха, едрить твою... Ох простите, ради бога, Анна Владимировна, вырвалось...

--Я ничего не слышала, Виктор Иванович.

--Ну вот! А Мишка,... едрить твою, ..ему бы оврагом идти, а он, гад,-- в открытую... Ну, они, конечно, пушечку тут развернули, едрёна вошь, и по нему шрапнелью, а фугасом по--нам. Вот тут меня, значит, и достало... Любил я Мишку Меньшикова. Он мне как братан родной был... Как братан... Отчаянный был парень, и никакая пуля его не брала. Если бы выжил, партия из него большого человека бы сделала. Партия, она в людях толк знала. Возьми к примеру Фрунзе Михаила, он же поди--охо--хо какую карьеру за эти годы сделал. Обратное же,

Тухачевский с Якиром! Полководцы высшей категории. Как современные Кутузов и Суворов почти что! Я Анна Владимировна, с лучшими соратниками Владимира Ильича знаком лично был. Зиновьева, Каменева Бухарина знавал..... Охранял некоторых из них. Очень башковитые были ребята. Особливо Бухарин и Каменев.

Да, что я вам рассказываю...Уж вы то, наверняка, получше меня их всех знаете. Они же, не сомневаюсь, и сейчас авангард нашей партии и правительства составляют, если, конечно, от старости не померли. Да сильные умы страну нашу строили и к коммунизму вели, пока я шестьдесят лет дрых и сосал лапу, как медведь в зимней спячке! Крепкие головы, что там и говорить!. От того--то и к развернутому социализму страна наша пришла....Привели её творцы и герои революции! Честь им да слава!

--А у вас семья--то была, Виктор Иванович?

--Не успел, Анна Владимировна. Была у меня одна ... женщина, что--то, вроде бы и намечалось с обеих сторон, да этот проклятый фугас нас развёл. Она, поди, если и жива, случаем, то уже--пра--пра--бабушка....Ей, невестушке моей, разлюбезной, почитай, уже за восемьдесят.... Вот и вся моя жизнь, Аннушка. Что я видел кроме крови, да грязи?...

Одна мечта была, что вот этими своими руками построю я страну всеобщего счастья трудящихся. Но не построил. Другие построили, а я, значит, явился уже на всё готовенькое, как всё равно буржуй недорезанный! Здравствуйте вам!

--Вас теперь будут, наверное, на руках носить, Виктор Иванович. Вы же за эту страну кровь проливали, а таких людей у нас власть очень ценит. Думаю, и пенсию хорошую дадут, да и квартиру отдельную

--А почему отдельную. Я лично с удовольствием в общую пойду. Чтобы комнат в квартире с жильцами было много. С народом буду общаться. Аннушка вы себе не представляете, как я соскучился по общению с нашими русскими людьми....Слушаю я радио, смотрю кино из ящика--какая жизнь--то настала! Люди все такие красивые, чистые, сознательные, образованные. И, что мне особенно радует сердце--это их искренняя любовь и глубокое отношение к партии и новым вождям! Одно только мучает меня,--нужен ли я буду этим обновлённым социализмом людям? Отстал же я от новой жизни бесконечно. Ведь если никому не нужен, то и жить--то тогда незачем.... Я и раньше--то грамотностью не блистал, а за шестьдесят--то лет и, вообще, должно быть так отстал, что ничего не осмыслю.

--Ох, Виктор Иванович, нашли, о чём беспокоится. Я, например, вас со своим мужем и рядом не поставила. Уж кажется, десятилетку закончил, а я у него ни разу книги в руках не видела, карты, да домино во дворе. По телевизору только футбол да хоккей смотрел. А вы, как человек, лично для меня несравненно интересней.

--Если бы мне настоящую,....ну вот вроде вас, Анна Владимировна, я б, конечно.....Я , может быть, и на мировую революцию бы замахнулся. Как, Анна Владимировна, может, подумаете?

--Ой, Виктор Иванович, а не торопитесь ли вы. Ещё на ноги не встали, а уж об женитьбе. Вы ведь и женщин--то нынешних не видели.

--Каждый день по пять часов по ящику на них смотрю.

--Вот, вот, видите, какие красавицы по улицам ходят? А какие королевы в кино? Вот выйдете от нас,--у вас глаза разбегутся. Шею свернёте, разглядывая, и сразу забудете, что говорили мне.

--Напрасно вы так, Анна Владимировна. Вы не забываете, что я не студентик там, какой--то хилый. У нас казаков--конников такое не водится! Я за слова свои всегда готов отвечать. Я ведь не от кобелиного чувства к вам подкатываю, а от чистого солдатского сердца! Сердца большевика! Мне с вами спокойно очень. Спокойно и тепло. Чувствую, близкие мы с вами люди, Анна Владимировна. А сердце моё ещё ни разу не подводило.

Коршуну хотелось сказать ещё многое. Прекрасные слова и великолепные красочные сравнения толпились в сердце и голове, и им так и хотелось первыми, без очереди вырваться наружу, и окружить, обнять эту прекрасную женщину, но дверь палаты отворилась и..... на пороге, в небрежно накинутом белом халате, возник небольшого росточка, плюгавого вида ,почти что лысый человечек, с большим портфелем в руке. Он аккуратно вытер ноги о не существующую половую тряпку за порогом и, склонив голову с противно зализанным слева направо через лысину пробором, осторожненько, с гаденькой улыбочкой на узких губах щербатого щелевидного рта, почти на цыпочках подошёл к кровати Коршуна.

Здравствуйтесь, здравствуйтесь. Здравствуйтесь, здравствуйтесь, дорогой Виктор Иванович. Вы не представляете какое чувство неподдельного счастья, я испытываю сейчас видя перед собой воочию настоящего героя гражданской войны! Так сказать, одного из истинных творцов Великой Октябрьской Социалистической революции, которая сделала нашу огромную счастливую страну продвинутого социализма-- Великой Мировой Державой! Позвольте, я прикоснусь к руке живого большевика тех грандиозных лет и событий! Ну, давайте знакомиться, дорогой Виктор Иванович!

Наш дорогой комэск! Итак, зовут меня очень просто--Иван Иванович. Вот видите, какое замечательное совпадение получилось: Вы Виктор Иванович, а я Иван Иванович. У нас обоих чисто русские имена и отчества. Это значит, что и отцы наши тоже были чисто русскими людьми, и это, извините, приятно, не правда ли? Да и фамилия моя не намного сложнее--Иванов. Я представитель областной партийной организации. А эта милая девушка, как я понимаю, представительница обслуживающего персонала? Я не ошибся?

--Да я медицинская сестра.

--Замечательно. Просто замечательно. И как вас величают, товарищ медсестра?

--Анна Владимировна.

--Прекрасное русское имя, Анечка. Таким именем вы можете гордиться, красавица. Вы бы не могли оставить нас с Виктором Ивановичем вдвоём. Тем более, я не сомневаюсь, что ваши больные в своих кроватках давным--давно с нетерпением вас ожидают.

-- А кто вы, вообще, такой, чтобы мне указывать? У меня есть свои непосредственные обязанности, которые я выполняю.

--У вас, очевидно, неважно со слухом, Анечка, по-- моему, я, войдя в палату, сразу же представился. Не правда ли, Виктор Иванович?

Коршун что-- то невнятно буркнул.

--Да вы не волнуйтесь, голубушка, разумеется, я здесь с ведома Геннадия Васильевича. Скажу вам на будущее,--я, как всякий исполнительный партийный работник, никогда и ничего не позволяю себе делать без согласования с вышестоящими руководством.

--Имейте в виду, больной Коршун ещё очень слаб, и с ним долго нельзя разговаривать. Доктор Альтман категорически запретил.

--Ещё раз прошу вас, не волнуйтесь. Я всю ответственность за здоровье нашего уважаемого товарища Коршуна беру на себя. И в том числе необходимые беседы с доктором Альтовым.

--Виктор Иванович, не забывайте что через двадцать минут у вас электромассаж. А это у нас очень строго по времени.

Не волнуйтесь Анна Владимиров, буду свободен, как штык!

--У--ф--ф, наконец--то нам никто не мешает.... Ну, что ж, наконец--то мы с вами, дорогой Виктор Иванович, можем спокойно поговорить.

--А вы, товарищ дорогой, покажите--ка для начала ваш мандат.

--Мандат!... Поэзия... Так, знаете, повеяло ароматом романтики революционных бурь... Павка Корчагин! Бакинские комиссары...Помните?

--Таких в нашей конной бригаде не знавал. Врать не буду. Левинсон был. Щорса знал лично. А этих недовелось.

--Так перейдём к мандату, комэск. Показал бы, но сегодня, в наше время, время замечательных побед на трудовом, политическом и других полях сражений, у нас существует только удостоверения личности, которое я вам с удовольствием и представляю.

Коршун повертел красненькое удостоверение в руках и удовлетворенный вернул его Иванову.

--Красиво оформлено, хотя ничего не понятно. Мандаты--они у нас на простой бумаге были, но тоже с подписью и печатью.

--Что поделаешь, Москва она ведь тоже не сразу строилась, а? Как вы считаете, Виктор Иванович--не сразу же, верно?

--Верно--то оно, верно... Но смотрю я на вас и уж больно мне что--то ваше лицо знакомо...

--Увы, дорожайший , Виктор Иванович, но этого быть не может, потому что, не может быть никогда.

-- Ведь когда вы изволили годков на шестьдесят прикурнуть.... Так сказать, започивать, я ещё не только не родился, но мой батюшка ещё и не знал мою маманю! Но, как у нас в партии и народе говорить--ближе к делу! И начнем с того, что пока вы изволили вздремнуть сладким богатырским сном, страна наша великая, как вы, надеюсь, понимаете не стояла на месте! Она стремительно мчалась вперед к победе коммунизма, росла и процветала, несмотря на значительные трудности! Помните замечательную песню тех пламенных лет: «Наш паровоз вперёд лети, в коммуне остановка...»

--Не помню, это, видать уже после меня она была...

--И сейчас, как вы понимаете, она совсем не та, которую вы покинули шестьдесят лет назад... Не тот , извините , и паровоз, и машинисты. В этой новой для вас жизни, на новых , извините , рельсах, вам, Виктор Иванович Коршун, без, так сказать, искусствоведа, пардон, без экскурсовода, без заботливого и внимательного наставника, будет трудновато

--Честно говоря, товарищ Иванов, этого--то я и боюсь.

--А вот, как раз этого, бояться и не надо. Потому что партия обо всём подумала, обо всём. И послала вам в помощь меня, Иванова Ивана Ивановича. И мы с вами будем долго, по—товарищески, беседовать. Как большевик с большевиком, коммунист с коммунистом. И скоро потихонечку, помаленечку начнем выходить в люди, в народ, дорогой вы наш! В народ. А наш добрый и благодарный вам за освобождение от ужасов царизма советский народ вас ждет. С нетерпением ждёт. И встретит вас с распростёртыми объятьями и радостными улыбками на устах. Мы уже подготовили этих людей.

Рассказали им какого героя они должны будут встречать и были рады, когда они с пониманием отнеслись к нашим предложениям Да, Виктор Иванович, русский народ--самый добрый , самый понимающий партийные задачи и готовый беспрекословно выполнять их, народ в мире. Надеюсь, вы согласитесь со мной?

--А почему только русский? У меня в эскадроне и татары были, и узбеки, и латыши с эстонцами, я уже не говорю о Левинсоне, тот--то, вообще...

--Вы Виктор Иванович, для советских людей--драгоценная реликвия. Эталон, если хотите, начало, так сказать, отсчёта всех наших достижений и побед. Так сказать, камертон, я не побоюсь этого слова, по которому мы все будем сверять свою коммунистическую сознательность. Я понятно говорю? И именно за это, народ, ещё не зная вас в лицо, уже горячо любит. Любит самозабвенно! Любит так, как может любить только наш, русский, пардон, наш многонациональный русский народ!

--Да никакой я не камертон, я самый обыкновенный, к тому же отставший от жизни, человек. И нечего из меня цирк делать, я никакой--то там зверь диковинный....тигра полосатая...

--Молодец, Виктор Иванович, скромность украшает человека. И приятно, что вы именно такой. Но есть еще, дорогой вы мой, такое понятие, как партийная дисциплина. И ,как по--вашему, должны мы эту дисциплину исполнять, или это необязательно? Да разве отстояли бы мы революцию без этой железной дисциплины--то? Э-э, эх... Не легкая это работа--из болота....Помните эти стихи, нашего выдающегося советского поэта? Поэма, а не стихи! Поэма...

--Не понял, это вы к чему.... Про стихи--то эти? Я их не читал. Да и поэта этого вашего выдающегося в глаза не видел и по радиову не слышал.

- Да это я так, про себя подумал.... Не берите в голову....Есть у нас такой. Он не только эти замечательные стихи создал, но и гимн наш тоже сочинил. Почитай не хуже Пушкина с Лермонтовым советским пером владеет.
- Этих я почитывал в школе. Даже наизусть, кое--что учил. Про кота учёного на золотой цепи и про старуху с дырявым корытом. Кстати, очень даже поучительные стихи! Очень!
- А вы я вижу, и радио уже всю слушаете и телевизор смотрите? И уж, наверняка, вопросы всякие накопились? А?
- Ещё как накопились!
- Вот и славненько! А я--то, как раз на них и отвечу. И лучше отвечу, чем медсёстры, какие--нибудь, уверяю вас. Давайте!
- Ну, перво--наперво, главный вопрос:--когда наш Владимир Ильич помер?
- В 1924 году осиротил наш великий вождь весь советский народ.
- И люди--то, наверное, сильно горевали?
- Да что и говорить, Виктор Иванович! Горе, конечно, было страшное! Да и сейчас толпы народные часами стоят в очереди на Красной Площади, чтобы только краешком глаза взглянуть в мавзолее на забальзамированное на века тело любимого вождя и учителя! Но в памяти народной Ильич вечно живой! Вечно! Века пройдут! Коммунизм придёт, а народ всё будет вспоминать, и вспоминать, глядеть и глядеть на это великое заспиртованное тело!
- Да... Жалко Ильича.... Добренький был дедушка. Я тут книжонку нашёл в тумбочке детскую. Очень трогательно он детишек любил, да и они его тоже. Конфетками их кормил, на коленках держал. Там картинок было много и все в цвете. Реализм полный.

- А кто после Ленина был? Конечно, Троцкий Лев Михалыч? Этот крепкий вождь, видать, был! Крепкий! Он, конечно, страну и в люди вывел, и возвеличил! Так ведь?!
- Бог с вами, Виктор Иванович... Потихе вы.... Троцкий был предатель! Отвратительная, скажу вам откровенно, была личность! И, кстати, далеко не русской национальности...Что немаловажно, поверьте на слово...
- Троцкий--предатель!?
- Предатель, предатель и хватит об этом!
- Это--то создатель Красной Армии?!
- Да тише вы! Никакой он не создатель и не созидатель. Ну, сами посудите, мой дорогой, много ли тогда вам из вашего боевого эскадрона было видно?
- Эскадрон здесь не причём, все знали, кто Красную Армию создавал. И с чьим именем мы шли в атаку на белых? Все знали, от мала до велика! Даже женщины и дети знали!
- Вы только не горячитесь, не горячитесь, Виктор Иванович. Всё в свое время поймете. Всё в своё время. Троцкий --то ваш, на поверку оказался совсем и не Троцким, а каким--то там Абрамовичем. Докатился до того, что подмешивал толчёное стекло в муку питерским рабочим.
- Что, сам толок и подмешивал?!....
- И сам, наверно, тоже.... Я, честно говоря, не вникал в это запутанное дело, но, документы--есть документы! А супротив фактов, Виктор Иванович,-- не попрёшь, как говорится. Занимались этим вопросом наши славные органы ВЧК, потом ОГПУ, а сейчас эти факты подтвердили и наши честнейшие товарищи из Комитета Государственной Безопасности, --КГБ, сокращённо. А уж эти знают всё и знают досконально! Можете мне поверить! Я с

ними в долгом и прочнейшем контакте был..... в своё время,... конечно...

-- А умер--то он где, в России?

--Нет, тут ему, паршивой собаке, повезло. Он смотался в Южную Америку, в Мексику, и там его, преданный революции коммунист, по фамилии Меркандер, к сожалению, скорее всего тоже не русский, но может и не еврейской национальности, мужественно рубанул его ледорубом, топорик такой для рубки льда, по голове!. Как говорить: собаке--собачья смерть! Его, конечно, враги поймали. Годков двадцать он в той Южной Америке в тюрьме просидел. Потом вернулся в Россию, и его у нас героем страны сделали.

--Ну и дела--а... Так кто же после Ильича страной--то управлял? Фрунзе? Славный был командарм.

Нет!--Сталин, Иосиф Виссарионович. Грузин он был.

--А этот--то откуда взялся? Этот чучмек? Что опять из русских никого не нашлось.

--Э--э! Это была сильная личность! Очень сильная! С ним страна Вторую Мировую войну выиграла.

--Я про эту войну в ящике видел. Страшное дело! Почтище и Первой Мировой, и Гражданской!

--Да, что вы, Виктор Иванович, после этой войны страну пришлось отстраивать практически заново... тоже, кстати, под его руководством. Крепкая был личность, крепкая. Надо заметить, что он был первый кто этого Троцкого--Абрамовича раскусил. По его приказу того и порешили. Говорят, что он и Фрунзе--того... На операционном столе зарезал.

--Что сам, лично?

--Ну зачем--же так, Виктор Иванович... Нашлись еврейские врачи пособники. Их позже, через много лет изобличили, но не довели дело до логического конца. Сплоховали. Были у него, конечно, некоторые, я бы сказал, отдельные недостатки. Но,

масштабный был вождь, масштабный. В колымских и сибирских лагерях, да и в войну миллионов шестьдесят людей в землю уложил. Масштабный был руководитель и человек, что и говорить... Гигант!... Да что там говорить.....Одно слово,-- масштабный!

--Да что это вы говорите--то такого!?!...Шестьдесят миллионов порешил!?!.. Да быть такого не может! Не может!

--Милый вы мой человек... Ещё как может--то. Я вам всё по документам докладываю. По до--ку--мен--там! Партия его за эти злодеяния осудила. Партия наша честнейший кристалл и преданный народу прокурор и судья! В этом , дорогой Виктор Иванович, у вас, как у коммуниста никогда.... Повторяю--никогда!.... Не должны возникать сомнения! После Сталина был некто , Никита Хрущёв. Он--то Сталина на чистую воду и вывел. Но, тоже много народа к стенке поставил, и сельское хозяйство завалил, в общем, балабос был изрядный! Его, не разобравшись, как следует после смерти Сталина, партия на этот пост поставила. Этот всё кукурузу пытался главным продуктом в стране сделать. Насмотрелся у капиталистов и туда же!... Одно слово –балабос! А от неё ведь страшно живот пучит. Я, лично, совсем её потреблять не могу. И крепит стул тоже. После неё, хоть на горшок не ходи, такая боль! Ну, партия и народ терпели, терпели, терпели, терпели, да и отправили кукурузника на пенсию. Ну, вначале, осудили его, конечно.

--А что терпели—то? Вонючий воздух, что ли?!

--Ну,... не все же её ели... Кто ел--тот и пердел, извиняюсь!...Лично я и вся моя семья на эту закордонную провокацию не поддались. Работать

надо, а не пердеть, почём зря! Это генеральная линия лично моя и всей моей семьи!

--Потом генсеком стал некто Брежнев. Он-- то Никиту-- кукурузника и пердуна на съезде партии и спихнул. При нём отправлять врагов народа в лагеря поменьше стали, начали их лечить в психических больницах. Ордена и золотые звёзды любил неимоверно. Пиджак с наградами весил килограммов десять. Ни одни плечики не выдерживали в шкафах. Пришлось их делать из дамасской стали по спецзаказу. Даже анекдот такой был: В Москве вдруг случилось землетрясение в пять баллов. Ну, тут все учёные схватились за головы, не понимают, откуда и почему такое. Ни один прибор не предсказывал заранее это стихийное бедствие. И, что же в итоге оказалось:--оказалось, что это парадный пиджак Брежнева со всеми регалиями, поломав вешалку, упал на пол и пробил пол с пятого по первый этаж. Баб и машины иномарки сильно любил. Да и жена у него, между прочим, была иудейского рода племени. Одно имечко её чего только стоило—Клара! Отчество не припомню, скорее всего Абрамовна! Партия его тоже осудила, но не сильно. Но, вообще, всего этого, Виктор Иванович, вам лучше и не знать. Как говорить: меньше знаешь,--дома спишь. А сон--то у вас был крепчайший. Главное, что вам сейчас необходимо твердо знать--это то, что только сейчас партия и народ получили, наконец, настоящего руководителя действительно исторического значения! Вождя, которого спокойно можно поставить рядом с великим умом человечества-- Владимиром Ильичом Лениным. Это настоящий любимец всего без исключения советского народа, очень честный добрый, отзывчивый, милый, славный и скромный человек, беззаветно преданный

заветам Ленина: Генеральный Секретарь нашей коммунистической партии, Председатель Верховного Совета, Председатель Совета Министров СССР. Председатель Комитета Государственной Безопасности и Комитета Внутренних дел, Главнокомандующий Советской Армии, Председатель Ревизионной Комиссии, доктор исторических и, всех других, близких нужной нашей партии истории наук, профессор, академик, многократный герой Советского Союза и Социалистического труда, Генералиссимус,-- Лаврентий Ильич Романов--Суслов.

Под его мудрым руководством, наконец, окончательно покончив с остатками культа личности прежних вождей, наша держава, испытывая необыкновенный подъём, семимильными шагами движется к своему светлому будущему. И вы, наш дорогой и, как я уже говорил, бесконечно любимый народом, Виктор Иванович, будете двигаться в ногу вместе со всеми нами к этому замечательному будущему!!!

-На счет семимильных, пока не обещаю--ноги сильно ослабли после болезни. Шестьдесят лет непрерывного сна, это вам не хухры--мухры...

--Неважно, комэск,--это всё мелочи! Зато выпались, как следует, накопили силы революционного духа и пролетарской ненависти к нашим врагам. Главное--это негибаемая воля к нашей победе, коммунистический задор, разум и строжайшая партийная дисциплина! Да, да! Дисциплина и бдительность! И ещё надо очень чутко прислушиваться к себе. Враг мог запустить в каждого из нас, и в вас тоже, свои поганые, волчьи, невидимые до поры, буржуазные щупальца! И они тихо, до этой самой поры, незаметно, живут внутри и молчат. Но до поры!... Это надо знать и об этом

нельзя забывать никогда! Во время войны был такой лозунг: «Болтун находка для шпиона!»

--Вот вы товарищ, экскурсовод, всё больше про коммунистов, да про коммунистов талдычите, а куда же подевались другие партии: эсеры, помню, были, меньшевики и другие там разные?..

--Они, Виктор Иванович, во время поняли свою оторванность от революционного пролетариата и, соответственно, свою никчемность, и, с помощью большевиков --самоликвидировались. Ну, а кто не согласился тогосами понимаете....

Взгляните в окно. Видите, на крыше днем и ночью светится лозунг: « Народ и партия--едины»?

--Да, уж и глаза намозолил. Мигает, паразит, ночью и мигает! Спать мешает.

--Ну зачем же вы так , Виктор Иванович. За своими словами следить надобно. Мы с вами только что об этом говорили... Так, глядишь, брякнешь и на неприятности нарваться недолго....Этот лозунг-- один из самых главных постулатов, на которых держится мощь и сила нашей страны! Так что вам, наш дорогой комэск , необычайно повезло. При одном Ильиче вы задремали, а при втором Ильиче пробудились! Хе--хе! Опять же уснули вы в самом начале строительства социализма, а проснулись уже в светлую эпоху неуклонного вранья в коммунизм--так её сейчас называют наши лучшие учёные--историки. Как сказал в своём выступлении на историческом апрельском пленуме Генеральный секретарь Коммунистической Партии, ...

--Дальше все его звания я уже выучил, так что уж говорите сразу, что оно там сказал.

--А сказал на историческом апрельском пленуме КПСС товарищ Лаврентий Павлович, тфу ты, оговорился, Лаврентий Ильич Романов--Суслов следующее: « Сегодня, как никогда раньше, стране и её

руководству необходима нужная нашей партии правда». Замечательные слова нашего вождя, не правда ли? Нужна не просто какая--то непонятная правда,--а необходима народу и правительству, нужная сегодня, именно сегодня--сегодняшняя правда!

--Да, вижу я не гладко, значит, всё складывалось--то. Через полвека только и установилось.

--Но зато сейчас--то всё идеально, всё! И это главное, что вам надо понять, Виктор Иванович.

--Что же тут неясного ... Всё путём. И всё--таки у меня к вам вопрос. Не очень я понимаю, почему же всё--таки у нас осталась только одна партия? Против кого коммунисты тогда борются? Одна партия против ошибок другой--это понятно. Ошибаться ведь могут все. А так, глядишь, и указать на ошибки правящей партии можно!?

--Ну, вы опять ... Откуда отчалили --туда и причалили... Скажите, Виктор Иванович, вы с кем--нибудь до моего прихода на эти темы беседовали?

--Я у Альтмана кое--что спрашивал, но он как--то невразумительно..... Похоже, сам в этом не шибко разбирается.....

--Да--а.....Поздновато я, кажется, пришел, поздновато.... Но ничего, будем исправлять... Будем!...Нам ещё только всяких Хаймовичей нехватает.....

--И ещё один вопрос:--а куда девались наши знаменитые комкоры?

--Это вы о ком?

--Якир, Тухачевский, Дыбенко, да много их было. Они из царской армии к нам перешли добровольно. Но без них--то Красную Армию из необученных работяг и землепашцев было бы не сделать? В прошлую войну, это же, конечно, они , армию возглавляли. И победу выиграла?

--Да, что вы, Виктор Иванович? Вся эта банда страшнейшими врагами народа на поверку оказалась! Вся до единого! Хорошо ещё, что их за пару лет до войны КГБ разоблачила и поставила к стенке, а то бы они Германии за грош продали страну.

--Что?! Всех постреляли?! Всех?! Всех?!

--До единого. Хорошо ещё не повесили! А надо бы гадов!

--Да я за них, знаете, что с вами искусствовед сучий сделаю! Я вас!....

У Коршуна перехватило дыхание. Лицо помертвело. Он в конвульсиях, задыхаясь и, схватившись за сердце, упал на подушки. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Иванов пулей выскочил из палаты и вернулся с испуганной Анной. Анна сунула Коршуну таблетку нитроглицерина под язык и, сев на край кровати, начала массировать грудь, виски и пальцы рук. Приступ постепенно отступил. Щёки порозовели. Он с благодарностью посмотрел на свою спасительницу и взял её руки в свои.

--Вам легче, Виктор Иванович? Давайте я вам вколю камфару с адреналином, сразу легко задышите.

--Спасибо, Аннушка, мне уже хорошо. Только держите мою руку в своих. А легко я задышу только тогда, когда уйдёт этот искусствовед. Уйдет и больше сюда не вернётся никогда!...

--Ну, зачем же, его так, Виктор Иванович. Разве он виноват, что Сталин был таким извергом. Время такое было. По ночам на черных «воронках»--машины у них были такие с надписью «хлеб» или «мясо», особисты по квартирам ездили, и забирали ни в чём не виновных людей в тюрьмы и трудовые лагеря. Деда моего забрали, а бабушку отправили как жену врага народа на поселение в Сибирь, в самую

что ни есть глухомань. Там она с голоду и болезней померла через год, сердешная..

--А деда за что?

--Да ни за что! Соседу евонному по коммунальной квартире комната бабкиной семьи приглянулась. Вот он донос на деда и настрочил. Мол, тот по ночам, во сне Сталина нехорошими словами поминает. Вурдалаком называет. А кто он был--то, Сталин! Вурдалаком он и был!

--А деда--то выпустили, когда правда выяснилась?

--Куда там... Стрельнули. Это у них,--десять лет без права переписки называлось.

Иванов подошёл к Анне и грозно поглядев её в глаза,-- прошипел:

--Вы мне тут договоритесь, голубушка. Смотрите, как бы вам вдогонку за вашим любимым дедушкой, эдак лет на десять в места не столь приятные не загреметь. То, что вы здесь плетёте вашим грязным языком называется--вражеской, чуждой нашему советскому строю, пропагандой и агитацией. И за это, наши, но справедливые карающие органы идеологически опасных элементов по головкам не гладят! А вы, Виктор Иванович, попусту, не распускайте уши, и не слушайте, кого не попади! С гражданочкой наши товарищи из соответствующих органов побеседуют, а вот вам надо тщательнее подбирать себе дружков--экскурсоводов по новой жизни. От этого, в значительной степени, будет зависеть ваше будущее. Будущее, которое, поверьте моему партийному опыту, может быть прекрасным, если вы будете правильно, по партийному оценивать обстановку!....А командармов этих по ложному доносу взяли и после смерти товарища Сталина Иосифа Виссарионовича их реабилитировали. Короче, оправдали вчистую. Партия всегда смело и решительно отвечает за свои

ошибки! И именно в этом её сила и любовь к ней нашего советского народа, борца за дело Ленина Владимира Ильича, и наших зарубежных наставников: товарищей Маркса и Энгельса!. А строя такую могучую державу, не делать случайных небольших, легко исправимых ошибок невозможно, даже по теории вероятности. Идите медсестра и в следующий раз прежде, чем ляпнуть глупость--думайте, о чем можно говорить с героем революции и гражданской войны, и о чем не рекомендуется.

Да, и попросите зайти в палату вашего, как там его, Альтмана.

--Товарищ Иванов, зачем же вы так девушку обидели. Она всё же, как ни говори, особа женского рода. Ну, накипело у неё за жизнь. Да тут ещё и мужик ейный был пьянь подзаборная, вот и наболело у неё. Конечно, вам, как посланцу партии, я больше доверяю. Дурня малограмотного сюда бы не послали? Верно же? Так что вы уж простите её, немудрящую. Подумает малость и забудет, что наболтала сгоряча. Вот и доктор наш пришёл. Он с Анной Владимировной давно работает. Он меня поддержит.

Альтман окинул палату грустным взглядом и негромко произнес, стараясь при этом сделать строгое выражение лица, что у него всегда получалось неважнецки:

--Товарищ Иванов, вы уже значительно превысили отпущенное вам для беседы время. Больной нуждается в отдыхе и осмотре.

--Всё, всё, сейчас заканчиваю.

Он вынул из портфеля несколько листов бумаги и заискивающе перед Коршуном произнес:

Я вам, уважаемый Виктор Иванович, оставлю некоторые руководства, вы их внимательно прочтёте и, по возможности, как следует,

запомните. Хорошо, если навсегда. Они помогут вам лучше разобраться в политических процессах, которые в настоящее время происходят в нашей с вами стране, да и во всём мире. В них же ярко и доступно изложена история нашей с вами замечательной партии в документах и исторических решениях. Это вот речь нашего Генерального Секретаря КПСС, Председателя Верховного Совета СССР, Председателя Ревизионной Комиссии..

--Вы уважаемый, товарищ Иванов, пропустили должность Председателя Совета Министров СССР.

--Виноват, виноват, товарищ доктор....

--Да понял я! Понял! Знаю я все эти звания...

--Не уверен, Виктор Иванович. Эти звания должны буквально отскакивать от зубов, а повторение--мать учения, помните школьную заповедь?. Итак, повторяю для закрепления материала: Председателя Министров СССР Председателя Ревизионной Комиссии, доктора исторических наук, кавалера множества российских и зарубежных наград, званий Героя Советского Союза и Социалистического Труда...

--Вы забыли, Иван Иванович, перед словом «званий», есть очень важное слово «многочисленных».

--Вы правы, доктор--многочисленных званий Героя Советского Союза и Социалистического Труда .Генералиссимуса Лаврентия Ильича Романова--Суслова, на июньском пленуме КПСС. Эта замечательная речь нашего нынешнего вождя , как, впрочем, и все остальные историческая! И её надо знать, если и не наизусть, то, во всяком случае, очень, очень близко к авторскому тексту.

--А вы, что, все эти длинные речи знаете наизусть? Зазубриваете, что ли? На ночь под подушку кладёте? Умора...

--Не надо, шутить на эту тему, товарищ Коршун! Каждый уважающий себя и своего вождя член партии обязан это знать. О--бя--зан! Вам это понятно?

--Да, понятно, понятно. Хотя, если, конечно, я не ошибаюсь, Троцкий и Ленин этого в гражданскую войну не требовали.

--Не смейте даже произносить, а тем более ставить рядом святое для каждого коммуниста имя Владимира Ильича, с именем этого паскуды и предателя Абрамовича--Троцкого! Святое рядом с Иудой! Страшно даже подумать об этом, а не то что произнести.

--А что, разве церковь назначила Ленина святым? Он же был атеистом и вешал воров--попов?

--Святыми не назначают, а возводят в сан! Это надо знать. Нет, конечно, никто Ленина Владимира Ильича в сан не возводил! Владимир Ильич, в своё время действительно очень строго отмежевал влияние церкви от пролетариата. Не хотел отвлекать рабочих и крестьян в то время малограмотных и, глубоко погрязших в лапах жадных, пьющих кровь простых людей церковников, от выполнения грандиозных задач поставленных перед страной нашей партией!. Сейчас с этим стало полегче. Но, об этом мы ещё успеем поговорить, а вот это тексты ваших, Виктор Иванович, речей на предстоящих встречах с вами, с нетерпением ждущих вас трудящихся страны. Это чрезвычайно важно!

--Моих?... Интересно..... А откуда вы можете знать, что я этим трудящимся сказать захочу?

--Партия знает, Виктор Иванович. Пора бы это понять и запомнить. А главное же, это то ,что именно она, и только она и знает, что вам сегодня нужно сказать нашим людям. А сказать вам нашему советскому народу -- надо будет многое. Народ слишком долго

ждал вашего пробуждения. Ждал и надеялся, что вы принесёте им настоящую, нужную сегодня нашей партии правду о той великой революции. А, скорее, он уже и не надеялся!... Но, к счастью, нашелся такой человек! Слава богу!

--А что, он не знает этой правды, что ли? Неужели никто этого не описал?

--Написали, написали. Миллионы книг на полках о ней лежат, но людям интересно услышать живое слово участника этих героических дней, ночей, недель, месяцев, лет, часов. А оставшиеся ветераны,--участники тех событий,--это в большинстве своём больные старые, уже чуть живые люди. У них тяжёлые годы строительства пятилеток, ужасы Второй мировой войны, и нелегкие послевоенные годы поднятия из руин страны--уже затуманили память. Молодёжи их рассказы трудно слушать и понимать. А тут к счастью появляется вы, Виктор Иванович, всамделишный молодой искренний, боевой комэск, совершавший подвиги в Первой Конной Армии Семёна Михайловича Будённого. В кожанке, настоящей шапке--будёновке с шашкой наголо! Вы представляете, какое впечатление это произведёт на толпу?!

--Интересно.....А мне эти тексты тоже надо наизусть выучить?

--Зачем же так затруднять свою неокрепшую память? Прочтёте по написанному, да и всё.

--Нет уж, я лучше выучу, а то по бумажке как--то некрасиво.... Неуважительно к людям. По бумажке только дебилы свои речи читают вслух. Это же о чём говорит в первую очередь? Это говорит о том, что речь эту ему написали его прихлебатели, прихвостни, как говорится, если по простому. Жополизы, вернее сказать. А у него у самого башка,

как пустой котел для каши. Ни одной свежей мысли нет! Верно, я говорю, доктор?

--Доктор тут не причём, Виктор Иванович, оставьте его в покое. Не будем его впутывать в наши с вами политические дебаты. У него своих, медицинских дел хватает. Ему о таблетках и клистирах думать надо, а не о политике. К тому же он человек беспартийный, и многие партийные постулаты ему просто неведомы. Как говорится, товарищ ещё не дорос в сознательности.

Так что смотрите, мой дорогой, а вдруг память вас подведёт и собьётесь. А общение с народом дело ответственное. Читать по напечатанному надёжнее,--поверьте уж на слово старому номенклатурному работнику.

--Не трухайте, товарищ экскурсовод, Коршун не подведёт! Как собьётся, так и выкрутится.

-- Ну, что ж, этот злодей в белом халате постегать нам с вами новую жизнь позволяет.... Плохо это, конечно... Очень даже плохо... Но мы безусловно в своё время ему это припомним, а пока прощаюсь до завтра. Искренне желаю вам восстановить свои силы. А вас, товарищ доктор, убедительно прошу в следующий раз мою работу не прерывать, ясно?! И со своими нетактичными репликами в наш калашный ряд не лезть!

--А я попрошу вас не делать мне нетактичных замечаний, ясно? Пока ещё, не вы, а я отвечаю за здоровье и состояние моих больных.

--Хорошее слово вы нашли, доктор,--пока. Именно--пока....

--Да не пугайте вы меня! Идите каЯ уже пуганый.

--Куда, куда? Не расслышал? Странное у вас отношение, товарищ Альтманович, к представителю областного комитета партии,....очень, очень

странное... Я вынужден буду доложить это куда следует...

--Бегите, докладывайте. Могу вам на дорожку скипидарчика для сувеличения скорости. Подмажьте, очень стимулирует быстрое движение при беге. И, между прочим, моя фамилия Альтман, постарайтесь запомнить её на будущее.

Выходя из палаты, Иванов с такой силой хлопнул дверью, что стеклянная вазочка с цветами, принесённая утром медсестрой Анной, упала с тумбочки на пол и разбилась вдребезги. Альтман укоризненно поглядел на дверь и принялся подбирать осколки

--Да не берите вы в голову его слова, не расстраивайтесь, Ефим Борисович. Этот товарищ искусствовед мне тоже на сердце не лёг. Честно говоря, я не так представлял себе однопартийца из будущего. Скользкий он, какой--то.... Фальшивый, что ли.... Неужели и его руководители такие же?....Знаете, он мне рассказывал не то, что было пока я спал, а, вроде бы, как допрашивал.... И ещё мне показалось, что я его гнусную физиономию где--то раньше видел?... Но, вот где,-- ума не приложу?....А что это он вам говорил?.. Я не уследил.... Грозил, что ли? Так вы не берите это в голову. Врет он всё!

--Не могли вы его видеть, Виктор Иванович. Не могли чисто по течению времени. Скажите ка лучше, как вы себя чувствуете? Это сегодня важнее. А за меня не волнуйтесь, все его угрозы--чушь собачья, пустое....Времена несколько поменялись..... Новые вожди, кажется, помягчали... Ещё ни в такой степени распоясывались... Хотя, может быть, мне это только кажется Поживем--увидим.....

--Что--то вы грустный сегодня, доктор? Устали?

--Да как обычно...А грустный потому, что вас от меня , Виктор Иванович, забирают.

--Не понял? Кто и куда забирает?

--В жизнь, Виктор Иванович! В новую для вас, яркую, активную и, что не маловажно, полезную для правительства страны, жизнь. Тут очередные юбилейные торжества на носу, а вы фигура для пропаганды существующего в стране строя,--самая, что ни на есть подходящая. Откровенно говоря, я было попытался категорически протестовать, рано вам ещё, но властям из их прекрасного далека, очевидно, виднее...

--Да не бойтесь, за меня. Я уже в порядке. Сколько можно так валяться без дела. У меня уже скоро пролежни на заднице прорежутся. Я, ей богу, их приближение уже ощущаю.

--Да, да....Я вас очень прошу, Виктор Иванович, берегите себя. Такая длинная и тяжёлая кома, как у вас-- без следа не проходит. Негативные последствия, что вполне возможно, не исключены. Но как они себя проявят, в каких внутренних органах--мне неизвестно, ибо подобных больных наука наблюдала не часто. Стареть быстро, особенно внешне, вы, скорее всего, не будете. Я ввел вам разработанный мною абсолютно новый в медицине препарат, некий гормон, это моя докторская диссертация, который должен работать на генном уровне и замедлить этот негативный процесс. На мухах дрозофилах, мышах и тушканчиках его благотворное действие я неоднократно лабораторно проверил. На человеке ещё нет, лгать не буду. Но другого выхода, в вашем случае, я, пока, не вижу. Аналогичный генный препарат, но только для стимулирования половых клеток, я отдал для докторской диссертации нашего главврача, Кукина. Он вживляет его в яичники

высокого партийно--хозяйственного аппарата, то есть нужным ему обличённым большой властью чиновникам, и результаты превосходят все ожидания. Постаревшие коммунистические боссы в постели с молодыми секретаршами показывают чудеса мужской сексуальной мощи, и могли бы дать сто очков вперед самому Казанове!

--А Казанова этот, кто будет? Тоже из правительства?

--Нет, это знаменитый венецианский ловелас и аферист.

--Выходит, что раз эти мухи долго живут, не старея, я тоже ещё годков пятьдесят смогу покоптить небо!

--Во всяком случае, я на это очень надеюсь...

--Отлично! Тогда умрем вместе, как два старых могучих как вы этого козла обозвали? _..

--Казанова.

--Ага! Казановича!!

--Многое в этой новой для вас жизни покажется странным, и не будет соответствовать вашим прошлым, да и настоящим представлениям. Радио, телевидение--это одно, а жизнь, подчас,--это совсем другое. Но очень прошу вас, не бросайтесь сразу в бой, вынув шашку их ножен. С вашей--то ещё необузданной горячностью,--это может привести к непредсказуемым, а, скорее всего, к печальным результатам.

Ваша нервная система ещё не окрепла, ваши знания современной действительности--чрезвычайно малы! И вам понадобится ещё очень много времени, чтобы разобраться во всём.

--Это я понимаю.

--Ну, вот и хорошо.

--Спасибо вам за всё, Ефим Борисович. Ведь вы мне, все равно, как мать родная, считайте, заново родили.

--Да родил, потому и беспокоюсь.

--Все дети когда--нибудь уходят от родителей.

--Уходят, но при этом родители пытаются вкладывать в их сознание многие знания, очень важные для их дальнейшей жизни. Мне же это сделать с вами, к сожалению, не удалось. Но во--первых, многое я не знаю и сам, а во--вторых ,наверное, это и невозможно...Научить человека жить?... Знания приходят к нам в основном через собственные синяки да шишки....

-- Ефим Борисович, а какое ваше мнение об Анне Владимировне?

--О нашей Аннушке? Хм..., а это неплохая идея, комэск. Анечка прекрасный человек и милейшая женщина. Милейшая. И она, без сомнения, может подарить настоящее счастье любому человеку, столь же хорошему, как и она сама. Естественно, если полюбит.

--Вот и мне так кажется. Одного только я боялся до нашего разговора--проснусь, думаю, я как--нибудь утречком, глядь в зеркало, а оттуда морда девяностолетнего уroda торчит. Теперь я, более--мнее, успокоился. Раз уж мухи с крысами не стареют... А, что, у мух на морде тоже морщины выступают?

--Не совсем так... У них брюшко стареет первым.

А с вашей физиономией, я предполагаю, что если такое и случится, то и ей уже будет за восемьдесят.

--Точно?

--Я лично в этом уверен...И в таком случае--шагом марш на электромассаж!

.....

Х.....

Время, то самое время, которое так медленно тянулось во время летаргического сна Коршуна, теперь летело со скоростью реактивного самолета. Он жил в двухкомнатной квартире нового кирпичного дома, построенного специально для улучшения

жилищно--бытовых условий номенклатурных сотрудников областного и городского комитетов партии, народного контроля, милиции и, конечно же, Комитета Государственной Безопасности. Люди эти, несомненно, были совершенно необходимы, как всей Великой Державе, так и местному руководству на местах. Каждый из них был неоднократно проверен годами верной службы, блюл партийную дисциплину, и соблюдал главную заповедь кодекса коммуниста--демократический централизм, то--есть неукоснительное, беззаветное подчинение большинства--меньшинству. Заповедь была точно выверена логикой существования и развития общества. Да и посудите сами:--огромная народная масса большой страны разнородна по национальному делению, генетическому развитию, оторванности от столиц, политически плохо образованна, и её огромный, объединённый воедино мозг, ворочится медленно и тяжело. То есть, имея столь гигантскую массу, коллективный мозг этот обладает огромной инерционностью, и достаточно быстро отреагировать на происходящие политические, социальные, природные и техногенные катаклизмы в стране, что, естественно, он не в состоянии. А небольшая кучка людей стоящих во главе державы, которая, крепко держит вожжи управления, и способно мгновенно отдать необходимые распоряжения--это и есть единственно возможный способ нормального управления государством. Итак, демократический централизм в данной ситуации--есть панацея, и тут важен лишь тот принцип, по которому формируется этот компактный управляющий аппарат.

Один из главных законов любого здорового, правильно и успешно развивающегося общества гласит:-- общество должно всеми доступными ему

демократическими способами мешать талантливому лидеру пробиваться наверх. В таком, и только в таком случае, то есть, честно изо всех сил поработав локтями, кулаками и головой, наверх выбивается только самый сильный, самый умный, самый квалифицированный, самый жизнеспособный, самый гибкий, самый смелый и решительный лидер! Такой, наверняка, сможет взять страну в свои крепкие руки, сформировать правительство из особей себе подобных, и толково управлять страной.

Однако, скажем честно, России за всю её историю не везло на такого рода вождей. И всему виной абсолютное игнорирование принципов настоящей демократии, и гнилой менталитет сотнями лет забиваемого страхом народа страны. Так уж получилось, что в России, как правило, во главе разрозненных княжеств, а затем и единого государства становился тиран. А, соответственно, страх и жестокое подавление любого инакомыслия, то есть свободы слова, принцип выбора властителя и т. д.--были поставлены во главу угла. Это калечило целые поколения людей, рождало поголовное идолопоклонство, смирение, ложь, грубую безграничную лесть, и аппарат, выполняющий приказы правителя,--целиком состоял из трусов, подпевал и моральный уродов, которыми было легко управлять верховному. Быстро поднимался по карьерной лестнице только тот, кто всегда был во всём согласен, всегда голосовал, как и все « за», и громче всех хвалил вышестоящего, превращая его безусловные слабости в самые сильные его достоинства. А если ещё и оказывалось, что правитель страны такая же посредственность, как и весь холуйский, подобранный и окружающий его аппарат, (а так и

было , как правило), страна, её международный престиж и благосостояние населения, непременно должны были катиться вниз по наклонной плоскости. Великий германский канцлер Бисмарк сказал в своё время удивительно правильную фразу. : «Никогда не связывайтесь с Россией. Её правители создадут такую идиотскую неразбериху, что неизвестно, чем всё это мероприятие закончится!»

Этой простой и ясной логикой наш комэск, увы, еще не овладел. Он слишком рано уснул на долгие годы. Сегодня, дорогой читатель, мы с вами, конечно же, не такие. Мы настоящие честные свободолюбивые решительные демократы, а, посему, будем к нему снисходительны!

Иванов с тетрадкой и авторучкой на коленях, сидел на сцене за кулисами университетского актового зала и внимательно, построчно, следя пальцем по напечатанному тексту, доклада, слушал выступающего перед студентами Коршуна. Комэск выглядел убедительно и достойно. Кожаная куртка поверх тельняшки, с уложенными крест--накрест через грудь плечи и спину пулемётными лентами. Будёновка с красной звездой. Казачья сабля в ножнах на ремне с левого бока и кабур с маузером, на правом. Голос его звучал громко и твердо. Это был настоящий командный голос, привыкший отдавать приказы в атаках на полном лошадином скаку.

--...да за такую страну, которая предстала моему восхищённому взору, стоило проливать кровь мне и моим товарищам! Да мои друзья, студенты--стоило! Как сказал в своем историческом выступлении на апрельском пленуме нашей партии, Генеральный Секретарь нашей партии, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Ревизионной Комиссии.....

Вошедший Платонов отвлек его от этой важной, ответственной и кропотливой работы.

--Да выключи ты , блин, эту тарабарщину ко всем чертям собачим...Она мне на работе осточертела... Ты её написал?

--Естественно, Пал Палыч, а кто же ещё? Штат у нас не богатый, а подкованных специалистов в нашей области --днём с огнём не сыщешь.

--У тебя какие сигареты, специалист?...

--Я же не курю, Пал Палыч. И не пьёшь, что ли?

--Самую малость, и только когда угощают.

--Прожить хочешь долго? Ну--ну... Вообще--то, такие, как ты, долго живут. Почему так? Не знаешь?

--Не знаю, Пал Палыч.

--А я знаю....Но не скажу...Противно.....

--Дай стул, посижу чуток. Устал сегодня, как последний паршивый пёс. До чего же я не люблю эти дурацкие митинги! Талдычишь всякую белиберду, вроде, как сейчас этот твой комэск...Ду--ду--ду! Ду--ду--ду.... Одно и то же, одно и то же Даже во рту противно становится, как, вроде бы перекурил или по утру, с похмелья...-- «Как сказал на августском пленуме... Как сказал на мартовском пленуме»... Сдохнуть от скуки можно. Причём, что интересно-- мухи--так те, действительно, дохнут. Сам наблюдал. И, ведь, что забавно--народец--то наш всё это слушает! Все хаваает! Всё! И ещё хлопают, как сумасшедшие...Я вот часто думаю, кто же из нас двоих свихнулся-- народ или я? Ты--то, как на этот предмет мыслишь? Мнение по этому вопросу, лично у тебя, какое?

--Да, ... тут,...сложно сказать... Дело в том...

--Да заткнись ты. Откуда у тебя, может быть, личное мнение. У таких прихвостней--шестёрок, как ты его никогда не было, да и быть не могло! Мы же вам и не поз--во--лим! Но я--то знаю, о чем ты сейчас думаешь:-- Как бы писулю померзее намарать на

Пал Палыча... Чтобы его, сукина сына, за воротник, да на улицу. А на тепленькое насиженное его жопкой местечко впихнуть зятя твоего,--дурака Сидорова. Так ведь, а? Угадал? Телепат я, Иванов. Научился этой методике за тридцать--то без малого лет в партийном руководстве .

--Обижаете, Пал Палыч. За что такая немилость? По--моему, я её не заслужил? Все ваши руководящие приказы выполняю неукоснительно...Личные просьбы,--тем более.

--Ещё бы! Попробовал бы не выполнять! Полетел бы, как фанера над Парижем, в колхозные парторги, в грязную избу с козами, как миленький полетел бы! Ну, ладно, ладно. Не бери в голову. Это я так для разрядки. Поправить себе настроение.... Ты просто первый, кто мне попался под руку после митинга. Хотя, про анонимку я не зря сказал,--есть тут доля правды. Но ты, на всякий случай, не забывай, то есть вспоминай время от времени, в каком кресле сидит зятек дочери Пал Палыча. Но это я так, для остротки. А сейчас в баню. В баню, только в баню. Попарюсь, поддам, на пол прекрасный погляжу, глядишь и вновь человеком стану. А ты--то, что в баньку--то не ходишь? Поди, жёнка не пускает, а? Блюдёт благоверного. Боится, красавица, чтобы комсомолочка какая к тебе как банный листок не прилипла. Ну--ну...Послушай! А ты, случаем, не пидарас. Как любил говорить Никита Кукурузник? Надо будет навести о тебе справки?

Ну, зачем вы оскорбляете меня , Пал Палыч?!Я нормальный член партии.

Вот, вот, именно член. Хорошо , что ты это сам сказал, а не я.... Значит, понимаешь своё место в партийной иерархии. Молодец! А партии сегодня больше нужны головы. Ну, не кипятись. Я шучу, шучу.

--Ну и шуточки у вас , шеф. А я всегда вам говорил, Пал Палыч, нельзя столько работать. Ведь вы всю свою душу людям отдаёте. Всю без остаточка! Пожалели бы себя. Вы нам всем так нужны, так нужны! Уж если не о себе--то, хоть чуточку о нас смертных подумайте. О народе.

--Говоришь, Платонов нужен народу! Это правильное утверждение. Верное. Платонов нужен народу этой страны! Очень нужен! Просто необходим! Платонов может дать квартиру, повысить в должности нужного человечка простым звонком по телефону. Убрать ненужного человека, по тому же аппарату. И взять и дать взятку. Поверить или не поверить анонимке. Дать свежие матрасы в засранную городскую больничку, отобрав их у обкомовской. И при этом заткнуть рот её главврачу, чтобы не возникал избалованный нами проходимец. Платонов может рапортовать краевому руководству о выполнении всех поставок, когда не поставили и половину от плана. Может, и при этом он ничем не рискует, так как тому же краевому начальству надо рапортовать вышестоящим о полной победе социалистической экономики в их вотчине. Всеобщая, крепко спаянная корпоративная ложь, связывающая всю номенклатуру страны,--есть залог всеобщей вседозволенности административного аппарата. Да, да, вседозволенности! И она же является охранной грамотой этого, насквозь прогнившего аппарата. Она основа , основ системы!. Ты сто раз прав, Иван Иванович! Платонов нужен забитому страхом и жизненной неустроенностью несчастному народу этой страны. Нужен правящей им номенклатуре. Нужен своей семье. И необходим тебе-- шестёрочке, и именно поэтому ты сегодня же не побежишь меня закладывать. Я прав?

--Вы такую философию закрутили, Пал Палыч! Простите за сравнение-- не хуже Платона и Гераклита!

--Скажи ещё, что не хуже, чем на исторических пленумах это делает наш генералиссимус, а?

--Извините меня, Пал Палыч, но вы просто гений! Просто гений? Как вы умеете поставить вопрос и ответить на него. Я в восхищении! Просто в восхищении!

--Ну и льстец ты, сукин сын, подлец! Ну и льстец! Профи! И я понимаю это, понимаю. Но, всё равно приятно.... Ври дальше. Запоминай мои реплики. А лучше записывай! Чем чёрт не шутит. Может случиться, что и такого как ты лизаблюда и подлеца поставят на мое место после ухода на пенсию, и тогда будешь заглядывать в эти конспекты и небрежно бросать остроумные реплики нижестоящим.

Вот ты говоришь --надо меньше работать. Мы с тобой работаем, как тот мужик из анекдота, у которого была кожа короткая. Когда он закрывал глаза, у него задница открывалась. Вот так и мы с тобой работаем--сидим с закрытыми глазами и пердим!

--Хи, хи, ну вы скажете, Пал Палыч. Что не выстрел--то в самую точку попадаете!

--Это, смотря из какого места, стреляем и в какую точку попадаем. Уж больно много у нас точек, в которые надо стрелять, стрелять и.... попадать... Ох, как много. Только у задницы настоящего для результата калибр маловат...

--Никогда не поймёшь, когда вы шутите, а когда говорите серьёзно.

--Думаешь, я сам понимаю?.....Послушай, в зале то аплодисменты. Значит, мы с этим засоней попали в точку. Выходит, этот клоун тоже нужен народу! Ну, вырядил ты его красиво. Сам такое придумал?

- Да нет, это он так захотел. Пришлось в краевой театр ехать за реквизитом. Мне тоже показалось, что так будет как бы по правде. Выразительно. А вам не нравится?
- Чёрт его знает, может, и ничего.... На кино только слишком смахивает.
- Так это же хорошо. Помните, ещё Ленин говорил, что кино--это главное искусство для народных масс.
- Когда это было....Ленин много чего за свою жизнь наговорил.....такого.... Всему следовать--десятка жизнью не хватит. Послушай, долго ему ещё бубнить--то? Кончать пора. Кадры в бане перегреются, вялыми будут. А мой былой пыл приподнять,--сумасшедший молодой комсомольский задор и темперамент необходим.
- Не переживайте, шеф, я им на этот случай велел в предбаннике чаёк с корнем жень--шеня пить, и изучать японскую камасутру. Я её с большим трудом у районного сексопотолога выпросил на недельку. Мы с женой её как--то полистали после ужина, так я первый раз в жизни на службу опоздал.
- Что же это ты мне--то не дал полистать? Не уважаешь шефа! Не уважаешь! Японцы, скажу я тебе, нация, конечно, очень даже способная. Но бабы у них страшенькие. Футы--нуты, ножки гнуты. Я про ихних гейш всякого такого наслушался, и попросил нашего кадровика подыскать приличную японочку у нас в районе. Он неделю на службу не выходил--искал, аж с лица от усталости упал, ну нет японок в моем районе и всё тут. Правда через пару месяцев, откуда--то приволок-- такую маленькую чёрненькую косоглазенькую. А мордочка у неё-- вся как нарисованная. Где он её выкопал--один бог знает. Одно слово--кадровик. Очень профессиональный был специалист. Он до меня на Колыме в охране женского лагеря служил. Всякого

там насмотрелся. Все национальности перепробовал. Рассказывал, что даже австралийскую аборигенку оприходовал с большого бадуна. Врал, наверное. Я их в кино видел, ну кенгуру и те лучше, ей богу.... Я её с собой в командировку на недельку и прихватил.

--Представляю, какое вы удовольствие поимели.

--Да уж, не говори, то еще поимел.... Вечерком, значит, я для остроты впечатлений, как положено, поддал. Ну, свет, значит, погасил. В кровати её едва нашёл. Махонькая. Ручки ножки тоненькие, как у ребёночка рахитичного, это на ощупь.

--Ну, а дальше что?

--Ну, а дальше было всё, как и у остальных национальностей. То --есть особых традиционных национальных выступлений я от неё так и не дождался. Наши сисястенькие бабы, так те куда как всем этим тощим француженкам, да чахлым японкам фору дают! Стократно! Ты уж мне поверь.

--Совершенно согласен.

--Но главное--то было утром.

--Ну, ну, интересно?...

--Действительно интересно. Проснулся я, значит, шторы откинул с окна, в номере стало светло. Она спит. Я одеяльце откинул--япона мама, мать моя женщина! Лежит, свернувшись калачиком такая махонькая обезьянка. Краску с мордочки она ночью--то смыла или, может быть, скатала, как у себя в чуме привыкла,--глядеть страшновато. Весь мой французский дорогуший одеколон на себя вылила, дышать нечем! Ну, я её, естественно, тут же обратно отправил назад, кадровику. Вот.... Но, что же, было самое--то интересное в этой истории:--мартышка эта, не японкой, а чукчей оказалась! Представляешь, какая сука был этот мой кадровик. Он за ней, оказывается, в Нарьян Мар слетал. У

папаши эскимоса её на ящик водки обменял. Отмывал неделю, они же в бане не моются, и всю жизнь себя жиром моржовым натирают, а потом грязь в катушки с тела скатывают. А мордашку под японку--ей гримёр из нашего театра нарисовал. Он мне потом и открыл это враньё. Выгнал я этого кадровика за обман ответственного государственного руководителя. С желтым билетом от меня негодяй ушёл. Пусть ещё радуется и ноги целует, что не по статье убрал!

--Через десять минут Коршун должен закончить.

--Ну и духотища там в зале.

--Народу интересно, а как же? Живой молодой герой революции. Интересно, многое верят, что он действительно герой настоящий, разбуженный.

--Идиотов у нас в стране хватает! Всех не пересчитать. Я, если бы сам его в пробуждении не видел,--в жизни бы не поверил, что это не очередная пропагандистская липа, придуманная нами.

Ну-- ка давай--ка прислушаемся, над чем там зал гогочет? Уж не брякнул ли наш герой, что--нибудь не по тексту....

--Пал Палыч, я его предупреждал,--никакой отсебятины, упаси бог!....

--Отодвинь--ка кулису...

Голос Коршуна зазвучал громче:

--Да, братцы, это действительно смешно! Есть вещи, которые я ещё не могу понять, товарищи:...Я, как и вы все, конечно, слушаю радиоточку и ежедневно всё свободное время смотрю в свой цветной ящик. И с коммунистическим возмущением и чисто пролетарской жалостью вижу, в каких ужасных, просто невыносимых условиях живут пролетарии капиталистических стран! Систематическая безработица, понимаете ли, голод, страшные трущобы, детишки ползают по помойкам,

полицейский террор и полное отсутствие демократических свобод. А мы тут в это же время купаемся в шоколаде и утопаем в роскоши. Зажирели вы здесь, товарищи! Обуржуазились!. Некоторые наши товарищи, не стесняясь, живут семьей три--четыре человека в совершенно изолированных от своих товарищей, отдельных квартирах! И, что самое главное-- ни сколько этого не стесняются! Где же, товарищи, наша с вами социалистическая совесть!? Где!? Так не наша ли с вами святая обязанность, братья и сёстры, включить на полную катушку социалистическую сознательность и коммунистическое человеколюбие, и бескорыстно, чисто по--братски, помочь обездоленным товарищам рабочим капиталистических стран. Они же не виноваты, что ихних сил и рабочее--крестьянской сознательности не хватило на коммунистические революции в своих странах.

Зал, буквально, чуть не развалился от грохота аплодисментов, свиста и хохота. Платонов отодвинул полог кулисы и заглянул в зал. То ,что он увидел, заставило его отпрянуть вглубь кармана сцены. Зал просто покатывался от неудержимого смеха. Студенты лезли под стулья, подбрасывали в воздух тетрадки с конспектами, шапки, учебники, то есть всё, что попадалось под руки. Коршун стоял перед трибуной, широко расставив ноги, заложив кисти рук за хрустящий щегольский матросский ремень, с надраенной до солнечного сияния бляхой и, со спокойствием мраморного памятника глядел на этот бедлам. Кто--то из задних рядов бросил в него теннисный мячик. Он ловко поймал его левой рукой, а правой, в мгновение ока, выхватил из кобура маузер и, несколько раз выстрелил в потолок. Грохот выстрелов, дым и падающая

штукатурка с потолка, моментально успокоили студентов. Он широко улыбнулся, подкрутил кончики пшеничных усов и продолжил, как ни в чём, ни бывало:

Так вот я и говорю:--не наша ли с вами святая обязанность, товарищи, помочь обездоленным трудящимся этих страдающих от нищеты капиталистических стран, хотя бы даже морально. Но с другой стороны, у каждого из нас, наверняка, найдутся уже ненужные ношенные вещи, галоши, кирзовые сапоги, ботинки с обмотками, кепки и пиджаки. Сестры и матери подштопают старенькие, но ещё годные для ношения в непогоду свитера. Можно послать им и пальтишки, которые можно перелицевать! Надо будет собрать эти вещи и отправить нашим братьям по разуму и труду, которых нещадно эксплуатируют буржуазные акулы капитализма. И я уверен, что за это американский, английский, или какой-нибудь там немецкий пролетарий,--скажет нам доброе спасибо!

Из стонущего от сдерживаемого хохота зала раздался громкий крик:

--Товарищ, Коршун, вы всё говорите за рабочих, да за рабочих! Это хорошо! А что мы можем предложить умирающему от голода империалистическому крестьянству этих отсталых стран?!

--Молодец! Хороший вопрос. Отвечаю: надо спецотрядам проехать по нашим многочисленным колхозам и свободным крестьянским хозяйствам, и собрать старый, отживший свой срок сельскохозяйственный инвентарь. Я уверен, что и крестьяне, так же как и их братья рабочие, не жидясь, с социалистической сознательностью отдадут своим западным собратьям пусть старую, но ещё годную там у них технику. Не трактора, конечно, и комбайны, а бороны и плуги для конской

тяги. Серпы, косы, и даже молоты для ихних кузнецов. Советский народ,--душевный народ! И для своих братьев по ремеслу-- уж такого--то добра не пожалеет! И ещё,-- я понимаю, конечно, что мои предложения--не принципиальный выход из сегодняшнего политического положения. Конечно, надо, прежде всего, развивать их, забитую буржуазными акулами империализма, сознательность. И этим вопросом именно вам, товарищи студенты необходимо срочно заняться!

Иванов, в ужасе зажав голову руками, начал метаться за сценой. Платонов, схватившись за живот, ухохатывался, на качающемся под его грузным телом стуле, который, растопырив хлипкие ножки, грозил вот, вот свалить его на пол.

--Господи, господи, что же делать с этим дебилом. Я же его предупреждал, несчастного олигофрена: ни в коем случае, ни одного слова без бумажки... Умри, но говори только по написанному мною!...

--Ух! Ну, даёт! Ну, дает! Цицерон хренов! Ох, убью я тебя, Иванов! Искалечу на всю жизнь, к чертовой матери! Пытать буду часами, и обязательно с хлыстом на музейной дыбе! Испанский сапог тебе не на ногу, а совсем на другое место натяну, или защемлю мошонку между дверью! Ну, насмешил ты меня! Ну, насмешил, паразит! Педагог хренов! По--моему я отродясь ещё так не смеялся. У меня даже в животе что--то оборвалось. Завтра на узи поеду к Кукину. Пусть просветит ультразвуком, который я ему из обкомовской отобрал на время! Беги, дурак, за механиком сцены, вели скорее занавес опускать и выключить микрофон! Мать моя, женщина!...

Между тем Коршун продолжал вещать:

-- Слышал я, товарищи, что некоторые наиболее сознательные наши с вами сограждане, прямо скажем, еврейской национальности, добровольно

отрывая от сердца, покидают родную горячо любимую родину, и уезжают от нашего пролетарского изобилия проживать в различные бедные, отсталые капиталистические страны. Едут наши герои в неизвестность, может быть даже на мучения, не боясь трудностей, оставляя здесь накопленный десятилетиями житейский скарб. Так, почему же, так происходит, задумался я? Спрашивал у многих товарищей, но конкретного ответа к своему удивлению так и не получил. Но у меня, извиняюсь, и своя неплохая голова на плечах сидит. А в ней сознательные пролетарские мозги, а не только зубастый рот, который только свистит, когда надо и не надо, набивает пузо едой, причем, иной раз-- до безобразия. Ночь проворочался без минуты сна и уразумел: Никто просто так от хорошего к плохому не поедет. От добра--добра не ищут! Значит, вывод напрашивается сам собой: едут наши дорогие наиболее сознательные товарищи туда для пропаганды нашего революционного знания, и нашего передового социалистического образа жизни. То есть и на этот раз, почти что через пятьдесят лет, они добровольно взваливают на себя ихние тяготы, и нерешенные заботы для того, чтобы их отсталых просветить и направить! На это одно могу сказать: --молодцы товарищи евреи! И на этот раз вы оказались в самых первых рядах международной революции!

Гомерический хохот заглушил бурные зрительские аплодисменты. Платонов ещё раз выглянул в зал и увидел следующую картину. Студенты вскакивали со своих мест и, как умалишённые, испуская дикие вопли, прыгали в проходах и между рядами, как стая диких голодных обезьян. Коршун, с неподвижным лицом, как статуя каменного командора из Дон Жуана или Бронзовый Бисмарк,

стоял перед кафедрой, держа в одной руке шашку и маузер в другой. Шум и гвалт не стихали. Надо было принимать какие--то срочные меры. Но какие? Платонов одёрнул пиджак, как некогда одёргивал гимнастерку во времена срочной службы во внутренних войсках МВД. Зачем--то прошёлся расческой по сильно поредевшим волосам, и твердым решительным, командным шагом вышел на сцену. Зал начал медленно затихать. Первого Секретаря Обкома партии, большинство студентов знали в лицо. Его портреты на всех демонстрациях, выборах и праздниках они таскали на высоких палках вместе с портретами высоких правительственных чиновников и вождей революции. Ленинским фирменным жестом он протянул, слегка поднятую руку, и зал смолк. Коршун вложил шашку в ножны и, спрятав маузер в кобур, вытянулся по стойке смирно, повернув голову в сторону шефа. Пал Палыч подошел к нему и демонстративно, по--дружески крепко обнял и пожал руку.

--Спасибо, родной! Спасибо, Виктор Иванович! Огромное вам, партийное спасибо за ваши замечательные, очень нужные именно сегодня всей советской молодёжи, глубоко продуманные и мастерски донесённые до аудитории, выстраданные сердцем прекрасные слова! Слова и мысли, которые, я не сомневаюсь, произвели большое впечатление на нашу замечательную молодую аудиторию. О чём свидетельствует овации, с которыми они были приняты. Очень мне понравилась и остро--сатирическая концовка, раскрывающая истинные космополитические мотивы некоторых наших, а скорее, теперь уже и не наших граждан. Граждан, предающих за ещё очень спорную, глубоко личную, безнравственную, я бы даже сказал шкурную

выгоду, свою страну, которая их вырастила, выкормила, как родная мать. И, несмотря, на их пятый параграф в паспортах, дала прекрасное образование и пыталась воспитать! Увы, но некоторых из них воспитать не удалось! Дух русского, советского патриотизма в них на генном уровне отсутствует начисто! А раз так, ну и пусть себе катятся в свой, глубоко погрязший в сионизме, еврейский Израиль! Пусть, как говорит наша исконно русская поговорка,-- катятся колбаской по улице Спасской! Воздух в нашей многонациональной русской стране станет от этого только чище! Мне было приятно слышать, там за сценой, шутки, разоблачающие их подленький конформизм, замечательно, с большим артистизмом выполненные товарищем Коршуном, хоть и в иносказательной форме, но очень понятной каждому слушателю, понимающему тонкий юмор. Приятно, что они так же пришлась по душе вам, комсомольцам, в избытке обладающим этим замечательным чувством. Задел, и правильно пародийно задел наш комэск, некоторые недоработки партийно--административного аппарата страны в целом, а в частности и нашей области, выдав их в виде пародии на тяжёлую жизнь в западных европейских странах! Ну и, конечно, в той же капиталистической Америке, которую, как всем известно, мы с вами давно уже догнали по основным показателям, и сейчас, в частности, перегнали в двадцать пять раз по выплавке чугуна на душу населения! Спасибо ещё раз за это, Виктор Иванович! Свежий взгляд издалика, почти всегда правильный. Самокритика, как сказал на историческом сентябрьском пленуме КПСС, Генеральный секретарь нашей партии, Председатель Верховного Совета, доктор экономических наук,

Генералиссимус, не буду далее перечислять все его высокие, замечательные звания, в связи с резкой нехваткой времени,-- Лаврентий Ильич Романов—Суслов: --«без критики некоторых наших, небольших--то, в общем, недостатков, а главное без самокритики, мы не можем семимильными шагами двигаться вперед к сияющим зорям коммунизма! Да здравствует наш дорогой и всеми любимый вождь и учитель, Лаврентий Ильич Романов--Суслов. Да здравствует наша родная мать коммунистическая партия Советского Союза, которая под красным знаменем Ленина, Маркса, Энгельса и Романова--Суслова, ведёт нас к новым замечательным победам.

Бурные аплодисменты заключили его трогательную, краткую, но, как и всегда, очень патриотическую, верноподданническую речь.

А теперь все встали и, как нам завещал вечно живой Ильич:--учиться, учиться и учиться!

Платонов устало вытер платком испарину со лба, поманил пальцем Коршуна и вместе с ним вышел за кулисы.

Убитый горем Иванов, вытирая слезы и сопли, схватив Платонова за пиджак, пролепетал дрожащим голосом:

--Вы сам ,Господь Бог, Пал Палыч! Не он наш Спаситель, а вы! Да, да, вы! Как вы повернули это страшное событие в вспять! Это же чудо! Чудо! Чудо! Невероятное чудо! Я запомню этот экспромт навсегда. Я запишу его слово в слово, и оставлю своим детям, внукам и правнукам, как образец эпистолярного жанра и высочайшей политической находчивости и мудрости!

--Кончай с елеем, и едем в баню. Ты кадры--то сам подбирал?

--Пал Палыч! Вот тут--то вы обижаете меня зря! Да, неужели, же такое ответственное задание я могу перепоручить кому--то другому. Это нонсенс, если по научному.

--Есть новенькие?

--А как же!

--Свеженькие? Как огурчики с грядки. Еще с прыщиками.

--От этого уволь. Прыщиков и бородавок на обозримых частях тела, я терпеть не могу. Была у меня одна такая. Бр--р! Кстати, ты обращал внимание, что большинство женщин бальзаковского возраста имеют бальзаковский вес. Для меня это всегда был неразрешимый вопрос. И ещё одна подмеченная деталь женского характера: ты не обращал внимание на тот факт, что почему--то женщины с обтекаемыми формами оказывают наибольшее сопротивление?

--Тонкий вкус у вас шеф! Тончайший! Я буквально из сил выбился, пока эту боевую молодёжную команду по комитетам комсомола города насобирал.

--А политбеседу провёл?

--А, как же иначе. Не просто политбеседу, а углублённую. С первоисточниками поработал заранее.

--Неужто, самого Карлушу Марксика задействовал?

--Фрейда, Пал Палыч. Был такой теоретик и практик сексуальных дел. Не так чтобы очень понятный, если читать сразу без специальной подготовки, но мастер своего... этого дела. Ну, просто-- гигант сексуальной мысли! Я дебютанткам дал его на изучение с последующей сдачи экзамена. Коллоквиума, как говорится. Они, дурочки, побалдели сутки-- другие над книгой, пришли ко мне и сказали, что на всё согласны, кроме экзамена по этому учебнику.

--То есть, замутил ты несчастных девчонок.

--Скорее таким способом довел их до кондиции, Пал Палыч.

Знаешь что, позвони ка ты этой блондиночке, с ягодицами, что с нами на семинар ездила. Она мне тогда понравилась.

Мой размер.... Конечно, свежие поступления это неплохо, но кто старое забудет,--у того адреналин не встанет! Готовь машину. А теперь, по Коршуну:--вызовешь институтского парторга и популярно ему объяснишь, чтобы он немедленно провёл со студентами разъяснительную работу. Что, мол, комэск человек хоть и заслуженный, но ещё политически не обработанный, как следует. Времени не хватило у руководства.

Не разобрался, он, мол ещё во всей сложности обстановки. И, чтобы уберечь его от неприятностей, нужно помалкивать. И если за порог его шарашки, хоть словечко просочиться, я ему сам, лично, вот этими руками башку отвинчу и рядом с твоей в стеклянной вазе поставлю! Как Петр Великий с головой любовника своей Екатерины поступил. Всё понял, педагог--наставник?

-- Всё! Бегу!

--Не бегу, а лечу! Тоже мне летчик,.... твою...тещу...

--Пал Палыч, вы только в баньке на спиртное не налегайте, всё же сердечко--то.....

Это, кстати, тоже одна из загадок жизни, почему--то как только появляется здоровье, его хочется тут же пропить?....Кстати, с блондиночкой могут возникнуть некоторые трудности.

--Какие, Пал Палыч?

Видишь ли, когда женщине уже немного за тридцать --она всё так же хороша, но уже не дура. Понял?!

.....Х.....
.....

Обкомовская баня была особым спецучреждением, и пользовалась особым вниманием и опекой Пал Палыча Платонова. На её постройку была вызвана из Финляндии группа высокопрофессиональных специалистов. Финансирование спецобъекта было выделено в особую статью, не облагаемую налогом. Средства, направленные на поддержку драгоценного здоровья высшей номенклатуры города, в бюджете официально не значились. Финская команда по окончании строительства не сочла себя обделённой. Баня получилась на славу. На её открытие было приглашено всё краевое начальство-- партийное и административное. Четыре парилки выглядели по--царски. Два бассейна--холодный и тёплый не отставали. Вначале, после короткого закусочного застолья избранные гости принимали душ и располагались на полках финской парилки с сухим паром. Затем наступала очередь мокрой русской бани с вениками всех мыслимых и немыслимых пород деревьев, от русской берёзы, дуба и можжевельника, до африканского эвкалипта и черного дерева. Затем через первое уже настоящее застолье, наступала очередь турецкой бани с её огромным горячим мраморным столом. После бассейна наступала пора танцев нагишом. Партнёрами были крепкие фигуристые комсомолочки, предварительно прошедшие строгое освидетельствование в больничке Геннадия Васильевича Кукина. По совместительству они числились специалистками по наружному и внутреннему тайскому массажу, которым, по отзывам гостей, владели блестяще. Затем каждый именитый гость, вежливо взяв выбранную партнёршу под руку, направлялся в выделенную ему комнату отдыха для проведения «главной оздоровительной процедуры». У

недостаточно подвинутого читателя может сложиться ложное впечатление, что такого рода заведение больше похоже на дом свиданий, чем на баню. Однако, смею вас заверить, что это не так. Именно, в подобного рода заведениях, городские столпы и партийные работники от среднего, до высочайшего ранга, то есть от лисицы до льва, решают свои самые важные государственные вопросы. В равной мере это относится и к воротилам бизнеса--от легального до криминального. Это, так сказать, обычно крутые деловые встречи «без галстуков».

В нашей же бане сегодня восстанавливали своё пошатнувшееся здоровье уже известные нам по повести герои и один новенький для вас, читатель, персонаж по имени Юра. Вот так! Просто Юра, секретарь областного комитета комсомола, и по совместительству главный поставщик тайских массажисток, правда, чисто русского разлива.

Коршун и Юрик, завёрнутые в простыни, сидели за столом уставленном многонациональными напитками различных цветов, градусов и форм бутылок, а так же соответствующим дефицитным для тех лет закусоном, уже дошли до требуемой кондиции. В стороне от стола на деревянной хорошо оструганной лавке подрёмывал в хмельной прострации, распаренный и разомлевший доктор Кукин. Причем не просто доктор сексопатолог, а как вы помните главврач городской больницы. К тому же и крупнейший в городском масштабе целитель гениталий, высокого руководства, завядших от непосильной нервной работы, постоянных пьянок, и просто преклонного возраста.

--Твои успехи, Витя... Вот хочешь --верь, не хочешь-- не верь, но я тебя не просто уважаю, как героя революции, я тебя просто люблю, как человека с

большой буквы. И саблю твою люблю! И маузер твой самый настоящий!... И будёновку со звездой! И, вообще, все остальное! Чокнемся на брудершафт?... Ты не против, надеюсь?.....

--Хороший ты парень, Юрасик! Вот что я тебе скажу...

--И ты тоже хороший, Витёк! Наш парень... Партийно--сознательный.. Ты Ленина Владимировича читал?

--Ленин был Ильич! Запомни!

--А--а! Один хрен... Главное--это фамилия! А отчество это от лукавого. Папашей же, может, быть кто хочешь? С кем мамка переспала--тот и папик! Верно!

Нет, не верно! Нашего Ленина не трожь, зарублю!

-- Так всё--таки ты его читал или не читал, вообще?

--А как же..... В подлиннике...

--А Карлу Макса?

--Естественно! Он же наш человек....

--Он что русский?.... Вот уж не думал.....

--Вот тут Витёк, врать не буду,... скорее он из евреев будет. Из косоглазых немецких жидочков....

--Ну, ничего ...Скажу тебе по своим личным наблюдениям, среди этих самых евреев, и как ты их правильно назвал по нашему украинскому--жидов, иногда тоже приличные люди попадаются. Ну, не так уж, чтобы очень часто, конечно, но встречаются... У нас в эскадроне был один

Его, потом, Семен Михалыч Буденный в комиссары произвел. Левинсон, был по фамилии. Очень был толковый мужик, хотя и еврей! Очень! Как наш Альтман. Ты о нём что--нибудь слышал?

--А как же! Про него писатель, Бабель часто упоминал в своей книге.

--Бабель, говоришь? Смешная фамилия. Видать у него кто--то из дальних предков большим бабником был. Оттуда и такая фамилия, по всему видать, приключилась...

--Ты, Витя, нас в столицах--то не забывай!

--Да я ещё никуда и не еду.

--Едешь, Витя, едешь. САМ тобой, есть сведения, интересуется... Но уж там ты давай без экспромтов... Там это не проходит! А то вмиг башку потеряешь.

--Без чего?

--Читай только строго по бумажке А то сморозишь там что--нибудь эдакое,... ну как сегодня--и всё, писец! Знаешь, пушистый зверек такой есть, лиса в северном исполнении, и начнешь жить как все, понял?!

--А что я напутал--то? Чего они все ржали? Надрались перед моим выступлением, что ли?

На комсорга напал жуткий хохот. Он пытался что--то ответить, но кроме--гы--гы--гы, у него ничего не получалось.

--Ох, Витёк, и насмешил же ты наш простой народ советский, парниша! Ну, до мозга костей люд уморил! ... Дело, Витя, в том, что американский рабочий живет лучше, чем ты, я и Кукин, (Кукин услышав свою фамилию--вздрогнул), спи спокойно дорогой товарищ,... вместе взятые. У него два автомобиля, каких мы с тобой и не видели. Дом, который тебе серенькому коннику с шашкой на боку, и во сне не снился. И ещё до чёртиков всякого Якова.... Это даже по--нашим данным! По--на--шим, понимаешь? У них там производительность труда, минимум, в шесть раз выше нашей! Ми--ни--мум! Соображаешь? А во сколько на самом деле, а?

--А безработица? Там же страшная безработица. Люди пачками мрут на улицах и занимаются самоубийством?

--Это ты сам до такой глупости додумался, или тебе её сорока на хвосте подбросила? Да, безработица там есть. Но каждый безработный получает

государственное пособие, которое вдвое, если не втрое больше моей зарплаты.

--Подожди--подожди, это ты серьёзно, или меня после бутылки разыгрываешь? Я же, конечно, не сам это выдумал. Я всё это в ящике видел, а там же не врут? Это же государственное дело?...

--На счёт врут, это я тебе не говорил. Так что--тсс....Тут я пас. У нас сейчас, Витя, дитя моё невинное с маузером в двадцать четыре патрона за поясом, у нас в стране никто никогда никому не врёт! Запомни это навсегда и на везде, и намотай на свои пшеничные будёновские усы. У нас, только, говорят одно, думают в это же время другое, а делают третье. То есть чистая, классическая шизофрения. Но это си--сте—ма, и её не только ломом, танком не свернёшь. Поэтому, мой тебе совет: читай всё строго по бумажке. Пока сам шизиком не станешь. А когда станешь, поймёшь, что читать надо только строго по бумажке! Тут всё как по лагерному: шаг в лево--вправо,--писец, расстрел! Мы как называемся?--«Социалистический лагерь». То есть такой же лагерь, как и все остальные лагеря, но социалистический! Усёк!? Читай, и только читай, какое бы говно товарищ Иванов тебе не написал! Он, вроде бы, с первого взгляда слизняк и дурак --дураком, но опыт выживания у этой лагерной крысы--великий! Его даже сам Палыч побаивается.

--Что--то не пойму я тебя, Юра?...

--Потому что ты дуралей, Витек! Девственная дурашка. Всё ещё думаешь, что на лошадке своей по полям скачешь с шашкой наголо....Кукин, Геннадий Васильевич, очнись!

--А?! Что?!

--Конь в пальто! Оказывается, революцию--то в семнадцатом, дураки делали.

--Дураки, дураки...Дураки в семнадцатом много чего наделали...

Коршун тяжело поднялся с лавки, покачиваясь, опёрся на стенку и вдруг заорал дурным голосом:

--Где моя шашка, ребята!? Где она?! Сейчас я эту контру враз порубаю... Революцию не трожь, я за неё жизнь отдавал, сволочи!...И не только я!

Юра взял его за плечи и усадил обратно на лавку.

--Да ты что, Витя!? Спятил?! Я же пошутил!.. Революция, мой друг, для каждого советского человека--это святое! Понял?! Это, как для попов--воскресение Христа! Верно же Кукин?!

Кукин кивнул головой, дотянулся до своей рюмки, в которой глоток алкоголя еще плескался на дне. Выпил и, вроде бы, даже слегка протрезвел.
--Вы молодцы, ребята! Настоящие комсомольцы--большевики. ... Настоящие.... Особенно ты, Юра! И! это радостно!...Радостно и мне и вам тоже. Знаете, есть такой анекдот, про радость? Нет, нет, не политический, боже упаси. Но очень ин--фор--ма--тив--ный...Фу, блин, едва выговорил....

--Рассказывай?

--Рассказываю: Сидят два мужика. Ну, по чуть, чуть под этим делом, конечно....Один и говорит, значит, другому:

Вася! Но до чего же жизнь поганая... Одни хлопоты и неприятности... Где бы раздобыть хоть какую--нибудь ма--а-ленькую радость!

--Коля, а у тебя глисты есть?

--Нет! Васёк! Категорически нет! Вывел в раннем детстве...

--Ну, так радуйся!

--Хороший анекдот ... Поучительно-- окрыляющий. Я, кажись, сегодня его кому--то уже рассказывал. И главное никакой политики в середине. Это

успокаивает. А то бы тебя товарищ Иванов,..... враз бы..... Понял?

--Понял.

-- Вот и молчи в тряпочку..... пока некий товарищ, сам знаешь, какой... Пал Палычу шершавым языком плаката спинку вылизывает и то, что пониже тоже....Понял?....Надо, кстати, его во--время оттянуть от ягодиц шефа, а то , того и гляди до костей доберётся! Он у нас такой! Ну, очень активный!...

Кукин громко икнул и, жалобно прошептал Коршуну на ухо:

--Виктор Иванович, когда в Москве будешь жить,-- не забывай друзей--то. И не забывай, в чьей больнице второй раз родился! И помни... Заруби у себя на носу шашкой! Кукину Геннадию Васильевичу, как жизнь нужно новое оборудование! Запомнил?

--А как же ? Новое оборудование....Запомнил...

--Не мне нужно, Витя, Альтману, отцу твоему, спасителю необходимо. Понял? Но ты там наверху его фамилию не называй. Там такие фамилии не в чести. Скажи нужно, мол, оборудование медицинское для больницы Геннадия Васильевича Кукина. Простого русского врача, как Чехов, не помню имени и отчества, который вам за это может ваш вялый, так сказать, слабо действующий инструмент починить. Понял?

--А че здесь не понять? Инструмент, особенно если он действующий нормально, каждому мужику нужен.

--Правильно. А там же у них, у многих....Ну, скажем, точнее...у некоторых.....инструментики уже--тю--тю.... Геронтократия, понимаешь? А то большому человеку ни в банку с тайским массажем не сходить, ни ещё куда--нибудь?..... Одно слово--непорядок это для мужика. А Геннадий Васильевич

Кукин--кудесник по этим делам, его отреставрирует в лучшем виде и поднимет на должную высоту.

--А какое оборудование--то надо?

--Какое? Да любое!

Кукин схватился за голову и пьяно по-- собачьи завыл.

У меня, вообще, ничего нет, даже ваты! Не лечим, а шаманством занимаемся! Перед людьми стыдно за советскую власть!

--Ты бы, Гена, про советскую--то власть, потише.

Смотри, а то комэск, опять за шашку схватится.

--Да это я так, Юра, с языка сосклизнуло....

--Слюней, видать, у тебя во рту многовато, Гена. Если не хочешь неприятностей,--язык в шершавости держи, как товарищ Иванов, чтобы с него дуриком не сосклизывало чего не надо....

--Ну, комсомолец, ты даёшь....Как только наверх взлетел, таким идейным стал! Ну, просто другой человек, а не Юрка--попрошайка и бабник!

--Я, между прочим, человеком идеи всегда был, просто скрывал свою лучшую сущность глубоко внутри себя, и прикидывался тем, о чем ты сейчас болтул. Понял? А, потом, взял себя в руки и взлетел. А ты, Гена болтай больше, и если твои глупые шуточки не приведут тебя куда не надо, то в лучшем случае--главврачом своей богадельни и помрешь.

Давай, Витя, пропустим ещё по рюмашечке. Тебе закаляться надо перед Москвой, а то действительно, не дай бог, по-- пьяни кого--нибудь не того зарубишь. И ещё тебе надо научиться шутки понимать. Это, старик, наиважнейшее дело!

--Не волнуйся я шутку, очень даже понимаю. Но над великой революцией шутить нельзя! Не позволительно! За неё хорошие люди кровь проливали, да жизни отдавали! И я над революцией никому смеяться не позволю! Если бы не революция, ты бы сейчас здесь не сидел и икру

чёрную с коньячком ложками бы не трескал. А сейчас, видишь, она стала всем доступна. Всему нашему народу!

--Думаешь?

--Уверен.

--Тогда давай за твою веру и выпьем...Ладно базарить, пойду, пора Пал Палыча из парилки вынимать. Иванов там, наверное, уже дуба дал, расплавился. Или языком к заднице шефа так крепко прилип, что и оторваться не может.... Шеф--то мужик крепкий и в банных битвах закаленный, а вот за Ван Ваныча, я не поручусь. Больно уж на вид хлипковат инструктор. Хотя странно, он в своих колымских лагерях должен был крепко закалиться, по идее.

--А что это за лагеря такие?

--Лагеря.....Как, бы это по--проще тебе объяснить, комэск? Лагеря это такие,... как бы дома отдыха.... для некоторых категорий трудящихся, которым очень хочется поработать власть на свежем воздухе. Ну, скажем, лес валить в тайге, уголёк кайлом рубить и всё такое прочее. ... Засидится человек в городе в душном кабинете, и начинает болтать что--то не совсем то. Вроде бы кислородное голодание с ним получается. Ну и его вызывают куда надо и спрашивают:--отдохнуть на вольном воздухе, милейший, нет охоты? Отдышаться на свежем воздухе. Мышцы накачать. Похудеть. И всё это за государственный счёт? Товарищ думает и соглашается. И лет десять беззаботного состояния за государственную халяву--милости прочим! Жаль только, что иногда он отдыхает там без права переписки. Ну, это так, мелочь. Издержки системы. Страна у нас огромная, природными богатствами, лесами, полями, шахтами богатая, так что разгуляться, слава богу, есть где. И лагерей отдыха таких достаточно. Особенно в северных районах.

--А что же ты в такой лагерь не поехал? Ты же, как я гляжу, халявщик тот ещё.....

--Всему своё время Витя.... От суммы и от судьбы, как говорится, не уйдёшь... Но я с природой не очень, как говорится--на вы! Я человек сугубо городской....Мне и в своём кабинетике не плохо.. Да и выхлопные газы автомашин для меня-- бальзам для легких.

--Слушай Юра, а поговори с Палычем, может быть он меня в такой лагерь где--нибудь на время пристроит? Пока я к новой жизни не привыкну. Хоть кем? Можно даже сторожем или дворником. Там я и к людям приглянусь, и разберусь, что к чему. Я страсть, как вольную природу и свободолюбивых людей уважаю! А там, глядишь, и Анна, может быть, меня, полюбит--будем детей на природе растить. А?

--Кукин, ты слышал, о чем наш будёновец мечтает? Как ты думаешь, он в передовом приличном колымском лагере скоро в новой жизни разберётся ?

--Если каждый день будет начинать с бутылки беленькой,--через пару недель? Гарантирую.....

--А я думаю, ещё и раньше. Ты на эту тему, Витёк, лучше с Ивановым поговори. Он там человек свой, и для него подыскать тебе славный лагерь где--нибудь в глуши Сибирской тайги --раз плюнуть.

--Спасибо за совет, обязательно поговорю. Чем чёрт не шутит, может, я там лошадок объезжать буду....

--Будешь, будешь. Там все лошадки,..... но правда давно объезженные....Лады, ребята, пошутили и будет. Кажется, Палыч с Ванычем из парилки вылезли. Горячим веником пахнуло. Юрик, иди, вытри чистой простынкой шефа.

Платонов благоухал. Просто светился от благи. Листики дубового веника прилипли к телу, и придавали его личности нечто эдакое ... римско

божественное. Эдакий Нерон, только с венком, но не на голове, а листочками на теле.

--Ох, и хороший сегодня пар, пацаны. Духовитый и в меру горячий. Ваня, как тебе?

--Очень, хороший. Просто мировой. Последний раз я такой парок отведал на Индигирке. Там дрова кедровые были, и аромат от них шёл такой, как будто сам внутри кедровой шишки сидишь. Жаль вы не попробовали такого.

--Думаю с тобой, Ваня, ещё может и попробую... Хотя, если честно, не любитель я тех мест, а тем более тех бань. А ты, Иван, нашего комсомольского вожака парил, хоть раз? Юр, ты его обязательно попроси попарить, у него, сукина сына, на это дело талант. Выглаживает, как всё равно собака языком! Тебе Ваня не политинформации спящим людям читать, а парильщиком в русской баньке служить. Капусты ты там раз в десять больше нарубишь, и люди тебя, куда как больше уважать станут. Подумай! Платонов плохих советов не даёт, даже бесплатно.

--Слушаюсь, Пал Палыч! Сейчас же попрошу, пусть только отдышится. Пивка желаете?

--Обязательно. Я всегда начинаю с пивка. При умственном труде банька с массажем наипервейшее дело. Всё снимает! Всё!

--Абсолютно с вами солидарен, Пал Палыч. При умственном--самое первое.

--А ты--то, Вань, откуда знаешь? Парильщик?

--Юрик, заткни свою гогочущую глотку. Уволю.

Ты не обижайся, Ванька. Наш молодой ещё дуралей. Когда в отставку выйдешь, и моим советом воспользуешься, я тебя в личные баньки обязательно возьму. И оклад положу вдвое больший, чем тебе сейчас обком платит. Тебя просто не по таланту загружают.

--А что, Пал Палыч он действительно мастак?

--Не то слово, Юрик! Не то слово! Удивил меня сегодня, удивил. Коньячку хорошего, армянского, «Ахтамар» на камушки подбросил, потом взял в каждую руку по венику и с двух рук как пошёл!... Как пошёл, сукин сын! Аж дух у меня в зобу спёрло! Ваньк, а ну, продемонстрируй настоящее искусство народу.

Иванов фальшиво ослабившись, принес из парилки два веника, берёзовый и можжевеловый, и начал махать ими с ловкостью фокусника.

--Здорово, шеф, действительно чудеса! Чисто-- цирк!

--Я и говорю, Ванька наш--фокусник. Чистый фокусник! Кожа старая после его работы, понимаешь, слезает как у змеи, а вот сейчас, чувствую, как нарастает новая! Что, Виктор Иванович, до революции--то, небось, при царе твоём--Горохе, таких банек--то не было? Ась?

--Да, таких не было. То есть, может они и были, но разве что только у богатеев. У меня к вам вопрос? Вот, между прочим, мне не понятно: почему в магазинах, где надо деньги платить, я видел очереди, а тут такая бесплатная роскошь,--и никого? Чудеса, да и только! Теперь--то я понимаю, что означало коммунизм, за который мы боролись. А ты Юрка, че всё время гогочешь? Смешинка, что ли в рот залетела, или я чё ни то ляпнул?

Платонов хмыкнул, скривил физиономию и, подвинул кружку к комэску, проямлил, что было ему не свойственно:

--Ты на него, Витя, внимания не обращай, он, дурачек от природы, за это еще и розгами поплатится. А о магазинах, Витя, не забивай голову, будут у тебя они без очередей. Заслуженные товарищи у нас по очередям время не теряют. И приходи завтра ко мне в обком, будем тебе приличную пенсию варганить как заслуженному коммунисту.

--Во подгрело тебе, Витя.... В тридцать годков,-- персоналка! Теперь ты можешь до конца дней твоих на всех с приборчиком!

--Спасибо, Пал Палыч, за заботу, но всё же, мне не очень понятно, зачем в магазинах надо в очереди стоять и деньги платить, если можно просто прийти в баню и бесплатно взять всё что твоей душе угодно?

--Вот ведь какой приставучий... Отстань, дай хоть тут не ворочать мозгами. Потом поговорим....А еще лучше будет, если наш политинформатор тебе всё по полочкам разложит. Он в скользких вопросах такого рода, дока. Профи, по--нашему.

--Пал Палыч, мне с такими случаями ещё не приходилось встречаться...

--А вот сейчас, как видишь--случилось.

Тебя чему партия учила и учит? У коммунистов нет неразрешимых проблем! Верно?

--Это вы Пал Палыч, с Мичуриным путаете. Это он сказал: «мы не можем ждать милостей от природы,-- взять их наша задача»

--Правильно! Чего же ты мне мошонку выкручиваешь? Перед тобой нетронутый уникальный экземпляр, можно сказать, девственный лес, сама стерильная матушка--природа, только в буденовке и маузером! Бери его и выполняй завет великого садовода! Вопросы есть? Вопросов--нет! Вот и славно!

--Ну, шеф, вы фантастически быстро и делово решаете такие не простые проблемы. Я просто счастлив, что могу учиться у вас!

--Учись, пацан. Я за учебу беру не деньгами, а борзыми щенками. Так, что за тобой должок. За столицу--то пили?

--Да мы уже за всё пили, и за вас не один раз.

--Ну, значит, выпьем за Виктора Ивановича и его успехи. А его успехи могут и нам быть полезны. Ты,

Виктор Иванович нас там не забывай и при случае за нас, за отцов твоих, доброе словечко забрасывай. Мол, есть на земле русской, такой богатырь, Платонов Пал Палыч, очень толковый руководитель государственного масштаба! Пламенный коммунист, беззаветно преданный родной коммунистической партии, её центральному комитету, то есть всем этим шамкающим геронтократам, и лично..... Ну, а кому лично, ты уже выучил назубок, так что повторять не буду. Ну, конечно, про геронтократов--это я так для шутки сказал, так, что про них ты забудь! А то спяна ляпнешь там,...потом костей не соберём...

Все дружно подняли бокалы, а Иванов от полноты обуревающих его чувств, даже хлюпнул носом и вытер кулаком набежавшую слезу. Кукин с трудом оторвался от лавки, шатаясь, добрался до Коршуна и, смачно поцеловав его в лоб, неожиданно для всех и даже для себя пробасил с хрипотцой:

--Витя! Если царя увидеть лично сподобишься....

--Какого царя?

--Ну, блин даёшь, едрёна ёлка...Ну ...этого доктора исторических наук всея Руси и Генералисимуса....скажи ему, это очень важно для всей страны, Витя, скажи ему, что есть, мол, на Руси....далеко, далеко, можно сказать в самой её дупе...в глуши, значит, такой Кукин Геннадий Васильевич.--Запомнил?

--Ты чё, конечно...

--Так вот этот самый Кукин, Геннадий Васильевич, ... имя отчество не перепутай, не дай бог! Понял? А то этих Кукиных разных там,... на всей великой Руси, до Москвы домиком не переставишь. Так вот, этот Кукин Геннадий Васильевич, есть величайший, мол, мастер по починке мужских инструментов! Понял? Величайший! Не веришь, спроси у Пал

Палыча Платонова, какой я ему инструмент замастрячил! Не инструмент, а Эйфелева Башня, понял? Верно же, Пал Палыч?! Так вот, ему, Кукину этому, ядрёна ёлка спецу, нужно медицинское оборудование! Любое! У меня даже ваты нет! Элементарной ваты!...

Кукин закрыл лицо руками, и крупные слезы, стекая по щекам, начали капать тоненькой струйкой с его подбородка на лысину Иванова, о плечи которого он оперся для устойчивости.

--Спи ты лучше, дурак! Витя, только ты сразу --то царю не бухай, как ты привык, наши просьбы, а выжди благоприятную обстановку. Чтобы услышал, понимаешь? А насчет мастерства Геннадия Васильевича, ты там понюхай, им это ох как нужно! Они же все не только бабу удовлетворить не могут, им и не залезть--то на неё даже. Одно слово--геронтология!

--Насчёт залезть. Анекдотик такой есть, не слышали Пал Палыч.

--Трави.

Вы знаете как погиб великий садовод Мичурин?

--Ну?...

--Свалился с клубники и разбился, ко всем чертям!

--Кукин перестал реветь. Сморгнулся в простыню Иванова и, приосанившись, почти трезвым голосом возвестил:

--Пал Палыч, хотите я вам от шимпанзе яйца пришпандорю? Пересажу семенники? Зверь будете! По десять раз за час сможете! Секретарш штук десять заведёте, чтобы выдержали! Не верите? Я в зоопарке специально наблюдал. Там один горилла свой гарем--штук двенадцать самочек, за час раза по три удовлетворял!

--А хвост не вырастет?..

--Зачем вы так шутите,--от собачьих же не вырос.....

--Не вырос, это точно, но скажу тебе по большому секрету, что в туалете каждый раз ногу так и хочется поднять...инстинктивно..... Но при этом теряется устойчивость. У собак, все же не две ноги, как у нас, а все четыре....

А, может быть, ты мне ещё и корень от осла прищпандоришь? Вот тут уж меня никто не перешибёт. В книгу Гиннеса наконец попаду!

--Анекдотик, ребята. ...

--Трави, комсомолец.

--Что же это получается, в секретарши берут красивых, а спрашивают как с умных.

--Всё?

--Нет, ещё есть: ну как победить взяточничество в стране, в которой деньги делают по ширине конверта! Теперь всё.

Юра налил две рюмки и подсел к Платонову:

--Пал Палыч, отец вы наш родной, ну неудобно же, ей богу! У краснодарского первого--черная «Волга», обратно же из Тулы коллега приезжал--черная «Волга». Из какой--то мухосрани секретарь приехал и у того черная «Волга»! Один я, всё равно как почтальон какой--то задрипанный--на «Москвиче». А у них ведь и комсомольцев меньше, чем у меня, а престижу выходит больше.... Просто неудобно, как--то Пал Палыч.

--Что, такую задницу и пузо в банях наел, что в «Москвич» и не влезаешь уже, что ли? Так похудей. Тебя девки любить больше станут.

--Пал Палыч, у причём здесь не влезаешь! Это же страдает моё реноме руководителя!

--Чего, чего страдает, не понял?...

--Реноме, Пал Палыч! Так сказать, престиж комсомольского вожака. Приезжаю я, скажем, на «Волге» или на дохленьком «Москвиче»--это же другим концом по-- вашему реноме бьёт!

--Ты бы лучше брал пример с вожака собачьей упряжки. Тот ногами перебирает быстрее всех собак и, всю упряжку за собой тянет. Это его реноме! А обо мне не беспокойся. Я в твои годы своё реноме набирал на трамвае. Делом реноме завоевывать надо, а не престижной тачкой. Стройку молодёжную засрал? В чистом виде засрал! Ещё парочку объектов назвать с ходу могу! Вожак хренов... Тебя не на « Волгу» надо пересаживать, а из кабинета к токарному станку, за которым, раньше говорят, неплохо стоял.

--Засрал?! Кто засрал--то!? Платить надо людям и жильё давать. Вы, Пал Палыч, старыми плакатами живёте, а сегодня дураков бесплатно ищачить уже нет. Меня один мой комсомолец из команды у кассы в день получки спрашивает: Юра, это зарплата, или я её путаю с чаевыми? Вот, разве что только наш конник Коршун и остался... Витя, пойдёшь задарма работать?

--Партия прикажет--пойду.

Юра театрально упал на колени перед Коршуном.

--Витя! Конник ты мой любимый! Где бы сыскать в области ещё парочку сотен таких идеалистов--дураков, как ты? Расскажи, родное сердце? Может быть, набрать сейчас таких ратников, усыпить лет на пятьдесят вместе с гениальным еврейским доктором Альтманом, чтобы наш Генералисимус смог разбудить их в конце срока? Боюсь, что других способов с нашим доктором исторических наук не существует. Прости, товарищ Иванов, за злую шутку. Я не антисоветский элемент,-- накипело!...

Пал Палыч выпил рюмку, запил её томатным соком и, промокнув рот простыней, начал негромко и почти ласково:

--Не нравишься ты мне в последнее время, Юра. Ох, как не нравишься... Дошли до меня слухи, что

жалуешься на меня в крайком. Нехорошо это мальчик... Ох, как не хорошо... Да за такие вещи дяденька Платонов может и рассердиться и пальчиком плохому мальчику может пригрозить... Или натянуть несмышлёнышу жопку на головку. Двух маток хочешь малыш сосать? Не советую. Двойная жизнь делает человека одиноким. Я, в отличие от тебя, человек занятой, и заниматься твоим воспитанием не могу. Человечка в наше времечко проще заменить, чем перевоспитать.

Юра, как ошпаренный вскочил на ноги и тонко заблеял, а, скорее, по--бабьи заголосил:

--Да что вы Пал Палыч!? Что вы, отец наш родной!? Да разве же я могу ...на такое!...Разве я способен?!...

--Способен, способен. Был бы не способен, не поставили бы тебя на это теплое местечко. Партия нас чему учит: гибче надо быть! Гибче... Прямыми гвоздями только доски забивать хорошо. Ты, дурачёк, наверно думаешь, что на прямой подлой хорошо утоптанной дорожке следов не остаётся? Остаются следочки, остаются, да ещё и какие. Для этого у нашей партии вон Ваньки существуют. А у них чутьё собачье! Что у твоей борзой, если ещё не покрепче... Верно я глаголю Ван Ваныч?

--Ну, зачем же так, Пал Палыч? Так ведь и обидеть человека зазря можно...

--Так то же человека, а не борзую. Человеком человек только из мамы рождаются, а уж потом из него всякое становится. Верно я говорю, Кукин.

Кукин дернулся на окрик и приоткрыл осоловелые глаза:

--Вы это о чем, шеф?..

- Да вот хочу спросить тебя: ты, сколько лет на белом свете небо коптил, пока яйца бегемота человекам пришпандоривать научился?

--Шутите, шеф... Я пока ещё только собачьи могу... Так сказать, насобачился...

А, что, Юрке тоже пора пришла пришивать? Так я это мигом. Только опохмелюсь с утра и на стол пацана. Собак у меня навалом. Какие захочет. От дворняг до овчарок. Вот лагеря некоторые у нас позакрывали, дык таких кобелей охраны на запчасти и опыты понавезли, звери! Похуже любых волков! Юра! А хочешь, я тебе от свиньи подошлю? У нас в подсобном хозяйстве такой хряк производитель есть! Такой! Ты всех своих телок за неделю по три раза покроешь, да ещё их соседнего района полсотни охотниц набезит...

--Спи, спи... Ему яиц ещё не надо. У него сперма итак в башку фонтаном бьёт. Ему бы мозгов, от каких--нибудь умных зверей добавить, да совести и преданности от твоих собачек взять. Ты, дурень, не светись зря. Сладкие--то местечки разыгрываются не под лучами прожекторов, а скромненько в тени... Ты не представляешь себе, мальчик, сколько надо было мне потерять человеческого, чтобы было всё как у людей! Сколько я своих, да и чужих замечательных идей угробил! Сколько раз друганы по партии поднимали меня высоко над головами, чтобы еще сильнее и больнее потом было о землю шмякнуть! А я, сынок, всё это выдержал. Все синяки да шишки зализал! Все взлёты и падения перетерпел без звука. Все компании чётко, как велела партия отголосил! И коллективизацию, и индустриализацию. И все культы--шмульты! И застой и оттепели, и перестройку! Всё чин чинарём! И видишь, сижусь! И крепко сижусь! И Ваньку нашего не сильно боюсь! Потому, что всё что надо, всё где надо--схвачено! Кругом, сверху до низу на всех креслах свои люди сидят! Проверенные или схваченные! Э-эх, сынок, многому я бы мог тебя

научить, многому! Да чем же ты мне ответишь в ответ на мой ликбез? Подлянкой?!

--Пал Палыч! Да что вы?! Да я за вас!....Я за вас!... Да у меня этого и на уме не было!

Юра стоя на коленях обнял колени Платонова и громко зарыдал. Платонов оттолкнул его, взял больно за уши и, глядя в глаза пробасил:

--Что за вас? Что за вас? Жизнь за меня отдашь?! А!? Прямо сейчас!?

Платонов взял со стола десертный нож и вложил его в руку комсorghу.

--Давай! Коли себе в грудь! Коли со всей силы! Только не перепутай сердце с коленкой, герой...

Юра вскочил на ноги, поднял руку с ножом над головой И задыхаясь в рыданиях, крикнул:

--Отдам, Пал Палыч! За вас, отдам! До последней капли крови...Но... только на войне...

Ножик выпал у него из рук, и он бессильно опустился на скамью.

--Ладно, что там, живи....Кому нужна смерть попугая. А меня уважай! Как сказал наш великий учитель...

Иванов угодливо бросил подсказку:

--Лаврентий Павлович Берия...

--Да не тот, другой, помельче: « В искусстве надо любить не себя,... а меня!» Великие слова! А главное --правильные! И не держи, Юрик долго камень за пазухой, жизнь показывает, что со временем он может переместиться в собственную печень! И будет больно! Запомни, щенок: Я--это Александрийский столб в своей вотчине! Василий Блаженный! Ядро царь--пушки! Ядри её в качель... Ваня, возьми эту мокрую тряпку, да всыпь ему розгами от лысого веника горячих на полку! Уж этому--то нехитрому искусству ты в своих лагерях, надеюсь, овладел в полной мере. И по крепче, чтоб визжал! Чтобы синяки на мягких местах месяц

бабцов пугали. Чтобы неделю сидеть за своим комсомольским столом, да в «Москвиче» не мог, а пешком бегал по области!

--Сделаем--с, Пал Палыч, в лучшем виде! Не в первой--с!

Платонов тяжело поднялся из--за стола, подошел к зеркалу. Осмотрел свою грузную фигуру со всех сторон. Расчесал остатки волос справа налево через лысину, опрыскал лицо и подмышки «Шипром» и рявкнул командным голосом:

--Кончайте балаган. Комсомолец, кадры к политзанятиям подготовлены?

--Обижаете, шеф, давно уже с нетерпением ждут на обкомовской даче подмытые.

--Ну, раз народ ждёт, мы не можем обмануть его ожидание! Народ у нас, коммунистов, это главное! Значит надо ехать. Справки у Кукина на всех взял?

--Геннадий Васильевич подтвердите?

Кукин открыл глаза, протер их кулаками, икнул, попытался встать в позу «смирно», но, пошатнувшись, рухнул обратно на скамейку и проблеял:

--Юра, в чем вопрос?...

--Гена ты кадры осматривал?

--Лично...Лично персонально каждуюСтерильные! Полный порядок, Пал Палыч! Уж после Геннадия Васильевича Кукина,...как говорится, все проверки исключены...Всё... Разрешите отключиться на один час?

--Спи спокойно, мастер. Комсорг езжай первым и строй отряд к бою!

--Слушаюсь, шеф!

Коршун с интересом и недоумением прослушал дебаты.

--Что, Пал Палыч, снова митинг?

--Как тебе сказать, что--то вроде..... Вернее сказать--практические занятия по некоторым разделам

национальной японской гимнастики -- «камасундры» С дословным подстрочным переводом, так сказать, с японского на русский язык. Я на них кукинские собачьи изделия буду практиковать... В общем, тебе, Витя, вникать в это ещё рановато. Ваня, доставь Коршуна домой.

--Слушаюсь.

--А то, как же? Попробовал бы ты сказать иначе...

Коршун в течение всего вечера как--то странно пристально поглядывал на Иванова. Надевая на себя будёновскую форму, он попросил его поправить портупею и, как бы невзначай, спросил: Иван Иванович, лицо ваше мне почему--то очень знакомо.... А где мог его видеть, ума не приложу?...

Платонов с легким удивление посмотрел на обоих и, хмыкнув, повертел пальцем у виска.

--Коршун! Упаси тебя бог, ляпнуть ещё раз где--нибудь про евреев. Понял?

--Почему, Пал Палыч? Я уже говорил, у меня в эскадроне комиссаром еврей был, Левинсон, настоящий был мужик....

--Верю, верю. Я про него слышал. Его после революции вроде бы партия в расход пустила. Но ты, пока не образуешься как современный коммунист,--про эту малую народность забудь. Тебе и коренной могучей русской нации будет предостаточно.

Кукин неожиданно открыл глаза. Встал на четвереньки на лавке и завыл по-- щенячьи:

--У меня ваты не--е--т!...Ваты не--е--т!...

Платонов расхохотался до слез и сквозь смех бросил на ходу Коршуну:

--Засунь ему мандарин в пасть, чтобы не выл, дурень...

.....Х.....

Свадьба Коршуна с Анной удалась на славу. Горы цветов, куча подарков. Сразу после ЗАКСА молодых отвезли в городской Дом Культуры, где

пионеры надели на них красные галстуки, а комсомольский городской хор спел им здравицу и торжественно исполнил гимн комсомола: «Партия наш рулевой». Комитет Государственной Безопасности преподнёс гипсовый бюст Ф. Э. Дзержинского, в натуральную величину, по пояс, сверху.. До этого лет двадцать он стоял в актовом зале за головами президиума, но его заменили на такой же, но из бронзы, а этот некуда было девать. С теплыми словами выступил и Пал Палыч Платонов, который тоже сделал замечательный подарок молодожёнам--портрет маслом, кисти народного умельца, художника --Матюхина (по паспорту--Тюхина). Городского сумасшедшего и законченного алкоголика, но в редкие часы просветления, человека, несомненно, чем--то одарённого. На портрете, который, естественно, был написан испытанным методом--«по квадратам», с фотографии из журнала «Коммунист», был изображен Генеральный Секретарь Коммунистической Партии Советского Союза, Председатель Совета Министров СССР, доктор исторических наук и т. д., в кителе генералиссимуса со всеми звездами героя и, бесчисленными остальными высокими регалиями, заслуженными непосильным трудом.

Завхоз облгорисполкома, товарищ Упакованный, легко расстался с этим бесценным произведением искусства. Тюхин--Матюхин, денег за свои произведения не брал, чисто из принципа. В оплату принимал только «Московскую» с медалями, в пол--литровой таре. В подвалах облгорисполкома уже пылились пару десятков точно таких же копий с обложки журнала, ибо других нетленных произведений местный гений, принципиально, не рисовал. Совет ветеранов Коммунистической

Партии преподнес чугунный бюстик Владимира Ильича Ленина со щербинкой на правом виске. А так же, биографический том в тысячу страниц, в жесткой коленкоровой обложке цвета крови рабочих и крестьян, пролитой в годы Революции и Гражданской войны, украшенный медными уголками, под пропавшее во время войны червонное золото партии. В этой замечательной книге была подробно, можно сказать с горшкового возраста, изложена трогательная, но в тоже время героическая биография Генерального Секретаря, Председателя Совета Министров СССР, доктора исторических наук, Генералиссимуса, товарища Лаврентия Ильича Романова--Суслова. Его встречи с Лениным и Сталиным в далёкой Туруханской ссылке. Коллектив работников Мавзолея В. И. Ленина, прислал из Москвы фотографию вождя Мирового Пролетариата в стеклянном гробу, в траурной рамке с золотом. На фотографии была запечатлена замечательная теплая улыбка вождя на устах, привет пролетариату из гроба, и его фирменный ласковый прищур, на застывших навеки веках. На обороте красными буквами была надпись: --«Не знаем, как для вас, а для нас, Ленин-- вечно живой». Министерство Здравоохранения прислало в подарок урологическую подкладную утку из китайского фарфора с видом горы Фудзияма и иероглифом, в переводе означающим фразу: «Долгого бодрствования тебе, герой, после крепкого сладкого сна». Славные труженики сельского хозяйства завалили молодожёнов сельхозпродуктами и всяческой живностью, от кроликов до племенного быка, по имени--Самец, способного в один день покрыть стоголовое стадо вологодских молочных коров--рекордсменок. Юннаты из славного сельского посёлка городского типа, Небогвесть,

прислали клетку с белыми крысами, которые при ближайшем рассмотрении оказались обыкновенными помоечными, но седыми по возрасту. Не отстали от всей страны и эвенки из стойбища, Клык Моржовый. Они прислали костяной фирменный моржовый детородный орган, сделанный умельцем из драгоценного бивня доисторического мамонта. Шахтеры шахты «Забытая», Красноярский край, прислали кайло прошлого века и современный отбойный молоток. Символизирую тем самым невиданный, с их точки зрения прогресс, в способах добычи черного золота. Гравировка на рукоятке молотка представляла собой стих в одну, но замечательную строчку: «Полвека спать,-- не кайлом махать!».

Фабрика резино--технических изделий прислала вполне ожидаемый для медового месяца подарок:-- кубический метр разноцветных сосок для взрослых. Растрогали до слез молодожёнов и бомжи--умельцы из Ленинграда. И они не остались в стороне от одного из главных событий недели! Они приволокли к дверям квартиры Коршуна—стокиллограммовый самогонный аппарат, смонтированный умельцами из чугуна обрезка канализационной трубы, шайки из соседней бани, коллекционной блокадной буржуйки, свистнутой из музея «Обороны Ленинграда», и трехлитровой стеклотары из под солёных огурцов. Надпись, выбитая зубилом на днище шайки, гласила: «Не тот, товарищу товарищ, кто при товарищах товарищу товарищ, а тот, товарищи, товарищу товарищ, кто и без товарищей товарищу товарищ!». Платонов, опустошив стоящую рядом с ним персональную литровую бутылку французского коньяка, повертел банку со всех сторон, и многозначительно почесав затылок, изрёк. «Пропадают у нас на помойках

настоящие философы--демократы! А всякое номенклатурное дерьмо, которое двух мыслей не может связать в одно сложно-- подчинённое предложение, катается на «Чайках» и живет в нажитых на взятки трехэтажных каменных домах! Где же она настоящая --то демократия, мать моя женщина, не говоря уже про отца!».

Стол замер в восхищении от этой удивительно трезвой и глубокой мысли высокого гостя. А Иван Иванович Иванов, тихо скрылся в туалете, чтобы занести этот, несколько странноватый спич, в свою заветную, пухлую секретную тетрадку компромата, так, на всякий случай.... Мало ли что...

Малогобаритная, «двушка—распашонка», с совмещённым санузлом, казалась Коршуну царскими хоромами. Да и Анна, всю жизнь, прожившая в огромной коммуналке с пятидесятью жильцами, одной кухней на восемнадцать семей, и туалетом без ванны, была вне себя от счастья. Квартиру выдал город по приказу того же доброго волшебника, Платонова и молодая семья готова была жизнь отдать за него, случись что!...

Анна накрывала стол на несколько персон, Коршун играл роль подручного. Принося из кухни очередное блюдо, он тут же обнимал её за талию и шептал на ушко все нежные слова, какие знал из художественной литературы и какие придумывал сам.

--Вить, перестань! Я ж тарелку сейчас уроню.

--А хучь три! Хучь все четыре, а я всё одно не отпущу! Женушка моя, ненаглядная! Ягодка моя разлюбимая!

--Вить, ну нашел время, сейчас же люди придут!

--А ты скажи, что любишь,--отпущу.

--Витя, ты насильник, отпусти сейчас же!

--Всё! Больше я до тебя никогда не дотронусь!
Никогда!

--Дурачёк, я же тебя так люблю, что иной раз даже страшно за тебя становится! Ты очень похож на моего любимого героя революции из кино..

--Это кто же?

--Василий Иванович Чапаев! Какой был красивый мужчина! И какой герой! Вот уж действительно настоящий, так настоящий! Как он на коне с саблей скакал во главе своего отряда. Так жалко, что утонул!... Я прямо исплакалась вся... Семь раз ходила на эту картину, всё думала-- а вдруг вынырнет! Вдруг, не утоп насовсем.

--Василия Ивановича знавал я. Знавал... Сын плотника был, командир своенравный, но малограмотный и дисциплина в отряде была—хуже некуда. После каждого боя напивались до зелёных чёртиков. Оттого белые их врасплох и взяли. На коне скакать он и вовсе не умел, да и шашкой махать тоже был не специалист. Ездил он на французском, или, может быть, на немецком автомобиле с открытым верхом, запряженным шестёркой коней, с шофёром, который и руль крутил и вожжи держал. Лихой был парнишка, тоже из рабочих, а не из казаков. Сзади в машине стоял пулемет, по типу тачанки дядьки Махно.

--А Анку и Петьку ты тоже знал. Да не так уж и хорошо, но видел обоих. Анна у него в машине за пулемётом сидела. Она, вроде бы, жива осталась, а Петька, --тот куда--то сгинул. Тут такая смешная история была. В санатории, в который меня после больницы Пал Палыч пристроил, был культработник, который судьбой Василия Ивановича интересовался с детских лет. И сделал он у себя в клубе стенд с биографией Чапаева и фотографиями из этого кинофильма. А началось всё

с того, что лет пять тому назад подошел к нему один из отдыхающих, старичок такой, с сильными шрамами от пулевых ранений на лице. Подошёл, значит, и говорит:--« извините товарищ культработник, но я вижу, что вас интересует судьба Чапаева?» Да, отвечает тот. «Так вот, не считайте меня сумасшедшим, я могу вам даже справочку от врачей показать, что я совершенно нормальный человек, но дело в том, что я и есть этот самый-- Василий Иванович Чапаев. До сего дня живой, хотя белыми пулями сильно искуроченный особенно на лицо». И справочку этому культработнику-- раз и подает, мол читайте и удивляйтесь. Тот справочку изучил--всё путём. В этой справочке было написано, что податель её, товарищ Петров, или, может быть, --Сидоров, точно не помню,-- действительно по рассказам очевидцев, которым можно доверять, --бывший командир Красной Армии--Чапаев Василий Иванович. Тяжелораненый в гражданскую войну, но выживший, проживавший много лет в селе таком-- то на берегу реки Урал, в браке с колхозницей, гражданкой такой--то, в качестве её законного мужа зарегистрированного в ЗАКСе.

--Витя, ты мне, что сказку рассказываешь? Развлечь хочешь?

--Аннушка провалиться мне на этот самом месте, если хоть что--нибудь присочинил! В двух словах всё произошло так:

Чапаева тяжело ранило и быстрое течение выбросило ещё живого на тот берег реки. Там его полностью без памяти, парализованного нашла местная женщина и год, а может и больше, выхаживала. Время тогда было беспокойное и путаное. Практически калека, он прекрасно понимал, что весь его отряд погиб из-за его полного

разгильдяйства, как командира. Понимал он также, что объявись он сейчас,--большевики его тут же поставят к стенке. Тем более, что оставшийся в живых комиссар полка его люто ненавидел, приревновав к своей молодой красавице жене, и писал на командира доносы в ЧК. И он долго молчал, сменил фамилию и не высовывался. Но, как--то по ящику он узнал, что Анка--пулемётчица жива, что по кино--он герой и решил объявиться. Поехал в районный город, долго доказывал, что он не верблюд и не псих ненормальный. Проходил всякие медкомиссии. И, в конце--концов, добрался до Анки--пулемётчицы. Та его сразу признала, и они попали на приём в ЦК Партии.

Там эту историю выслушали и сказали следующее:-- Судить вас, товарищ Чапаев мы за давностью лет не будем. Но и восстанавливать вас, как того Чапаева тоже не будем. В глазах и в памяти советских людей--вы погибший герой. И именно таким, то--есть, погибшим героем и оставайтесь дальше. Вот такая Аннушка была история.

--Хорошо, Витенька, что ты тогда во время заснул так надолго, а то не ровен час и,..... как Чапаева бы.....Знаешь, Витя, я тебя так люблю, что иной раз страшно становится... Я тебе об этом уже не раз говорила...

--Страшно? А почему страшно--то? У нас же с тобой всё так хорошо... Гляди, как наша родная партия нам погает. Пал Палыч--удивительно замечательный человек. Вот уж действительно настоящий коммунист--бессребреник. Что я ему? Бывший конник, к тому же сильно контуженный. А сейчас, вообще пенсионер по старости. Что с меня взять-- то? Вошь на аркане? А, видишь, как он уважителен к нам с тобой относится.... Потому, что он есть настоящий коммунист! И чувствует во мне

такого же, преданного идеям революции большевика! А возьми Альтмана, -- почитай, моего второго отца. Золотой души человек! Золотой! Одного понять не могу, почему нынешние коммунисты евреев не любят? Революцию--то кто сделал?! Они, родимые! Да, да, те самые евреи! И Армию Красную, тоже они! И чтобы мне этот Иванов про Троцкого не говорил, но я--то уж точно знаю, что победой в Гражданскую, страна, ох как ему обязана! Трибун был великий! И организатор такой же! Я, как ни говори, а всё же очевидцем всего этого был! Нет, евреи, что ни говори, это неплохой народец! Умный, не злой! Один за одного всегда постоят, не то, что мы русаки всегда готовы наложить в карман соседу, если тому удача выпала. Сарай поджечь, женку соблазнить, да что там.....сама знаешь. Послушай Аннушка, а давай Альтману подарок хороший сделаем, а? Подарим ему, к примеру, ящик цветной?

--А где мы столько денег--то возьмем?

--Ужмёмся, а продукты будем брать в бане....

--Это в какой ещё бане?

--Ха! Интересно, что никто и не знает?!

--Я когда с Платоновым в бане мылся, выяснил, что там же всё бесплатно! И там ешь, пей сколько хочешь, и домой, если захочешь, бери--ни хочу! Помнишь я тебе мясо жаренное приносил,--шашлык называется, икру чёрную и красную, балычок? Это когда Платонов с комсомольцем на митинг уехали, мне директор бани, армянин видать, лично сам всё так аккуратненько домой завернул. И звал, когда надо приходиться, самому, без Пал Палыча.

--Ох, какой же ты у меня наивный... Да не возьмет Ефим Борисыч такой подарок, Витенька. Не такой он человек. Ему сколько раз деньги совали за операции--ни разу не взял. Даже бутылки с

коньяком и коробки с конфетами обратно возвращает. Это только говорят, что евреи жадный народ. Лично по нему, так не видно!

--Да, самостоятельный, видать, мужик. Себя уважает. В точности, как Мишка Батенин, мой заместитель в эскадроне. Того не поломаешь! Его, хоть как пытай, но если он в сердце коммунистическую веру взял--железо! Таких никто поломать не сможет! Никакие фашисты!

--Да, Витя, наш священник, Борисыч--святой человек. Такими до революции, наверное, настоящие попы были. Сейчас уже они пожиже...

--Аннушка, представляешь, сидим мы с тобой дома, чай пьём из блюдечка, и вдруг дверь открывается и нате вам: входят Мишка Батенин, красавец был, мне до него куда там. Бабы, ну в смысле, женщины, по нему умирали...А за ним Кривонос и Меньшиков--тоже, между прочим, мужички были--будьте, нате!...Рост, усы! А как шашкой в бою владели!? Только свист летел! Особенно, конечно Батенин....Да, что там.... Это тебе не комсомолец, Юра и не Иванов, прости меня господи... Кстати лицо его мне почему—то сильно знакомое... Вот только где я его видел, ума не приложу. Помнится только, что с чем то нехорошим лицо его мне монтируется?...Но вот с чем?... Да, отвлёкся. А за ними, конечно, Левинсон, собственной персоной....тоже, кстати, Ефимом звали,-- Ефим Леонидыч....Вот уж кто за нас--то со всей душой порадовался бы.... Это были люди настоящие, как говорить--без говна внутри себя...

--Витя не ругайся, тебе это не идёт.

--Говно, жёнушка, слово не ругательное. Его сам Владимир Ильич Ленин любил употреблять, особенно когда говорил или писал об интеллигенции. Просто, иной раз, более

подходящего слова, более точного понятия в русском языке к человеку и не прилепишь... Давай--ка помянем моих дружков закадычных. Плохо мне будет жить здесь без них, плохо, чувствует моё сердце....Они ведь нашему счастью тоже содействовали. Ужас, сколько людей--то полегло. Страшно представить....

--А в эту--то войну сколько.-

--Много?

--Только одних русских больше двадцати миллионов.

--Да—а?... Сколько ещё злобы у людей...

Коршун подошёл к репродуктору, повернул ручку.

Бодрый, сильный молодой голос популярной певицы радостно выводил мелодию марша: «Я, ты, он, она--вместе целая страна».... И так несколько раз подряд.

Послушай её! С таким ритмом немцы в четырнадцатом году в атаку ходили. Психическая --у них называлась. Там, там, там, там--тара--ра--ра, там--тара--ра--ра!

И вот что интересно, Аннушка: злоба человеческая, почему--то наверх всплывает, как всё равно, что это самое говно. Вот скажи, в твою головку разве придёт мысль--взять, вдруг, в руки винтовку, и ни с того, ни с сего, идти убивать других, ни в чём не виноватых перед тобой простых людей, только потому, что они хорошо живут с другой стороны границы?... Или, допустим, мне? Да с какой стати? У меня любимая семья, работа, дом. Да ни какому нормальному человеку идти воевать, зачем--то, и помирать --неохота. А этому говну, которое народом правит, затевать войну,--почему--то охота! О чём это говорит? Это говорит о том, что за ними нужен постоянный контроль с самого низа! Глаз, да глаз! Наша замечательная социалистическая страна, добилась этого! Но в капиталистических странах--

это может случиться в любой момент! В любой! Вот что страшно! Ох, затащили мы с мировой революцией, Анюта, ох затащили! Миром должны править большевики! Кто—то из вождей сказал:»Там где коммунисты, там победа! Правильно сказал. Наши коммунистические вожди—самые скромные, мужественные и справедливые люди!

--А теперь, философ, крикни «Ура» и вынеси ведро на помойку, революционер. Не нашего это ума дело....

--Почему же не нашего, Аннушка? Детей--то мы с тобой не для войны хотим рожать....

Звонок в дверь оставил ответ жены без ответа. Виктор открыл дверь и впустил родственников Анны—Трофима, Ларису и их сына Сергея. Руки Сергея занимала детская ванночка, а в руках Ларисы была большая нейлоновая собака, правда больше похожая на того самого волка, которому за раз удалось проглотить замечательную бабушку Красной Шапочки, и её саму вместе с корзиночкой пирожков с капустой.

--Что же вы так долго, остыло всё. Ждём--ждём, ждём--ждём....

--Ой, Аннушка, пока подарки покупали, да ещё по такой жаре до автобуса добирались.... Упрели так, аж из лифчика в трусы пота натекло. Замучились. Сейчас подарки выбирать--хуже нет.... Эта собачка тебе Анечка, будешь с ней спать крепко. Охранять тебя от приставаний мужа будет. Мне, между прочем, тоже надо такое же страшилище купить, а то Трофим своими приставаниями замучил, кобель.

--Да что ты, Лариса, это же хорошо --то как! Столько лет живете, внуки скоро пойдут, а у вас всё как медовый месяц.

--Ой! Да если бы от моего кобеля медом пахло! От его таким перегаром несёт, что одно только желание у

меня и есть--дать бы ему, паразиту, скалкой по башке, чтобы больше никогда не лез по пьяни, алкаш противный!

--Аня, да не слушай ты мою дуру! Это она желаемое за действительное выдаёт. Я давно уже не в её койку, а к соседке через площадку бегаю. Та меня в любом виде принимает! Для неё мой перегар, все равно как духи «Шипр»!

--Ах, ты, кобелина, пьянь подзаборная! Значит, ты к Маньке повадился! Вот я сейчас тебя, этой собакой по роже твоей поганой...

--Ребята, перестаньте! Лариска, он же специально заводит тебя! Успокойтесь вы, ради Христа....А за собачонку спасибо большое. Сережа, давай ванночку, я её на стиральную машину поставлю. А вы садитесь за стол, садитесь.

Сергей передал ванночку Коршуну и, похлопав его по плечу, подмигнув, добавил:

--Это Виктор Иванович, родители тебе, так сказать, с большим с намёком купили. Твоя обязанность, чтобы без дела она не стояла. Как говорится:
--плодитесь и размножайтесь на радость нам!

--Спасибо, спасибо... Иж ты, какие корыта--то стали делать?! Прогресс! Да--а, что ни говори, а социализм, он и есть социализм... Великая сила Маркса--Энгельса! Молодцы мужики, даром, что оба такие умные и бородатые. Интересно, а капиталисты тоже такие корытца делать намастрячились?

--Хе--хе! Корыта, говорите. Название какое--то, мало современное. Древним царизмом отдаёт. Как при царе--Горохе. Правда, маманя?

-- Витя, это не корыто, а детская ванночка. Корыто было у старика и старухи, при поэте Пушкине Александре Сергеевиче. Мы его ещё в школе проходили. Трофим, помнишь в третьем классе.

--Это, что ли про рыбёшку золотую?

--Ну.

--Помню. Там ещё кота к дереву золотой цепью привязывали. Найти бы это дерево ... Кота повесить, а цепь в скупку отнести, или новому русскому загнать..... Вот это, я понимаю, была бы настоящая, современная поэзия.

--Папаня, что ты там несёшь?! Виктор Иванович может подумать, что ты у нас человек необразованный. Верно, Виктор Иванович?

--Так у нас же такая ванна большая есть. Правда, же, Аннушка?

--Ой, мужики, они и есть мужики! Трофим объясни новому родственнику, чем маленькая ванночка от большой ванны отличается.

--Витя, а на что тебе Серега намекал--то, ты --то хоть понял? Чтобы без дела не стояла? Понял это к чему?

--Теперь понял. Будем усиленно стараться. Да проходите, вы к столу. Проходите. И сразу же за дело, чтобы время не тянуть....

Гости чинно расселись за столом уставленным дефицитными закусками.

--А мы вчера всей семьёй на вас любовались, Виктор Иванович, в телевизоре. Приятно всё же--родственник. Не у всех есть такие родственники, которых по цветному телевизору на первой программе кажут. Не у всех. Аня, муж твой когда с шашкой и наганом--ну вылитый киноартист, только вот не помню какой. Но знаменитый и даже очень. А видимость у нас замечательная, мы же цветной недавно купили. Вы ещё цветной-- то не купили?

--Это, Лариса, не наган, а маузер.

--Настоящий, Виктор Иванович, или дешёвая бутафория?

--Самый настоящий, Сергей.

--А патроны есть?

--Конечно, есть, это же моё именное оружие, его монахи в монастыре сохранили. Мне его, сам Троцкий вручал.

--Это тот, который в бабской одежде за границу утёк? Враг народа? Ты бы с ним поосторожнее, Витя! Там с его личностью не всё чисто....

--На счет враг, он или не враг, это я ещё , Трофим, толком не разобрался. Мне об этом Иванов из обкома тоже пену гнал. Про стекла толчёные в муке что--то невразумительное талдычил. Только не верю я ему, почему--то, уж больно лицо у него что--то подозрительно знакомое. Где--то я его в непотребном месте видел, мне так кажется... А в каком Троцкий обличии и куда бежал,--это уже после того как меня контузило было. Так, что не ведаю. Но красную Армию--он сделал! Это точно! Это на моих глазах создавалось.

Трофим состроил серьёзную мину и погрозил Коршуну пальцем.

-- Говорю тебе , Виктор,-- про Троцкого, лучше помалкивай. Мало ли что?....В партии его личность не котируется... Ты ему напоминай об этом почаще, Анна. Так--то оно лучше будет....

--Да я ему тоже об этом говорила. Но, он же у меня упёртый большевик--конник. Ему бы, только шашкой над головой помахать. А наш телевизор черно--белый, нас вполне устраивает.

--Нас тоже устраивал, пока мы цветной не купили. Но вот придёте к нам, посмотрите, увидите какая большая разница. Другая восприимчивость действительной жизни происходит! Совершенно другая. И перед соседями по площадке не стыдно. Сразу видать, что интеллигентные люди и обеспеченные, к тому же, рядом проживают!

Лариска, ты посмотри, какой стол Анна нам организовала...Что, Ань, прикрепили?

--Прикрепили.

--А мой дурак, так не прикреплѐнным и подохнет. Кому он современный алкоголик нужен? Сейчас у партии и правительства другие ориентиры. Им теперь старые коммунисты нужны, хоть и при молодой наружности. Ты не серчай, Виктор Иванович, я не об тебе это намекаю. Я правду в матку завсегда режу! Характер у меня с малолетству такой уж!...

Лариса скорчила обиженное лицо:

А ты алкаш из подворотни радуйся, что если уж не нам, то хоть твоим родственникам повезло.

--Что--то я, Аня не врубаюсь? Куда это меня прикрепили?

--Погоди, Витя, ты в котором году в партию --то вступил?

--Куда, Трофим?

--Куда, куда! В партию! Партия --то у нас одна. И вступить можно только либо в неё, либо...сам знаешь во что...

--В большевиков, в пятнадцатом.

--И--их, я ещё и не родился. Так, что жѐнушка моя распрекрасная все претензии к дедушкам моим и бабушкам, которые родителей моих на свет божий произвели. Давайте выпьем за здоровье молодых!

--Ну, хоть тут ты правильный тост сказал, пьяница. Счастья вам и детишек побольше. Пока вы прикреплѐнные к номенклатурной партии--без забот выкормите их. Верно, Трофим?

--Эх, Витѐк, Витѐк, повезло тебе, казаку лихому!

--И мне повезло дядя, и мне...

--Вчера ко мне на работе подошла одна и спрашивает: видела по телевизору этого, который, шестьдесят лет проспал, как Илья Муромец на печи? А я ей говорю: это мой родственник, между прочим! Так верите, нет, она чуть с катушек в обморок не брякнулась. Вся контора целый день ничего не

делала, всё тебя обсуждали. Вот, Виктор, какой ты знаменитый!

--Тебе, Витя, пока горячо, нужно квартирку истребовать. Проси сразу трех, или четырехкомнатную, вдруг дадут! А то, может, и в правду детей дюжину настрогаешь. Сил—то и гормонов там всяких пока дремал, накопил, а?

--Дядя Трофим, Витю же в Москву забирают. Так что, наверное, и нам скоро перебираться придётся.

--Да?! Ты подумай только.....И правильно. Что такому знаменитому человеку делать--то в нашей глухомани? Учись, Трофим!

--Чему учиться--то, крепко и долго спать? Так это я и сейчас могу. Главное, чтобы он в столицах родственников своих не забывал! Вот, что, главное--то!

--Я предлагаю, отец, выпить за нашего нового и уже полюбившегося нам родственника.

--Спасибо, спасибо.

--Я хочу тебя спросить Виктор, хорошо в России после революции народ стал жить?

--Очень даже хорошо, Трофим Игнатьевич, очень хорошо...

То-то, родственничек. Пока ты спал сладким сном, мы тебе вот этими самыми руками трудовыми мозолистыми, эту прекрасную жизнь приготовили! На блюдечке тебе её поднесли вместе с жинкой--умницей красавицей! На, как говорится, бери, пользуйся задаром нашими трудами и другими героическими подвигами! Я, знаешь, тоже не лёгкую жисть прожил. Прошёл от простого рабочего до различных ответственных постов. Куда партия ставила, туда и шёл! И завхозом в детском садике был. И в профсоюзах членские взносы собирал. И курьером в райкоме бегал, секретные бумаги носил! Партия доверяла! И в ВОХРЕ

охранником, партию и народ сторожил! Шёл я по партийной указке всегда прямо, не сворачивая. Никогда я не думал о собственном кармане, всегда только об одном: как бы только получше выполнить порученное мне партией дело. За это имею благодарности и уважение трудового советского народа, освободившего мир от фашистки--немецких захватчиков, и капиталистических воротил подлого американского Уол--Стрита! Так что, дядьку своей жены тебе в столице нашей Родины, Москве стыдиться не придётся! А ежели станет надо что, только кликни--тут же, немедля снимусь, плюну на всех и вся сдеса и приеду.

--А мне, Витя, например, вообще, без разницы в каком торге работать. Торг--он всюду и есть торг, что наш, что московский. Квартира, правда, у нас здесь трёхкомнатная. Туалет и ванна отдельные. Соответственно, лифт и мусоропровод, что , как ты понимаешь, не безразлично, для новой счастливой столичной жизни. Хотелось бы в столице нашей Родины поиметь бытовых удобств не меньше.

--Да рано говорить ещё об этом. Я и сам--то ничего толком и не решил.

--Будешь умником, Витя,--всё правильно решишь, а мы тебе поможем, чем сможем. Пьём за Анну. Смотри, какую мы тебе красавицу подобрали, пока ты, можно сказать, дрыхнул, извиняюсь за выражение, в своём, хоть и летаргическом, как говорится в твоём диагнозе, но безмятежном сне.

--Вот за Аннушку. Родственнички, вам спасибо!

Во время тоста раздался звонок во входную дверь. Сергей открыл и впустил в переднюю Альтмана с букетом цветов.

Трофим, опорожнив между двумя тостами ещё пару стопок, продолжал, не поздоровавшись с врачом, и как бы, не замечая его присутствия:

Тебе, Виктор, там обязательно понадобится сродственный человек. Сродственник, он и есть сродственник, а не какой--нибудь там приятель. Ты не пойми меня неправильно, мы здесь живём--дай бог каждому. Знаем, где что лежит, как, что брать и кому сколько давать. Так сказать, опыт, наработки, всё такое, в полном, как говорится, порядке! Здесь нас голыми руками не взять! И если, скажем, тебе что понадобится, то и там наш большой жизненный опыт пригодится! А наш сродственный долг тебе-- всегда приходит на помощь! Усёк?! А бабу мою не слушай. Не в том ли была главная мудрость царя Соломона, что он игнорировал советы всех своих жен.

Кричит в переднюю:

А вы доктор проходите. Здесь все свои. Спасибо, что сродственничка пробудили и во--время на ножки поставили.

--Нет, нет, я только на минуточку, я только поздравить... Так что, не беспокойтесь, Анечка.

--Никуда я вас не отпущу! Сегодня у нас такой праздник, а вы же основной виновник!...

--Извините, Анна Владимировна, но не могу. Передайте мои поздравления Виктору Ивановичу.

--Сейчас я его позову, в кухню выскочил за шарлоткой, и скажете это ему сами. Витя! Иди сюда. Ефим Борисович хочет нас поздравить.

Коршун вышел из кухни и обнял доктора.

Ты представляешь, Витя, доктор только что зашёл и собирается сразу уходить.

--Виктор Иванович, не надо меня уговаривать, поверьте, я не ломаюсь. Просто у меня сейчас не то настроение....Слышал я, скоро уезжаете?

--Велят.

--Ну, что же, прощайте, Виктор Иванович. Берегите себя.

Может так случиться, что больше мы с вами больше не увидимся.

--А что такое?

--Я, видите ли, ...тоже скоро уезжаю.

--Куда?

--Далеко, Виктор Иванович, далеко...

--И больницу бросаете?! У вас что--то случилось?

--Ничего особенного. Просто я устал. Не может жить человек в постоянном унижении.

--Пустое! Настроение! Посидите с нами немного, ничего с вами не случится.

Коршун железной рукой взял Альтмана за руку и ввёл его в комнату с гостями.

--Прошу знакомится--врач, который, как вы уже знаете, вернул меня к нормальной жизни. Борис Ефимович Альтман... А это Аннушкины родственники: дядя с женой и их сынок. Давайте я налью вам рюмку. Скажите, что--нибудь.

--За счастье молодых!

--Вот,я, как , можно сказать, ближний сродственник, скажу вам доктор прамо: некоторые к евреям плохо относятся. А я, лично, с ними не очень согласен. Я, лично, считаю, что другой еврей не хуже даже иного русского...

--Батя!. Ты бы не возникал!

--А ты б помолчал. Что я сказал для человека обидного? Когда я, значит, на кадрах работал, некоторые приходили ко мне и говорили:-- вы, мол, меня на работу не хотите брать, потому, что я еврей. А я ему чисто по—человечески, как партийный работник, и коммунист: вы не правы. Я вас не беру не потому, что вы гражданин еврейской национальности в нашей русской стране, а потому, что у меня весь разрешённый для вас процент, извиняюсь, уже занят такими же евреями, как и вы. То есть, мне же за вас, которые сверх лимиту, могут по шапке дать!

Скажите, мне этого надо? А вот, к сожалению, многие товарищи не той национальности, которая нужна нашей партии и государству-- этой, такой простой вещи-- не понимают. Ну, не понимают себе и всё тут! Хоть кол им на голове ихней лысой чеши! Хоть кол! Я прав, Лариса?!

--А у нас, например, в торге, только евреи что--то и делают. Конечно, как все другие национальности подворовывают, не без этого, естественно, но и дело делают.

--Не очень мне нравится этот разговор, но одно я знаю твёрдо: у меня комиссар был, Левинсон Ефим Леонидович,--огромной души был человек и отчаянной храбрости. Я тебе рассказывал о нём, Анечка.

--Мне, Витя, тоже.... А вы Ефим Борисыч, закусывайте, закусывайте.

--Спасибо, Анечка, не беспокойтесь, я всё ем, все замечательно вкусно. Прикрепили? Ну, и, слава богу.

--Виктор Иванович, а вы Ленина видели? Я имею в виду живого.

--Ха! Все, Серёжа меня об этом спрашивают. Нет, не довелось, хотя хотелось, конечно. Троцкого видел и слышал на митинге, даже руку жал, когда он мне за храбрость маузер именной вручал. Сильно говорил, между прочем, без бумажки, не как наш генералиссимус и все остальные из руководителей партии, которых я видел в ящике.

--Но вы--то, тоже выступаете по написанному?

--Партия велит, нужно подчиняться. Дисциплина, никуда не денешься.

--Про Троцкого, вам, дядя, лучше бы забыть. А вот про Ленина бы вспомнить не мешало.

--Так вспоминать—то, Сергей нечего. Не довелось....

--А кто вас проверить--то может, довелось--не довелось. Правда--хорошо, а блага--лучше, как говорится. Верно, отец?

--А проверять нечего. Не видел я его, значит, не видел. И всё тут.

--Это, дядя, по меньшей мере, смешно, поверьте мне. Вы просто примитивный наивняк. Сейчас несколько другое время. Сейчас в почете не герои, а те кто половчее.

--Серёга прав. Смешного я здесь ничего не вижу, а вот партийной дури навалом. От тебя, Витя, что убудет, если ты его видел. А уважения властей прибавится. Ну, а если большевистская совесть тебя душит как жаба--сходи в мавзолей погляди на заспиртованную мумию и представь себе, что это он и есть--вечно живой, а в гроб просто прилег отдохнуть от этого бардака.... Можешь поддать перед свиданием, помогает. Правда, руку пожать вождю тебе вряд ли удастся. Он в аквариуме из пуленепробиваемого стекла лежит. Серега, плесни мне беленькой, что--то от этих разговоров душа алкоголя просит.

--Прав, Трофим. За то, что ты Ленина видел, и пенсию прибавить могут. Ты Анечка, объясни Виктору, что к чему, а то он ещё в восемнадцатом году живет. Если не мы, ихние жёны, они бы давно уже тью--тью.... Верно? А ты, Витя попробуй--увидишь положительный результат. Это, как говорится в пословице: лучше блин комом, чем земля пухом!

--Странные какие--то у нас разговоры...

--Ничего странного в них Виктор нет. Ты главную жизнь свою проспал. Удачно проспал. Войны не видел. Голодомор тоже. Послевоенное восстановление страны тоже. От Ильича, до Ильича прокемарил, а теперь тебе наши разговоры про будущую твою жизнь, видишь ли, не нравятся! Ты лучше впитывай в голову, что тебе сродственники

говорят и внушают. У нас опыт выживания в этой стране--слава богу! Мы добра тебе хотим, потому и подсказываем, как жить дальше надо. Я тоже, когда молодой был, побился башкой своей ещё глупой об стенки. Показывал, где надо и не надо свою принципиальность, но только шишек на черепе до крови набил, и всё... У нас же кругом обман, снизу доверху. Стою я вчера у пивного ларька, сзади голос на всю очередь: --Ты , сучка , почему кружки не доливаешь? А она: -Граждане, мужики, слышали? Этот засранец хочет, чтобы вам пива нехватило! Как, логика!?

Жисть--она, шалава, диктует свои блядские законы. И не будешь их изучать и по ним жить--скурвишься на раз. Это ты во время проснулся. Проснись ты в тридцать седьмом году, тебя бы дорогой товарищ Сталин, вместе с такими же революционерами лет на десять на Колыму затолкал, а то и к стенке за геройские твои дела поставил. Ты в рубашке родился и эту рубашоночку не снимай и береги до последнего вздоха как зеницу ока!. Сейчас очень хорошее время, Витя--самому ничего думать не надо! За тебя думает партия во главе с доктором исторических наук. Это раньше были, понимаешь, разные колебания, а сейчас у всех нас дорога одна--вперёд за партией! Куда партия--туда и ты! Куда снова партия,--туда снова и ты! Никуда, упаси бог, не сворачивай, только за неё и держись! Партийная линия сейчас самая выгодная! Са-ма-я! Понял?! И ничего, что она движется прямыми зигзагами, это только издали капиталистам проклятым так видится! А для нас, твёрдокаменных партийцев, она и в таком раскладе прямая как струна! Понял! Правильно я говорю, Лариска?

--Правильно! Вот, Витя, взять, к примеру, Серёжу. Образованный инженер, казалось бы, а ходу

никакого. И ведь не еврейской национальности, как этот твой товарищ Левинсон, --чисто русский, наш, советский человек! А всё потому, что не в партии. И ни как ему без этой книжицы красненькой, то есть без партийного билета,-- никуда и не пролезть, в смысле выдвинуться!.... Потому, что он тихий, порядочный, и за горло брать не умеет. Дурачёк, по нашему, по простому, одно слово.

--А в партии что, одни горлохваты? Так выходит, Сергей?

--Ну почему, Витя, одни... Всякие есть. Есть и верящие в идею дебилы. Есть просто прихвостни. Сволочей полным полно.... Интеллигенты, эти как всегда трусами были, такими же и остались. Продадут за рубль, а то и просто от страха, или на всякий случай, кого хочешь. Хоть мать родную. Всякие есть. Но в большинстве своём,--это практичные, нормальные люди, которые ни в какой коммунизм не верят, но, как говорится, раскинув мозгами понимают,-- надо голосовать как все, говорить всегда:-- «да, мы согласны,» никогда не говорить--«нет», и тихо пролезать наверх по карьерной лестнице.

--Виктор, я вам как любящая мать говорю: был бы Сережа партийный, он бы давно лабораторией заведовал. А это, как, ни как, на целую тридцатку больше!

--Да ещё, не забывай, про ежеквартальную премию, мама.

--Понимаете, Виктор Иванович, сейчас работягам дают все преимущества. Только вступай! Поддерживают легенду, что у нас правительство рабочих и крестьян. Эти же лохи, то есть народец наш-- серый, как бетон, недалеко ушли от сохи. Им бы бутылка была после работы, да самогонный аппарат половчее заныкать от ментов. Работяги,-- это в

основном недоучившиеся люди, малодумающие, но многопьющие! Алкаши в массе своей. Я знаю одного стахановца--передовика производства. Он действительно классный токарь и один может сделать столько же, сколько и почти вся его бригада лентяев--выпивох, но он запойный алканафт. Так его перед тем, как надо сделать цеху квартальную премию--к станку цепью приковывают, чтобы он по пьяни не упал. А точить детали он может в состоянии любого опьянения! Одно слово--гений! Как всё одно Пушкин в своём деле.

Кроме того интеллигенция, которая не считается полноценным классом, и просто называется «прослойкой» между рабочим классом и, вообще, забитым и бесправным крестьянством, голос подать боится. Чуть что,-- замордуют так,-- мама не горюй.

--Какие--то вы непонятные разговоры здесь ведёте, мои так называемые, свежеиспечённые родственнички... Вы, что с луны свалились? В чём вы меня пытаетесь убедить? Вы что не знаете, что звание члена партии не даёт человеку никаких преимуществ перед остальными людьми, кроме дополнительных обязанностей?! Партия сплачивает рабочих, интеллигенцию и свободных от эксплуатации помещиками крестьян!

--Не горячись, Витёк! Не горячись. По теории ты всё правильно говоришь. Но с другой стороны кто бы в эту твою партию без своей пользы лез? Кому она на хрен была бы нужна, кроме доктора исторических наук и его дружков--старперов, да мумий из ЦК КПСС?. Дураков на одни обязанности сейчас днем с огнём не сыщешь! Перевелись сразу после революции. Верно, я говорю, Абрам Соломонович?

--Ефим Борисович, с вашего разрешения. А говорите вы всё правильно.

--Ну, вот, слышишь, что тебе твой драгоценный товарищ не нашей с тобой национальности говорит? Извините, пожалуйста, маненько перепутал. Я, вообще, с именами и отчествами вашей нации часто путаюсь. Память дерьмовая стала с возрастом.

--Не с возрастом, а с пьянками..

--А ты Лариса--крыса лучше помолчи, пока я тебе... поняла... Дали бабам свободу и право голоса, теперь их не уймёшь. Так вот я и говорю тебе, Витя, влез на верхотуру и держись там, сколько сможешь, хоть зубами! И тогда у тебя всё будет и отдельные магазины, и пошивочные ателье, и специальные санатории, да поликлиники с больницами, и все остальное, что твоей душеньке будет угодно! Ты спроси Анну, могла она нам сегодня такую поляну накрыть с продуктами обычного магазина? А? Я, лично, против этих лозунгов на заборах:--«Власть--слазь!» Глупые, недальновидные люди их пишут. На какой, извиняюсь, собачий хрен нам внизу эти верховоды сверху нужны?! У каждого слоя, как говорится, своя компания: у них своя, у нас--своя! Мы же в ихнюю шайку--лейку не лезем!

--Что это вы мне мелете? Да всё продукты, что на столе, это бесплатно можно взять в любой бане!

--Постой, постой, в какой это бане! Может, адресок чиркнешь?

--Дядя, Трофим, это он с Платоновым в бане мылся.

--Другое дело!... Так бы и говорил. В этой можно. Партия, Витя, есть честь, совесть и мозг народа! А мозг, Витя, как известно каждому, нужно хорошо, вкусно и полезно кормить! А всех хорошо кормить,-- у нас кишка тонка! Не хватит пирога!

--Надеетесь, значит, как я понимаю, что сыночек как партийным станет к пирогу поближе будет?

--Конечно, Витенька, если бы ты дал сыночку Серёженьке рекомендацию в партию, его бы сразу

приняли! Шутка ли,--сам комэск Коршун рекомендует! Ведь мы его зачали не только для того, чтобы он мусор выносил, но и чтобы родителям помогал на старости лет.

--И ты, Витя, не беспокойся, Серёга тебя не подведёт. Это я тебе, как евоный кровный отец говорю! Он у нас так воспитан, что нигде никогда за зря не высунется! Начальство если и будет ругать, то только про себя. Голосовать будет-- только как все. Поперёк руководству--ни--ни! Уж он--то в партии быстро продвинется. Для этого у него все нужные задатки и качества есть! Он, ни как некоторые, не считает себя умнее других. А надо будет головку склонить--склонит, не сломается! Я его всегда учил: влез в партию,--понимай, что звание коммуниста накладывает на тебя... Сынок , что для тебя с малолетства было главным законом в жизни?

--Твой черный пояс , батя.

--По карате или по самбо?

--По заднице доктор.

Коршун встал, открыл входную дверь на лестницу, и едва сдерживая распирающий его гнев, прорычал:

--Ну, вот что, дорогие родственнички, посидели и будет!

--Витенька, что с тобой?!

В глазах Анны стоял неподдельный ужас.

--Ты меня, Аннушка извини, но с этим болотом не то что за один стол--на одном поле гадить рядом не сяду!

Он вышел в кухню, хлопнув дверью с такой силой, что зазвенели стекла в окнах, упала и разлетелась на осколки ваза стоящая на буфете. Трофим шумно вздохнул, хлопнул стопку водки, и пошел к выходу, бормоча на ходу:

--Та--ак!...Вот, значит, как герои революции благодарят--то за добрые слова... Ну, спасибо...

Лариса и Сергей, вышли из--за стола и, вместе, с причитающей на ходу Анной, пошли одеваться.

--Дорогие мои, он же сам не понимает, что говорит! Ведь столько лет--то прошло, как ему разобраться--то? Вы же не съели ничего, может, с собой возьмете?

--Ну, заверни там что--нибудь....Ох, чувствую, сломает он себе голову, и скоро сломает. На нас бы это не сказалось,.... времена--то какие. А всё же сродственничек....мать его...

--Ох, папа, как всё это..... трогательно. Видишь, оказывается, есть ещё в нашей матушке России неподкупные, честные, преданные идеям революции, души. Но маловато их, маловато!. Может быть, вообще, наш дядя в одном экземпляре остался? Но он, этот экземпляр --есть! И это не может не трогать наши зачерствевшие за столько лет советской власти сердца. Двинулись до дома, до хаты. Не усните ещё разок, дядюшка, в следующий раз может под рукой не оказаться Ефима Борисовича!

Анна сунула в руки Ларисы пакет и поцеловала её в щеку.

--Прости меня сестричка... так уж вышло.

--Ты, когда твой угомонится--то, поговори с ним насчёт рекомендации, ладно? Уж больно нужно. Ему же тридцатку прибавят, и премии ещё ежеквартальные.....Парень--то мучается....

--Поговорю, Ларочка. Обязательно поговорю. В крайнем случае, Платонову в ножки поклонюсь. Он, когда под этим делом, добрый.

Анна закрыла за роднёй дверь, вытерла салфеткой слёзы и вернулась в столовую к одиноко сидящему Альтману.

Вот как неудобно получилось--то, Ефим Борисыч, некрасиво...

Вы уж извините....

--Бросьте, Анна Владимировна, не берите в голову, что я не понимаю. Не первый год в этой стране живу, всякого наслушался и нагляделся. Да--а....Нелегко вам с его характером будет. Ох, как трудно...

Да уж видно, что так. А ведь человек--то он хороший, Ефим Борисыч? Ведь, правда же, хороший?

Именно поэтому и трудно будет.

Виктор Иванович, выходи из убежища, твои оппоненты ушли.

--Ушли?! Ну и, слава богу. Аня, проветри помещение от смрада. А завтра сделаем генеральную уборку с дезинфекцией, чтобы и микробов ихних в доме не осталось! Это же надо, какая мразь до сих пор в стране сохранилась!... Весь трудовой народ, как говорится, в едином порыве самоотверженно, понимаешь ли, коммунизм строит! Семимильными, как говорится, шагами двигается на встречу с светлomu будущему! А такие вот вонючие клопы!.... Да мы в своё время таких субчиков к стенке ставили! И много ещё у вас таких субчиков в стране осталось, доктор?

--Достаточно, Виктор Иванович, более чем достаточно.

--Так чем же тогда партия и правительство занималось и занимается? Куда же тогда смотрит Председатель Совета Министров, Генеральный Секретарь, генералиссимус и всякое такое? Это же надо в барабаны бить, поднимать ЧК, ставить к стенке...

--Виктор Иванович, успокойтесь. Наша замечательная Чрезвычайная Комиссия, которая сейчас носит название КГБ, более чем достаточно народа к стенкам поставила, хорошо, хоть кто--то ещё в живых остался... Вам сейчас успокоиться надо. Почаще успокоительное принимать и очень, очень неторопливо входить в эту новую, вами ещё неизведанную жизнь. Всё когда--нибудь

утрясётся..... Обязательно утрясётся Хотя, когда это случится, и каким образом,--не подскажу, ибо и сам не ведаю....Но мой вам совет: не надо в Москву ехать, нечего вам там делать. Любите вашу чудесную жену. Наслаждайтесь пенсионным покоем. Чаще посещайте природу, радуйтесь каждому солнечному дню и будьте счастливы. Если честно, я вам завидую, Виктор Иванович.

--Я и сам так, Ефим Борисыч, подумываю. Что мне там снова митинговать? Я ведь не партийный работник, как Иванов, я слесарь.

--Ну и молодец. Прощайте! Дайте, я вас обниму на прощанье. Ох!...Ребята...Храни вас разум и бог,.... если он есть?...Закройте за мной дверь, Виктор.

Кошун подошёл к окну и махнул рукой, вслед уходящему доктору.

--Хороший он мужик, Анна--, а? Очень надежный какой--то! Как мой Левинсон!

--Хороший, хороший! Да ты дурачёк. Что навоевался сегодня, рубака?!

--Но ты, же сама слышала, что они тут несли!

--Да что они, собственно, и несли--то? Говорили то, что есть! И не они виноваты, что отличаются от твоих киношных идеалов! Ты знаешь, что мой дядька Трофим, всю прошлую ужасную войну на передовой был. Ранен был дважды, вся грудь в орденах. Лариса всю войну санитаркой!

--Среди белогвардейцев тоже было много храбрых людей, так что из этого?

--Да что ты, вообще, о нашей жизни знаешь? А лезешь и хватаешь за живое прямо голыми руками! Небось, вы так и революцию свою делали! Пьяные ходили по богатым квартирам с лозунгами грабь награбленное, и стреляли из своих маузеров, почём зря! Хороших, интеллигентных людей стреляли. На

улицах бог знает что творили. В правительстве, сколько жулья и бандитов было!

--Революцию не трожь!

--А почему мне её нельзя трогать? Она, что, стерильная. Любого микроба и прикосновения боится!? Так кому она такая к черту нужна?! Мы уже шестьдесят лет её расхлёбываем, и всё расхлебать не можем, а нам, оказывается её, и трогать, видите ли нельзя.

Звонок в дверь прервал перепалку и в комнату Коршун вошёл с Ивановым.

--Здравствуйте, здравствуйте, Анечка, рад опять видеть вас, красавица наша. Как здоровечко нашего боевого командира? Бережёте его?

--Стараюсь.

--Вот и хорошо. Старайтесь, старайтесь, сейчас оно ему особенно необходимо. А я ему и вам билетки в столицу нашей Родины Москву принес в клювике. Билетки дорогие в мягком вагончике, так что не растрясёт. Номера в гостинице Москва уже забронированы, а в четверг нас с вами, любезный Виктор Иванович ждут в Центральном Комитете нашей родной коммунистической Партии.

--Кто ждёт--то? Сам Генеральный Генералиссимус?

--Пока ещё товарищ чином пониже,--Кухаренко Степан Ильич!

Но это, поверьте мне, очень, очень, крупная фигура! Очень! И быть принятым им,--большая, очень большая честь! А до Генерального Секретаря КПСС, Председателя Верховного Совета, доктора исторических наук, генералиссимуса, товарища Лаврентия Ильича Романова--Суслова, предполагаю, мы с вами также обязательно дойдём! Обязательно!

--Не еду я.

--Не понял?

--А, что тут понимать, не еду и всё тут!.

--Позвольте полюбопытствовать, почему--с?

--Да не хочу и всё.

--Причина веская, что ни говори. Очень даже веская. Страна, значит, жаждет видеть своих героев, а её героини, значит, на свою любимую Родину плюют с третьего этажа!

--Ошиблись, я живу на четвёртом....

--Значит, ещё повыше, с четвёртого! Красиво!.. Анна Владимировна, в чем дело?

--А я откуда знаю?

--Поссорились. Ну, это со всеми бывает, со всеми. Но утро--то вечера мудренее, а? Мудренее утро вечера --то?

--Не в утре дело и не в вечере. А в том дело, что говорить мне людям всей страны,--ничего! Ничего людям--то говорить! Не разобрался я ещё в ихней нынешней жизни. Не ра--зо--брал--ся! Вам это понятно? Проснулся через сто лет, глаза едва, едва протер и сразу же вещать начал, а у самого с глаз--то ещё и пелена не сошла, как у цыплёнка! Стыдуха, если подумать! Одно слово, стыдуха!

--Согласен. Это слова очень разумные. И именно поэтому, мы, люди, прожившие вашу спячку, люди, прекрасно знающие нужды, чаяния и потребности своего героического народа--освободителя Европы от фашизма! Люди, десятки лет, ведущие страну от великой победы к великой победе, и даём вам в руки те слова, которые жаждет услышать наш народ! И тем более жаждет услышать он их из уст героя революции, которая раскрепостила этих людей от оков проклятого царизма! Которая, вдохнула в них новые, невиданные до ныне силы! Которая, сделала их сильными, честными, бескорыстными, и беззаветно преданными своей родной коммунистической партии и её гениальному вождю, учителю, вдохновителю наших побед, нашему

дорогому Генеральному Секретарю КПСС,
Генералиссимусу.....

--Да хватит вам перечислять его титулы, да ордена. Все их знают наизусть! Ночью любого разбуди, даже алкаша под забором в луже, и он без единой ошибочки все их перечислит.

--И именно это--то и прекрасно! Значит, весь народ знает и любит своего вождя! Да, мы знаем, что сказать нашему народу!...Мы знаем!

--Вы знаете, вы и голосите, а причем тут я--то?....Я с чужого голоса петь не приучен. Вот, скажем, тому же Троцкому было, что красноармейцам сказать, так он и говорил, без написанной ему кем--то бумажки! Да и Левинсон так же! А Ленин? Да что там...

--Это, с какого же чужого голоса!? Это у нашей--то партии чужой голос выходит?!....То--то я на входе этого Абрамовича встретил!...Это он вас своими собратями по пятому параграфу спонтальги сбивает?! Троцкий, Левинсон....Хорошо ещё Владимира Ильича вспомнили! Хоть одного русского человека.

Ну--ну, гражданин сионист, пришло время с вами серьёзно поговоритьпо душам...Часто думаю, рано, рано умер Иосиф Виссарионович, рано. Пару годков не дожил до депортации ваших собратьев в 52 году.... Берия помешал... Не терпелось ему, подлецу, власть в руки забрать... Вот он и поспешил...гражданин доктор... Вас бы ко мне на лесоповал....Я бы вас до кровавых мозолей

--Да Альтман здесь не причём.

--Он, Иван Иванович, вообще, здесь ни одного слова не сказал, поздравил и ушёл сразу же.

--Не защищай его, Анна, думаешь, он не знает, что доктор тут не причём. Ему себя перед Платоновым выгородить надо. Шел бы ты отсюда, Иван Иванович, по добру, по --здорову..... А то,.... не

ровён час... Тебя жена, поди, дома ждёт не дождётся. Да меня, сам Михаил Васильевич Фрунзе пугать остерегался, а тут какая--то вошь!....

--Виктор Иванович, прости! Виноват, погорячился. Устаю, и нервишки сдают иногда.... Я только взываю к твоему трезвому рассудку. Ты же честный и порядочный коммунист и понимать должен, что хотим мы или не хотим, но существует строгая партийная дисциплина, которая для нас коммунистов,-- закон. А партия считает, что ты народу нужен именно сейчас...

--Это не партия так считает, а Платонов твой хочет блеснуть моим ржавым боком перед царём--доктором исторических наук.... А у меня собственные глаза есть. На этих своих митингах насмотрелся, как я народу нужен. Как выйду на трибуну--народу интересно. Эдакий ряженный в конармейца орангутанг в будёновке с шашкой и маузером. Первые десять слов ещё слушают,--смотри как интересно--эта обезьяна, оказывается, ещё и говорить умеет! А как начинаю долбить по мятой бумажке, что сказал на историческом мартовском пленуме любимый генералиссимус, так сразу все засыпают. Как будто какую--то повинность отбывают.

--Естественно, народ во время трудового дня отдаёт все силы на строительство развитого социализма, и на митинг трудящиеся приходят без сил. А сон, навеянный вашими словами, восстанавливает эти силы, даёт нашим людям новый импульс, нацеливает их на новые победы, на пути к вершинам!

--В восемнадцатом году люди тоже были усталыми, но ты бы их на митингах посмотрел. Нет, Иванов, не те слова ты мне пишешь, которые народу нужны, не те!

- Те, те. К сожалению не все ещё пока это понимают. Партия--она всегда немного впереди идёт и народ за собой подтягивает.... Так что же, Виктор Иванович, категорически?
- Категорически!
- А что делать--то будешь? Ведь при таком обороте дел и пенсию отобрать могут. А? Чем красавицу жену кормить будешь. Или у неё на красивой шейке повиснешь? Да и в биографии твоей покопаться могут наши доблестные органы. Ох, да, вдруг, отыщут они там что--нибудь такое.... Они же ищайки будь здоров,--архи профессионалы! У них десятки лет практики за спиной! Что там мои лагерные овчарки!...
- Я знаю такие случаи, Витенька....такие... Таких людей разоблачали!....Не тебе чета. Вспомни своих командармов, Тухачевского, Якира, Дыбенко,--уж казалось, какие великие командиры были, а люди какие! Так что чисто по дружески советую тебе,--крепко подумай, комэск. Жалко мне тебя.....
- Ты смотри, чтобы тебя самого не забрили за меня.
- За меня не бойся, ты же сам сказал, что я просто вошь подзаборная. А вошь кому нужна, уж больно она мала и неприятна в общении. Да и прыгучая она больно, её и изловить не просто. Так что о себе подумай. О себе, да об Анне. Запьёшь с горя и нищеты, и бросит она тебя. Как пить дать бросит! И не таких бросают. Анна Владимировна, вы хоть объясните этому ребёнку, что к чему. А ведь могли бы очень хорошо жить, очень. И тебе магазины и поликлиника правительственная, и дача и санатории. Ведь партии ничего особенного и не нужно, будь дисциплинированным, а уж она--то тебя за это по царски отблагодарит. Но тех, кто становится ей поперёк дороги, она не прощает. В

лучшем случае, может быть, позволит жить как все. Это максимум! Запомни! Мак--си--мум!

--Утомил ты меня своим нытьём и угрозами Иванов. На черта мне твоя пенсия. У меня, слава богу, руки не из копчика растут. Я слесарем неплохим до армии был. Может сноровка в руках ещё осталось. А когда собственные мысли появятся, тогда можно будет и помитинговать. Как ты считаешь, Анюта?

--Не знаю я, Витя, сам думай....

--Слушай, Иванов, ты вообще-то газеты читаешь?! Радио слушаешь!? Аня, включи приёмник.

Анна повернула тумблер, и в комнате громко зазвучал голос бесстрастный диктора:

--Говоря о неуклонном росте благосостояния советского народа, в своём историческом докладе на майском пленуме, Генеральный Секретарь КПСС, Председатель президиума...

Коршун выключил приёмник и включил телевизор:

....--источник успеха социалистического строительства состоит в том, что наша партия поставила перед трудовым народом научно обоснованную программу, которую он принял как свою собственную и активно приступил к её выполнению. Как сказал в своей исторической речи на июньском пленуме, Генеральный Секретарь КПСС, Председа.....

Коршун выключил телевизор.

Ты уж прости меня инструктор, что я не дал тебе в сотый раз до конца прослушать историческую речь нашего дорогого доктора исторических наук, но на зубах навязло..... Так чем же, ты меня пугаешь? Тем, что я хочу вместе с этим народом, который и тебя бездельника, кстати, кормит, честно трудиться? Странное что-то тут у вас происходит...Странное...

Голос плачущей Анны перебил его:

--Витенька! Миленький! Не спорь ты с ним? Делай, как велят. Поезжай в эту проклятую Москву! Всё равно ж не дадут жить спокойно!...Ох, не будет мне счастья на этом свете, не будет! Пять лет с алкоголиком мучилась, а теперь, нате вам, революционер!...

--Я вижу, вы тут без меня разбёрётесь. Но, имей в виду, Коршун, Платонов на тебе большие планы строил, а с ним шутки, куда как плохи... Жду завтра вечером на вокзале. Билеты на столе.

Дверь входная хлопнула и супруги остались одни.

Коршун обнял жену и попытался её утешить:

-- Ну что ты, честное слово. Ну, не плачь...

--Не будет у нас с тобой счастья, Витя, нет...

--Будет, будет! Обязательно будет! Ну, подзапутался я, немножко в этой хрене...

Сама видишь, как оно всё обернулось. Ну, так разберёмся со временем. Не глупее же других. Не в таких переделках разбирались. Поверь мне, те времена похуже этих были. Много хуже. Сейчас ведь на улицах спокойно и голода нет. Правда тогда вера в лучшую жизнь была у людей покрепче. И не тыкали изо всех мест, где звук есть, этого доктора исторических наук, с утра до утра... Чёрт его разберёт, может быть, он и человек--то нормальный? Может и вправду его любить надо за гениальность?

Но нормальный человек, если он не слепой и не глухой от рождения, разве может позволить своим холуям так тыкать его, куда не попади? Это же вызывает ответную неприязнь к нему?.

--А они все, Витя, такими были. И даже Ленин и тот тоже славу любил....

--А уж про вашего Сталина и говорить не приходится.

Читал я доклад этого, ну, который после него был, пузатый такой, кукурузником его почему--то

называли. Любил он её видать очень. Так послушать этого кукурузника--ваш Сталин, вообще, каким--то зверем в человеческом облики страшным был!..... Сколько людей загубил и каких людей! Жаль я проспал это времяМы с Мишкой Батениным, Левинсоном да Семёном Михалычем эту свору звериную шашками бы порубали, пока они власть ещё в свои руки не захватили!.. А Будённый--то жив?

--Жив ещё, но про него ничего в газетах не пишут и по радио не говорят. Рассказывали, что когда всех этих знаменитых маршалов до войны Сталин заарестовал, к Будённому на дачу тоже товарищи из КГБ приехали. А Семён Михайлович на чердаке пулемет «Максим» поставил и сказал, что всех к чертям собачим перестреляет и гранатами забросает. Ну, те Сталину позвонили что мол делать?! А Сталин велел им старика не трогать и сделал его маршалом по лошадям.

--Да--а! Рановато меня контузило....Рановато....И как вы это время прожили? Надо было новую революцию делать и всю эту сволочь свергать.

--Одними революциями, Витя, сыт не будешь. А кто хлеб будет сажать, да детей рожать? Вспомни войну гражданскую. Народ у нас в стране уж больно смурной и странный. Терпят, терпят, сотни лет, а потом, когда уже совсем невтерпёж, вдруг встрепенуться, власть и друг дружку постреляют, новых чудил на трон посадят и мучатся опять сотню лет, пока терпение не лопнет! И всё начинается сначала.

--Ну, хочешь, чтобы я поехал в Москву--давай поеду...

--Как знаешь, Витя. Ты мужик, ты и решай. Об одном только прошу тебя: будь осторожней. У них же вся власть. Перемелют они тебя своими шестерёнками, и выплюнут на помойку. Не ты у них первый, не ты

и последний. Ты же видишь, какая рожа у этого партийца экскурсовода. Меня от его зализанной прядки через лысину--тошнит.

--Про шестерёнки--это ты точно, так мне матушка говорила в семнадцатом! Однако, в заднице--то оказался я! Не бойсь, Анюта, будет правда тут!

--Поэт, чёртов. Я же не за себя. Ребеночек будет....

--Так радоваться надо, а не бояться. Наш человечек будет жить при коммунизме! А, может, и мы с тобой доживем!

--Витя, душа моя, ты хоть сам--то знаешь, что он такое есть этот коммунизм твой?

-- А как же. Коммунизм--это....Коммунизм--это...Не смейся, Анна. Коммунизм--это почти как сейчас, но только без Ивановых, без Трофима, без Юры--комсомольца, без Пал Палыча,...без....

--Так, Витя, глядишь, никого из коммунистов нынешних и не останется!

--Как это? Я, ты, Альтман, ну и многие из тех, которых в ящике показывают. Представляешь, все люди друг друга уважают, на улицах друг другу улыбаются, не заискивают, а просто так , чтобы настроение у каждого было получше....Очередей нет, все магазины, как специальные....

.....X.....

Две недели Коршун работал на автобазе слесарем. Работа ему нравилась, технику он с малолетства любил, почти так же как лошадей. К грязной раздевалке с потускневшим лозунгом «X1-ой пятилетке ударный труд» и, к засиженной мухами, в трех местах порванной бумажке с социалистическими обязательствами, привык. С работой справлялся хорошо и уверенно шёл в ударники. В обед коллеги слесаря стучали в козла, и поднимали истраченные на ремонт силы жигулёвским пивом, сдобренным дрянной водкой

для крепости. Коршун этого застолья не уважал и выпивал в обед бутылку кефира с бутербродом, заботливо приготовленного Анной. Коллеги по бригаде: пожилой слесарь Матвеич, он же и бригадир, молодой, но уже законченный алкаш электрик Лёха, и кузовщик Женька, комэска уважали, хотя плохо понимали, и часто вступали с ним в политические дебаты.

Леха страдал. Налить из бутылки первый стакан, не расплескав его содержимое, являлось для него труднейшей задачей. Потом, после первого налива дриблинг в руках проходил, и наступал счастливый момент, когда он мог наливать в стакан спокойно, как все а, соответственно, так же, как и остальные подносить стакан ко рту так, чтобы он громко не отбивал чечётку о зубы. Коллеги по распитию «на троих», каждый раз делали вид, что не замечают его мучений «первого стакана», и с садистским наслаждением, разыгрывали этот ежедневный спектакль.

--Ну, Матвеич, ну давай же, разливай, что ты тянешь!?

--Спокойно, Лёха, не гони лошадей, поспешность хороша только при раздевании бабы, пока у тебя железо горячо. А ты не стой над душой, возьми сам бутылёк и распределяй. Ты же у нас математик, четыре—то класса, поди закончил с отличием. А?

--Не четыре, а семь.

--Ух, ты, всё время забываю. Так ты же у нас просто настоящий учёный! Арифметику сколько лет учил?

--Не помню уже.... Года, наверное, четыре...А может и все пять.

--Все пять! Академик! Точно Академик, верно же Женька?

--Без вопросов, Матвеич. Чистый академик, и профессор ещё! Профессор кислых щей, скорей в стакан налей.

- Вот тарелочку кислых щец, я бы сейчас с большим моим удовольствием приговорил... Да ещё бы с мяском на рёбрышках, да поперчить погуще.
- Да ещё бы и укропчика с чесночком туда покрошить для скуса. А? Матвеич?
- Мужики, ну чего тяните--то? Душа горит, извелася вся насквозь!
- Так я же тебе и говорю, Лёха, разливай!
- Так расплещу же!
- Нет, вот этого не надо! Это ни в коем случае не--до--пу--сти--мо! Верно, Женька?
- А то! Лёха, а как же ты дома--то её потребляешь?
- А жена на что?
- А если её нет дома?
- Сестрёнка подмогает.
- А если, вообще, никого?
- Ну, я...по-- первости из горла пригубливаю, прямо на столе, а потом дрожание поменьше становится и, я уже ...как это...как все, сама, как говорится, ручейком идёт.
- Ручейком, говоришь, да ты у нас просто поэт.
- Да не поэт он, Матвеич, он романтик!
- Кончай, обзыватья --то? Романтик, романтик! Сам ты говно, понял?
- Евгений, не надо отмечать человеческие недостатки. У него организм такой, Нетерпеливый. Перед употреблением--весь дрожит!
- А чо, дрожит--то, от страсти, что ли?
- Не болтай глупости, у Лехи одна страсть, но необыкновенная--к работе! Верно же, Лёха? Коршун, может, сподобишься с коллективом--то? Отрываться от масс, это не по вашему, не по коммунистически.
- Спасибо, Матвеич. Я на работе не пью.

--Иж ты, принципиальный какой у нас объявился. Знал бы наперед, в бригаду бы не взял. Значит, твёрдо решил?

--Твёрдо.

--Завязал, или больной?

--Больной.

Матвеич разлил водку по стаканам и, не чокаясь, выпил его разом до дна.

--Хорошее дело. А Лёхе нашему хоть бы что... Давай боец алкогольного фронта, догоняй товарищей по борьбе с трезвостью.

Леха со страшными усилиями пытался поднести дрожащий стакан ко рту, стараясь не расплескать, но у него это плохо получалось.

Женька, чо смотришь--то, подмоги товарищу. Как в коммунистической песне поётся: «в труде и в бою», ... давай, давай! По--маленичку, но смелее! Ох, не жалеешь ты себя, друг мой Леха! Не жалеешь...

--Так у меня, Матвеич, только по--первости руки трясутся, а потом же всё нормально...

--Да уж вижу, вижу. А у тебя только правая трясун дает, или левая тоже? Ты с левой--то пробовал?

--Пробовал и с левой,-- еще и хуже получается, она дрыгается, вообще, как сука под кобелём, зараза...

--Хорошо, что у нашего рубаки комэска такого сиптона нет, а то понимаешь, летит он на пятой скорости, на кобыле своей боевой, шашкой на врага замахнулся, а она у него вдруг дрыг, дрыг, как у тебя со стаканом,--нонсенс произойдёт, как говориться. Верно, Леха?

--Прав...

--Инженер заходил, говорит : пора, мол, вам и социалистические обязательства подновить. Что же напишем? Твоё предложение, Жень?

--Не пить много на работе.

--Ты как, Леха?

--Не прав!...

--Не больше стакана.... за раз. Ферштейн?

--Ну...прав.

--Молодец, Леха, так и запишем

--А чему нас учит партия и лично наш дорогой Председатель Ревизионной Комиссии и Генералиссимус! А они нас учат, что к социалистическим обязательствам надо подходить со всей серьёзностью... Женьк, ну ка дай мне старые. Та--ак.... Значит, этот пункт перепиши... этот тоже перепиши...хороший пункт ...хороший.... В прошлом годе у нас было пять бесед о международном положении, а на этот год надо будет наметить все шесть. Сегодня можем провести первую.... План в прошлом годе выполнили на два дня раньше срока, в этом можно поставить на целых три.

Коршун, серьезно слушая треп Матвеича и Женьки, глотнув кефира, с легким сомнением в голосе спросил:

--А думаете выполним?

Матвеич хмыкнул, стараясь сдержать смех и с напускной серьёзностью обратился к уже впавшему в пьяную прострацию Лехе.

--Лёха, ты как считаешь, выполним?

--Прав...

--Видишь, Виктор Иванович, наш лучший электрик, Лёха, считает, что обязательно выполним и перевыполним даже.

Женька, запиши, понял? Та--ак, значит, на очереди международное положение...Что, товарищи у нас сейчас происходит в Израиле? Отвечай Лёха:

--Ты не прав....

--Думаешь?

--Прав.

--Так, убедил. У вас, товарищ электрик, просто дар убеждать! Коротко, но до предела ясно и понятно коллективу. Значит, одну беседу мы провели. Осталось пять. Женька запиши.

--Вить, а ты на тачанках ездил?

--Приходилось.

--А батьку Махно видел?

--Я не у него служил.

--Ну--у! А кого ты хоть видел из таких--то?

--Троцкого, лично. Даже руку жал.

--А кто это?

--Да был такой деятель революции. Он Красную Армию сделал. С Лениным почти на равных был.

--А--а! Что-то припоминаю. Училка нам про него что--то такое вякала....

--Поди, что он стекло в муке питерским рабочим подмешивал?

--Что--то вроде этого...Вроде бы и вправду, что-то там подмешивал куда--то....

--Да врала она вам всё, сучка... Не было этого.

--Женька, запиши: сегодня состоялась одна беседа о международном положении и одна политинформация.

--Матвеич, а что ты надо всем издеваешься?

--Это я--то? Над чем, конкретно?

--Ну, хотя бы, над социалистическими обязательствами. Это же главный двигатель общества на пути к коммунизму. Ты что этого не понимаешь, что ли?

--Витя, ты меня уже достал своим коммунизмом. И не только одного меня. Согласен, Леха?

--Прав...

--Видишь ли, комэск, сегодня во всей стране только один ты не догадываешься, что все эти соцобязательства--сплошная навязшая на зубах развесистая липа! И ты единственный недоумок в СССР, который ещё верит в светлые зори

коммунизма! Тебя, Витя, надо беречь как национальное достояние и хранить в холодильнике! Чтобы ты не дай бог не загнил, как весь остальной советский народ, под гениальным руководством партии, её мудрого Центрального Комитета и, конечно, Генерального Доктора Исторических наук, товарища Сусликова--Ромашкина, да будет земля ему пухом! Леха, согласен?

--Прав...

--Не кривляйся, Матвеич, не строй из себя смелого разоблачителя режима. Рано или поздно, но доболтаешься ты до тюрьмы, благодаря твоему длинному и грязному языку. Но, в конце, концов, это не моё дело. И к Иванову я закладывать тебя не пойду. Но ты мне вот что скажи: если соцобязательства действительно липа,--зачем же, их тогда принимать?

Леха, громко икнул, сменил положение рук под головой и оглядев осоловевшими глазами курилку, изрёк:

--Прав..

--Это, Витя, что--то вроде детской игры такие во всесоюзном масштабе. Помнишь такую игру: веришь--не веришь? Мы, вроде бы, всё лучше и лучше работаем, а государство нам, вроде бы, всё прибавляет зарплату и прибавляет. То есть, все ---«вроде бы», усек? То--есть, мы вам, как бы вроде, доверяем, а вы нас, как бы вроде, сильно любите. Мы вам, как бы вроде, даем свободные выборы, а вы нас, как бы вроде, свободно выбираете. И за такие игры нам ещё, иной раз, и премию дают. Кстати, чуть не забыл, нашу--то премию разделить надо....Верно, Леха?

--Прав.

--Вот и Леха согласен. Та-ак...Значит всего у нас пятьдесят два рубля. Поделим таким коленкором:

мне двадцать пять, как бригадиру и отцу наставнику. Лехе--двенадцать.

--Прав....

--С твоими руками, Лёха, можно не двенадцать, а все сто двадцать иметь в неделю. Ну, да чего уж там... Тебе, Женька, десятка, хотя и той многовато... Гляди в портрет вечно живого вождя мирового пролетариата и ума набирайся. Лысый был вождь, а ума палата. Вон сколько скукотищи написал. Томов сто, без малого. За всю жизнь не прочитаешь! Остаётся пятнадцать,--это твоя пайка, Коршун.

Женька допил свой стакан и заканючил:

--Матвеич! Не честно, Коршун у нас без года неделю работает, а ты ему замастрячил даже больше, чем Лехе?

--Не во времени дело, Женёк. Тут пролетарская справедливость важна. Революционер поболее вас с Лёхой вместе взятых ломит.

--Матвеич, а почему ты деньги пайкой называешь? Сидел, что ли?

--А как же, эти обязательные курсы проходить пришлось. Система такая...Десятка, без права переписки. Никому не нужный Беломорский канал лопатой и киркой рыл, до сто двадцать седьмого пота в задниц. Пять лет с тачкой корячился. Это ещё чудо, что вернулся к свободному труду, не понимаю, как ещё не сдох бедолага...

--А за что, если не секрет?

--Да какой уж тут секрет.... Кот подвел, сучара!

--Не понял? Да я и сам—то, когда брали, не понял? Кот у меня был, Мародёром звали. Он прозвище своё в полной мере оправдывал. Не кот, а вор в законе. Всеми котами в округе управлял. Всех кошек в квартале окотил. Красавец,--глаз не оторвать от негодяя.

Но интеллигент крутой был! . Чтобы на дворе нужду справить--не могли и думать. Что малую, что большую,-- только в тазу на кухне и в свежие газетные обрывки...Вчерашнюю газету ни могли! Обязательно должна была пахнуть типографской краской. Но, что интересно,--газета тоже не всякая ему была по душе.... Только чтобы сегодняшняя «Правда» или журнал «Коммунист»! Вот такой политически подкованный был подлец! А тут у нас в коммуналке сосед под трамвай попал, царство ему небесное, и комнатёнка евонная, целых шесть с половиной квадратов с шифоньером и облёванной тахтой осталась бесхозной. А коммуналка--то у нас небольшая была--семь семей всего-то. Ну, конечно стали делить, кому достанутся квадраты и бесценное добро трамваем зарезанного. Стали друг на дружку подмётные письма писать в НКВД, ну, как положено. А тут у меня, нате вам, Мародер с газетой «Правда» под жопой!. Куда уж найти улику сильнее... Так вместе с котом и повязали, суки!

--А кота--то зачем?

--Как это, зачем? Вещественное доказательство. Экскримент провели.

--Эксперимент, наверное.

--Может и эксперимент, я грамоте--то не шибко образован. Ну, значит, привезли котовский таз, настругали туда обрывков из разных газет,-- Мародер на них без внимания, хотя три дня с полным брюхом в камере сидел, специально подкармливали отходами из НКВДешной столовки! Аж выл, так срать хотел! А как свежую «Правду»в тазик подсыпали, да ещё с речью вождя, всё,--в раз пол таза нафурил, гад безыдейный.

--И что с котом дальше--то сделали?

--Его замначальника НКВД к себе на дачу взял, на политическую перековку. Уж больно породистый кот был, красавец. Мне потом, когда уже вышел, его домработница рассказала, что, в конце концов, он стал срать на все советские газеты и даже на журнал «Крокодил», правда, если в нём были карикатуры на американский образ жизни.. А вот американский «Уоркер» подкладывали,--ни хрена! Хоть отрежь ему яйца, паразиту антисоветскому. Значит перевоспитал его всё же этот замначальника.

--Его, наверное, за это повысили, а, Матвеич? Звездочку в погон новенькую вставили.

--Чего не знаю, Женька, того не знаю....Кот, по возвращению из лагерей, ко мне не вернулся. То ли с врагом народа знаться не захотел, то ли сдох по старости, а скорее всего, от полового истощения... .А ты Коршун, откуда Иванова--то знаешь? Партийные дела с ним, что ли крутил?. Слышал я, как он с нашим завбазой об тебе что--то базарил. Что, толком не усёк, но фамилию твою ухватил. Ты бы от него подальше держался. Тварь он редкая. Я пару лет в лагере, где он старшим вертухаем был, срок тянул. Он до нашего мужского лагеря в женском служил. Так рассказывали, что его любимым занятием было--баб плеткой пороть по голой заднице за всякие мелкие провинности. Иной раз, до полусмерти забивал. А потом хвалился: я, говорил, как Петр Первый! Это у царя любимое занятие было! Задавил бы его, суку...Детей своих жалко, итак десять лет отца не знали.

--Матвеич, а за что премия?

--За отличное качество работы. Верно, Лёха?

--Прав...

--Да мы же за эту неделю ничего такого и не сделали?

--Не прав....

--Как это не сделали? Слышишь, что Лёха--то глаголет. Ты революционер, вообще, крепче за нашу передовую бригаду держись, всегда при деньгах будешь. И выпить будет, на что и закусить! Ещё и на доску кнопками приколют, как передовика. Но, что тут главное,--не перегружайся! Не скачи быстрее батьки. Это опасно. Норматив могут прибавить! Понял?

--Прав.

--Слушай почаще Лёху.

--Да, Матвеич, смотрю я, сильно жизнь при социализме полегчала. Курим-- курим, курим-курим, а ещё и премии дают...

--Так коммунизм же скоро. Тренируемся потихоньку. При коммунизме, вообще, будут одни сплошные перекуры.

Вошедший в раздевалку водитель прервал этот политико--экономический разговор:

--Ну, Матвеич! Ну, мать твою! Ты за ЗИЛ то мой, наконец, возьмёшься когда--нибудь или нет?! Мне же завтра в рейс уходить.... твою налево!....

--А ты чего это на меня собак с цепи спускаешь? Ты к мастеру иди.

--Так мастер же вчера при мне дал тебе команду!

--Постой, постой, у тебя какой ЗИЛ то?

--Да, четырнадцать ноль шесть, твою маманю!

--Слушай, не трогай мою маманю, прошу тебя по хорошему, а то ненароком Леху разбудишь, он тебе глотку порвёт, понял!? Он у нас такой! За свою мать запросто кувалдой по башке засадить может! Особливо если перед этим стакан засадил. Ты лучше про отца. Он у него за разбойное нападение в тюрьге гниёт.

Лёха услышав своё имя, поднял на Матвеича осоловелые глаза и гаркнул:

--Прав!

Водитель сбавил натиск, и просительно поглядел на Матвеича.

--Он там, в цеху,.... в правом углу стоит.

--Это что, говносос, что ли?

--Какой ещё говносос, --рефрижератор.

--Рефрижератор?....Ну милый, ты и не думай! Попал ты крепко. У него же задний мост трещит! Это, как минимум, неделя, а то и все полторы... Мост--это дело, ох какое тяжёлое...Это же, наверняка, сателлиты. Наверняка!

--Мост трещит?!

--Не просто трещит, а сильно трещит! Леха, вон слушал.

--Леха! Что у рефрижератора с задним мостом? Трещит?

--Прав!

--Ну, я же тебе врать не буду. Леха же у нас спец, каких нет уже. Ещё утром, по трезвому, сказал мне, что сателлиты менять надо. И причём все до одного.

--А что их там много?

--До чёртовой бабушки. С ними задолбаешься! Верно же Лёха?

--Прав!

--Слушай, Матвеич, мне же через недельку в отпуск идти.

--Хорошее дело. Иди себе и спокойно отдыхай, как положено по сталинской конституции—самой лучшей конституции в мире! Отдых--это святое. Придёшь из отпуска, а тебя уже новые сателлиты ждут, не дождутся. Садись себе только и рули, деньгу заколачивай. Я что--то твой портрет не помню. На рефрижераторе работаешь. Опять же, дело хлебное, а подкинуть какой дефицитик кормильцам слесарям, на это у тебя ума—то, видать, не хватает.... Не хорошо это, не по--

братски, как--то... Шоферу кто первый друг и помощник, а? Слесарь!.... Леха,-- твое слово:

--Прав.

--Вот и Леха, тебе то-- же самое говорит. А кто, кто, но уж Лёха никогда зря не скажет! Лёха, как?

--Прав.

--Но надо, же мне перед отпуском--то хоть парочку ездов сделать?

Баланс подвести..... Дебет с кредитом, как говорится....

--Ну, а что я могу тебе сделать? В ночную прикажешь оставаться? Я уж и так бригаду до полусмерти загнал,--скоро все разбегутся! Леха вон уже на ногах не стоит. Ты что думаешь,-- он поддатый? У него белая трудовая горячка от переутомления. Причем хроническая!

--Прав.

--Ну, это... понимаем, конечно. Да я хоть сейчас за литровкой сбегаяю?

--Прав.

--Нет, не прав. Нечего мне тут бригаду спаивать. Червонец, как минимум.

--Ну, червонец--это ты, конечно, Матвеич.... Что же я эти червонцы--то, печатаю, что ли?

--А вольному воля. Я ведь это исключительно из уважения к тебе....Исключительно. С другим бы я и разговаривать--то не стал.

--Да, ладно, договорились...

-- Жень, отпусти человека.

--А как же, конечно, отпущу. Денежки получу и отпущу.

--Вы что, не верите?

--Ну, ты даёшь!... Мы ещё веру в человеческую порядочность не потеряли...За другие бригады не поручусь...Но мы...Извиняюсь...

Понимаешь, у нас порядок такой. Порядок!

Шофёр неохотно достал бумажник и отсчитал десятку мятыми рублями.

Женька двумя пальцами, брезгливо взял деньги и бросил их в ящик верстака.

Вот. А теперь иди и спи спокойно, но без сексуальных сновидений, до полной победы светлого будущего
Утром поедешь, как на новой.

--А это почему без этих.... как его....сновидений?

--Жену твою жалко, простынки часто стирать придётся.

Шофёр покрутил пальцем у виска и в недоумении покинул раздевалку. Женка восхищённо поглядел на Матвеича:

Ну, Матвеич! Ну, понтярщик! Ну, артист! Как ты его выставил! Кино!

--Так вот откуда у нас, значит, дополнительные премии.... Вам не стыдно?

--А ты. Витя откуда думал? Понял, слава богу. Я тебе говорил--слушай Матвеича и всегда будешь при рубле. Как ты, Женька?

--Ой, и дура же у нас кавалерист! Ой, и дура !

Коршун с отвращением бросил свои деньги на верстак:

--Разве вы рабочий класс?! Клопы вы вонючие на теле народном, а не пролетарские рабочие!

Леха икнул:

--Не прав!

--И, главное, с кого шкуру--то дерёте!? Со своего же брата--шоферюги! Ему--то эти рублики потом достаются! Ты попробуй, Женька, посиди пять тысяч километров за баранкой, да по этим дорогам, да без нормальной еды, бензозаправок и сральников?!

-- Да ты, комэск, за него не волнуйся, он своё наштабашит. Он попутный груз берёт, на солярке экономит, подвезёт кого, бабы у них,--шалавы придорожные, на трассе ждут....

--Так вы же, сволочи, его штабашить и заставляете!

--А то бы они без нас не шабашили бы! Ах, ах!.. А бог велел делиться! Библию--то читал? Там об этом красиво написано! Почитай!

--Какая там библия! Что ты щенок несешь?! Вся страна! ...В едином порыве! ...Берёт дополнительные обязательства! А вы, как последние гниды сосёте трудовую кровь! Отдай деньги! Я хоть на ночь останусь, но машину ему сделаю! Дай червонец сюда, я его догоню и отдам!

Матвеич встал со стула, поставил кружку на стол и поманил к себе Коршуна пальцем.

Вить, не базарь. Погоди маленько сынок. Сейчас разберёмся....

--Какой я тебе сынок, кулацкое отродье, уж скорее ты мне в сыновья годишься. Ну, что ты хочешь?

--Погодь, погодь, подойди --ка поближе, погугарим.

--Я же сказал уже, не о чем нам с тобой разговаривать!

--Ну, Вить, уважь бригадирские седины--то, а?

Коршун неохотно подходит и падает, получив точный и сильный удар в челюсть. Матвеич приподнимает его голову и повторяет такой же мощный удар.

--Ну, для начала учебного процесса хватит. Женька побрызгай на его.

Женька налил в кружку воду из под крана и вылил её на голову комэска. Коршун постепенно пришёл в себя и с недоумением посмотрел на Матвееча, спокойно, как ни в чём не бывало, потягивающего пиво с водкой из алюминиевой кружки.

--Ну вот, сейчас ты вроде нормальным человеком выглядываешь. Сейчас и поговорить по--человечески можно. А за успокоительное лекарство прости. Оно веками проверено. Лучше всякой там валерьянки организм восстанавливает. В лагере только так и можно было заставить человека человеческую речь понимать. Кровушку--то со рта

утри, да в рот слазий, погляди: зубки-- то все на месте. Я погладил тебя, вроде, аккуратненько.

Ты меня хорошо слышишь, Витёк? А то я и погромче могу.

--Слышу.

--Вот и славненько. Вот и хорошо. После пробудки твоей уже не так мало времени прошло. Что--то ты уже должен был бы и понять, Витя, да, видать, головкой смышленной Господь тебя обделил. Видать, больше твоей кобылке досталось. Ты уже должен был уяснить себе, Витя, что той красивой страны, которую ты в телевизоре, да в обкомовской бане увидел и по радиву услышал и, которую ты сам себе выдумал, на самом деле не было и нет. Я тебе даже больше скажу:--её, в этой богом проклятой стране, с неплохим народцем в общем,--то, никогда, к великому сожалению, и не будет! Так сам Господь, почему—то распорядился, а его распоряжения для всех тварей на этой земле--непреложный закон! Да, да! Печально это слышать и, тем более, сознавать, но....Есть другая страна, и мы в ней живём. Плохая она или хорошая,--это другой разговор, а уж такая вышла пока ты сладко дремал. Я, к примеру, пока ты похрапывал, в девятнадцать был уже призван, успел две войны отломить, и лагерной баланды до сыта откусать. На жопу мою плетью истерзанную и сейчас страшно смотреть при свете, да и другим местам досталось. И ещё единственного сына на острове Даманском схоронил.... И вот уже полтора десятка лет на базе этой ишачу слесарем. И памятником на моей могиле нужно ставить самосвал... Вот, значит, какой этот Матвеич паразит и кровосос. Ем, конечно, нормально и выпить могу себе позволить, но даже на ковёр приличный, чтобы с полу не задувало, до сих пор мы со старухой не скопили. А уж об автомобиле я и не говорю... И тут,

нате вам, здрасте, проснулся вдруг наш Витя , глазки ясные протёр и, твою мать, всё ему у нас, оказывается, не ндравится. Всё, понимаешь, не так, как он во сне себе нарисовал! А виноваты этом, значит, кто?--Старик Матвеич, олух царя Небесного, Женька и алкаш из подворотни, Леха!

--А кто же ?

--Это очень непростой вопрос, Витя. Скажу тебе откровенно:-- я не знаю.....Народ наш неплохой, но забитый и замуженный властями и ихней мафиозной партией. В деревнях и селах он в массе своей --просто серое быдло. Пьяное серое быдло. И этого быдла в стране больше половины. К ним нужно добавить трусливых прихлебателей поумнее из больших и малых городов, которые удавятся за кусок пирога. Свободы они, отродясь, не видали, да если им её и дать-- они не знают, что с ней и делать--то. Ну, разве что, пропить! Те, которых, затащили в партию, пообещав местечко повыше и лишний червонец, до смерти боятся, чтобы их из неё за что-нибудь не вытурили, потому, что тогда они, вообще, потеряют, и тот кусок хлеба, который у них есть. А верхушка, из выживших из ума старпёров, которая правит этой партией, делает с этим жалким народом, что хочет, используя для этого липовые выборы самих себя до бесконечности.

Сегодня, Витя, я тебя чуток поучил уму разуму, но поучил маловато, по--отечески. Синяки скоро пройдут, а мозги, может быть, немного и поправятся, просветлятся. Сегодня я тебя больше не трону. Но берегись, Витя, если за тебя возьмётся весь наш споянный трудовой коллектив.... Тогда уж, как говорится,--не взыщи!. Предупреждаю!... Женёк, запиши, что сегодня у нас было проведено две политинформации. Верно , Лёха?

--Прав.

.....X.....

....

Кровоподтёк под глазом и ноющая нижняя челюсть давали себя знать. Коршун надел тёмные очки, случайно оказавшиеся в кармане плаща и сел на садовую скамейку в городском парке. Откуда у Матвеича такой сильный и так хорошо поставленный удар справа? Может быть, он в молодости занимался боксом, или натренировался в лагерные годы, чтобы иметь возможность защищать себя? Вроде бы серый малообразованный мужик, а мыслит философскими категориями. Почти, как Левинсон.....

Но Иванов--то хорош... Это же надо, чтобы такую сволочь ему дали в экскурсоводы. И как так получилось, что этого законченного садиста, труса и ничтожного человечка, взяли на достаточно высокую идеологическую должность в обком партии?

--А что ему сегодня наговорил Матвеич? И что, этому можно верить? Скорее, всё это он наговорил со зла. Да, партия могла ошибиться. Вернее, не партия, а этот новый ЧК или НКВД, кажется, так он его называл. Там тоже могли засесть вражеские партии элементы. Или просто сотрудники этой организации запутались в ворохе анонимных доносов, лавиной льющихся на них от мещански настроенных граждан, которые за эти годы не смогли перековаться в граждан новой социалистической державы. Кому же тогда можно верить? Анне, Матвеичу и его алкашам из бригады, родне Анны, Альтову? Или Платонову,-- высокопоставленному коммунисту в партии, за которую он и его друзья проливали кровь в революцию и гражданку? Людям, выступающим по ящику, кинофильмам,

которые снимают талантливые режиссеры и, наверняка, честные и порядочные люди, которые не могут говорить неправду гражданам своей страны? Не могут, потому что, это же будет такой позор, после которого надо кончать с жизнью? Да--а! Тяжелый был этот бесконечно длинный сон, но ещё тяжелее пробуждение!.....

На скамейку, тяжело крехтя, опустился глубокий старик грузно опершись на толстую палку. Он достал большой мятый не первой свежести носовой платок и, сняв старенькие железные очки, начал тщательно протирать толстые круглые затёртые стёкла, что--то достаточно громко бормоча себя под нос.

Коршун невольно прислушался к его, не совсем членораздельной речи, и вдруг поймал себя на мысли, что есть что--то очень знакомое в облике этого старпера.

--Упругой походкой...овация...и вот тогда мы, молодёжь...и в этих словах...

Палка, прислонённая к скамейке, неожиданно упала и Коршун, подняв её, отдал старику. Тот перестал бормотать и, надев очки, внимательно уставился на комэска.

--Вы Коршун? Или я ошибаюсь?

--Он самый. А как вы меня узнали, видели по ящику?

--Действительно такой же.... Чудеса, да и только.

--Вы о чем дедушка?

--Не узнаешь? Хи--хи...

--Виделись, что ли когда?

--Виделись, Витя, и ещё как виделись--то...

--Дед, ты кто?

--Виделись...Виделись...

Старик всхлипнул, порылся во внутреннем кармане пальто и достал очень старую, затёртую почти до

дыр, наклеенную на картонку от коробки конфет фотографию.

--Что это у тебя, дедуля?

--А ты, Витя, глазёнки свои молоденькие протри, да взглядишь в фотку--то повнимательнее. Это, вот, Батенин, то есть я, это Кривонос,...а это ты, твоих нынешних годках!

--Мишка?! Мишка Меньшиков!? Ты ещё жив, бродяга!? Да быть такого не может!? Ущипни меня! Что же ты раньше ко мне не пришёл!? Ты мне сейчас больше всех на свете нужен! Ведь я про тебя ничего не знал! Вот счастье--то ! Вот уж действительно подарочек судьбы. Дай я тебя обниму покрепче!

--Да, ты поокуратнее, поокуратнее, Витёк ! Косточки старые переломаешь! Гляди, какой ты здоровенький--то! Как и годков этих не бывало! Витя, ты в гастроном не заходил? Не видел, не привезли кефир? А то я утром заходил, так еще не привозили...А его, эти черти, то привезут, то не привезут...одно слово, черти.... Мне без свежего кефиру никак нельзя....Никак... А от старого кефиру у меня желудок крепит, запор, одно слово. А когда он свеженький,--другое дело всё выходит без клизмы. Ты, Витя, клизмами не балуешься поутру?

--Не балуюсь.

--Молодец! И не балуйся и дальше. Место клизмы изменить нельзя. А от этого геморрой! Как к этой заразе, привыкнешь, всё! Не слезешь с неё уже никогда. Самое лучшее--это свеженький кефирчик. Но, он не всегда бывает. Его ловить надо.

--Мишка! Какой, на хрен, кефирчик?! О чём ты? Мы же с тобой шестьдесят годков не виделись? Вспомни! Мы же с тобой революцию делали! Революцию! В Гражданскую беляков били!

--В эти тяжёлые, голодные для России годы, партия создала рабочие отряды, которые потом, в

последствие разрослись в могучую и непобедимую рабочую Красную Армию,--вот. Всё помню, всё! У меня память ещё очень крепкая. Десять раз прочту и уже--до смерти. И наши партийные органы, и лично Первый Секретарь Обкома Партии, товарищ Платонов Павел Павлович, это моё свойство очень ценят. Спасибо нашей замечательной коммунистической партии и лично дорогому Генеральному Секретарю КПСС, Председателю...

--Замолчи, Мишка! Замолчи! Что годы--то делают.....Что делают...Митингуешь?

--Лекция, Витя, это большое политическое мероприятие. Двенадцать рубликов! Двенадцать! Понимаешь? К торжественным датам и юбилеям иногда даже по две лекции в день считаю. А это уже двадцать четыре! А ещё у меня пенсия персональная, проезд в общественном транспорте бесплатный..... Как сейчас помню: своей упругой походкой Ильич вышел на трибуну и быстро, чуть картавя, заговорил. Зал встал и встретил Ильича бурной овацией! У многих в глазах стояли слёзы счастья! «Учиться, учиться, и ещё раз учиться»--сказал Ильич. И мы, тогдашняя молодёжь, слушали его, затаив дыхание. Слышно было, как жужжит муха, как жужжит муха, как жужжит муха...

Старик вынул из кармана мятую бумажку--шпаргалку: как жужжит муха... Эти проникновенные ильичёвы слова.....

--Та-ак. И давно ты, Мишаня, в попугаях служишь?

--Я честно служу партии и народу! Я несу святые ленинские слова молодёжи! И это ты называешь попугайством?! Я не имею с тобой ничего общего! Я отторгаю тебя от себя, Коршун! Я всю свою кровь до последней капли отдал для строительства нового общества!

--Значит Батенин, в жилах твоих течёт уже не пролетарская кровь, а свежий кефирчик из клизмы. Забавно...А что ты тут понастроил я уже видел. Только одно не пойму, что ты так громко орёшь? У меня со слухом всё нормально.

Старик огляделся, поднял палку и попробовал отодвинуть несколько веточек куста у скамейки. Потом наклонился к Коршуну и тихо, испугано оглядываясь, прошептал ему на ухо:

--Видел, говоришь? И всё понял?

--Ложь! Кругом сплошная ложь! Только пустые громкие слова да картинки красивые. А внутри--ложь, ложь, ложь!..

--Витя! Да потише ты! Тихо...тихо...тссс! Тут же кругом микрофоны!...

Он встал и подошёл к кустам и начал лупить по ним палкой.

Вот микрофон, вот два микрофона, всюду микрофоны, всюду! Видишь, окно светится? Это тоже большой микрофон! Они в каждом окне! В машинах! В портфелях прохожих и даже в их трусах, для конспирации.

--В трусах, говоришь,--это уже совсем интересно. Может быть, вы и детей микрофонами делаете? Они всегда на подъёме, с ними не пропадешь...

--Сейчас знаешь, какие микрофоны? За километр слышат!

--Ну, успокойся, успокойся же...Нет тут микрофонов, нет....Господи, да что же это такое они с тобой сделали.... Ты же был первым всегда...первым поднимал эскадрон под пули....Тебе же сам Семён Михайлович именное оружие за храбрость вручал! Так ведь? Я же помню?: Тебе мне и Кривоносу! Ты помнишь?!

Старик ещё раз пугливо огляделся и очень громко, глядя себе по ноги, заголосил:

--Я живу очень хорошо! Очень! Партия мне дала всё! Партия помнит и ценит мои боевые заслуги, и я ей за это очень благодарен! Счастлив, что родился в такое героическое время и дожил до таких исторических лет, когда под руководством Генерального Секретаря нашей партии, Председателя Президиума...

--Замолчи, слышишь! Прекрати эти заклинания! Меня уже мутит от них! Я тебе это приказываю! Слышишь?! Приказываю! Я твой комэск! За-молчи!...

--Витя, а ты меня не заложишь? Я очень боюсь, тюрьмы и лагерей... Я очень не хочу опять попасть туда... Я больше такого не выдержу. Я умру там, Витя!

--Очнись, Мишка! Я тебя?! Да что же случилось с тобой, если ты можешь мне сказать такое!?!...

Старик вытер слёзы, громко высморкался и начал очень тихо:

--Первого Кривоноса взяли, в тридцать пятом, еще до войны. Ну, он пыток, конечно, не выдержал и на меня подписал. Кривонос четырнадцать лет всего--то под номерами отходил, потом пристрелил его охранник. Он ему в морду плюнул. ...А я,---от звонка, до звонка,--все двадцать пять....

--За что, Миша?

--За то, что в революцию верил, в командиров наших, в людей... За такой же как сейчас у тебя дурацкий идеализм. Мы были дети, Витя, наивные дети... И ведь только сейчас, Витя, только сейчас...редко, когда про себя думать не боюсь...понимаю, какие мы были серые и наивные. А сколько меня бить--то нужно было, чтобы я, идиот, наконец понял это? Чуть не до смерти...А множество хороших, настоящих людей так и убили,.... почти всех..... Витя! Витя! Смотри, смотри, кто--то там, в кустах

прячется! Выгони его, Витя! Возьми мою тяжёлую палку и выгони!

--Никого там нет, Миша, успокойся.

--Есть, Витя, есть! Ты ещё просто видеть не научился, а он там обязательно есть! Есть, есть, Витя, они везде есть, везде! У него, Витя, этикие щупальца с присосками, а в каждой присоске микрофон, в каждой! Но есть против него один заговор, проверенный! Я тебя ему научу. Слушай: партия раз и навсегда осудила нарушения законности периода культа личности, времена эти безвозвратно ушли в прошлое и не вернуться никогда! Народ попросил партию, её замечательный центральный комитет и депутатов Верховного Совета установить серьёзные наказания клеветникам, нарушителям дисциплины на улицах, средствам массовой информации, не достаточно активно проводящим в жизнь постановления партии, правительства и лично Генерального Секретаря.....

--Понял, Миша, всё понял, не продолжай....

--Молодец, Витя, что понял. И запомни, всё это надо повторять до тех пор, пока...

--Миша, а ты действительно Ленина видел?

--Два раза, Витя. Два раза. Один раз в баню шёл, а он на машине ехал. Я ему рукой вот так помахал, а он мне вот так под козырек...А второй раз в гробу, в мавзолее....И знаешь, он хорошо выглядел в нём. Такой спокойный, и костюмчик на нём заграничный хороший, новый...брюк не видно... но, правда, он лежит без ласковой улыбки на устах...

Громкий крик прервал увлекательный рассказ старика, по алее, размахивая рукой, бежала Анна:

--Аня, что случилось?

Анна громко плача обняла мужа. Всхлипывая, с трудом произнесла:

--Альтмана, Альтмана арестовали!

Старик взял Анну за руку И очень громко заголосил!

-- Я живу очень хорошо, женщина! Партия и правительство, а так же лично Генеральный Секретарь....

--Витя, кто этот сумасшедший?! Забери его от меня ?!

--Миша, оставь её и замолчи! Моего врача арестовали!
Аня, за что?!

--Не знаю...

--Вот! Вот, что я тебе говорил, Витя! Партия наша молодец! Она тщательно и непредвзято чистит свои ряды! Видишь, и твоего врача взяли! Врачи они очень опасные люди! Очень! Ты помнишь, Витя, как они в пятидесятые годы хотели убить товарища Сталина! Нашего вождя и учителя! Гениального продолжателя дела великого Ленина! Я счастлив, что родился в исторические времена и, только сейчас, под мудрым руководством доктора исторических наук, Генералиссимуса....

--Бежим Анна! Мишку поломали.... Нам его уже не спасти... Может быть, хотя бы Альтмана.....

Старик встал со скамейки и поплёлся к выходу из парка, бормоча себе под нос:

-- Как сейчас помню: упругой походкой Ильич вышел на трибуну и быстро, слегка картавя, заговорил....

.....X.....

В больничной палате с затемнёнными окнами стояло несколько пустых коек. На одной, занятой, на спине лежал человек. Обе его руки были ремнями приторочены к кровати раме. Он тяжело и хрипло дышал. Глаза его полные ужаса были широко открыты. Из репродуктора радостно неслась популярная песня в исполнении не менее популярной певицы:

--Я! Ты! Он! Она! Вместе-- целая страна!

Коршуну казалось, что над ним висит огромное страшное чудовище, типа осьминога. Оно медленно

опускается вниз, прямо на него шевеля щупальцами, и на каждом щупальце болтается либо динамик, либо микрофон. Динамики, перебивая друг друга, истошно орут:

--«Завтра! Ты опять ко мне вернёшься завтра!»....

«Приятно сознавать, что наше будущее только в наших руках!»--Мудро и убедительно подчеркнул в своём замечательном выступлении перед молодёжью на озере Селигер, Генеральный секретарь КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Совета Министров СССР, Председатель Ревизионной Комиссии, доктор исторических наук, Председатель Географического Общества страны, Председатель Спортивных Обществ дзюдо и всех остальных обществ, Генералиссимус....

Труженики Кинешмы с огромным энтузиазмом откликнулись на призыв Генерального Секретаря нашей партии...

«Завтра! Ты ко мне опять вернёшься завтра!»...

Дополнительные социалистические обязательства взяли на себя....

Гневное осуждение нашего прядильного цеха и вместе с нами всего передового человечества вызвало решение империалистических кругов, вручить очередную Нобелевскую премию отщепенцу и мракобесу...

«Я! Ты! Он! Она! Вместе целая страна!»...

Чудовище опустилось уже совсем низко, его щупальца вот, вот коснуться лица комэска... и в этот момент из его глотки раздался дикий звериный крик обезумевшего от страха человека.

В палате вспыхивает яркий свет и выхвативший из темноты Коршуна, с лицом в кровоподтёках и забинтованной грязным бинтом головой. Вбежавшая в палату медсестра и врач склонились

над больным, и сестра быстро и умело ввела ему в вену какое--то лекарство. Коршун затих. Врач подвинул стул к кровати и взял в руки листок больничной карточки.

--С чем его привезли--то? Белая горячка?

--Абсолютно трезвого привезли. Говорят, что пытался ворваться в здание Комитета Партии, вступил в драку с охраной, грозил маузером и саблей! Часового чуть не зарубил! Потом выскочил на улицу и стал приставать к прохожим, убеждая их ломать мостовую и строить баррикады.

--Боевой мужик! Давненько у нас таких не было! Интересно, с какого рожна он спятил. На вид экземпляр вполне приличный. Лицом на этого артиста, который Чапаева играл, здорова похож.

--На Бабочкина? Да, пожалуй, мне его лицо тоже знакомым показалось.

--Смотри-- ка! Да это же-- Коршун! Комэск этот, который недавно проснулся! Ну, его ещё по телеку пару раз показывали! В буденовке, с шашкой на боку....Херню какую--то нёс по бумажке, про революцию, про Генералиссимуса. Написали и заставили дурачка изображать пламенного революционера. Вот он, в конце концов, бедняга и спятил. Я, между прочем, когда случайно послушал его, сразу подумал, что он плохо кончит. Физиономия у него была уж больно честная. Такое, знаешь впечатление, что он или народный артист, или дурачёк, который верил в то, что ему в органах начирикали.

--Видать, он не проснулся ещё тогда, как следует. А сейчас у бедняги весь сон начисто прошёл....и нате вам.....Галлюцинирует всё, каким--то спрутом или пауком. Дескать, тот хочет его задушить.

--Хм, надо заметить, образно галлюцинирует--то. Это ещё хорошо, что он к нам попал....А ведь мог бы и

загреметь по--полной программе. Ты присматривай за ним, и никого из этих,... ну сама понимаешь кого,старайся не подпускать....

--Тут в коридоре уже вторые сутки его жена сидит, всё свидания просит. Я её немного знаю, она у Кукина в горбольнице медсестрой работает. Хорошая женщина. И что это её угораздило за этого психа--революционера замуж выскакивать. У нас её первый муж от белой горячки помер, а вот сейчас этот...

--Да, не повезло бабе. Не--по--вез--ло... А пока я его осматриваю.. Больной, как вы себя чувствуете?

--Где я? Что со мной?

--Вы находитесь в больнице нервных болезней, после сильного нервного шока. Причины срыва нам пока неизвестны, на эту тему мы будем с вами ещё неоднократно беседовать. Жену свою видеть хотите?

--Хочу.

--А вы обещаете, что будете вести себя прилично?

--Обещаю. Развяжите меня.

--Сестра, сделайте ему ещё один укол и развяжите....

Коршун сел на кровати и растер затекшие кисти. В палату вбежала Анна и упала на мужа.

--Ах, Витя, Витя! Витя, Витя! Что же они с тобой сделали!

--Это ничего, Аннушка, всё пройдёт... Не плачь, не трави сердце, да и людей сторонних постыдись. Зря, наверное, ты со мной жизнь связала, Аннушка. С алкоголиком--то, должно быть, и лучше было, а?

--Дурачок ты, Витя.... Какой ещё дурень. Люблю же я тебя, люблю, горе ты моё!

--Может и в правду дурак Был бы поумнее не стал бы мучить тебя. Эх, краса моя, нам встретиться с тобой лет бы шестьдесят назад, и эх!.... Я б тебя на коне скакать научил.... Тебя бы в эскадроне, все бойцы любили и уважали.....Уверен!

--Ничего, Витенька, ничего, всё ещё у нас с тобой будет. Поправишься, окрепнешь, и заживём мы с тобой, как все люди. Купим садовый участок, целых шесть соток! Чтобы по выходным свежим воздухом дышать, детишек будем воспитывать....Будут у нас мальчик и девочка. Представляешь, садимся мы вечером в пятницу на машину, которую обязательно купим, и едём на свою дачу всей семьёй.....Ох, Витя, и сейчас можно хорошо жить, если не лезть не в своё дело...

--Не в своё делоВот ты говоришь: мальчик и девочка. Подрастут наши детишки, а дети быстро растут, подрастут, подойдут к нам и спросят: --папа, мама, а почему это так,-- все говорят одно, а делают совсем, совсем другое? И что же нам им ответить? Или правду говорить, а потом шептать страшным голосом: только об этом никому, детки! Ни, ни! А то ваших маму и папу посадят в тюрьму! Ну, а они по нашему примеру воспитают так же и своих деток, и ,глядь, а правды на земле уже и вообще нет. А живут на ней только одни врали и трусы!... А ты говоришь--не наше это дело.

Санитарка сморкнулась в полу халата, и обречённо махнув рукой начала собирать шприцы, вытерла нос и прошептала про себя:

--И--эх! Ещё значит один политический....Этого до-олго не отпустят. Пока не вылечат...совсем...

--Сестричка, как думаете, скоро его домой отпустят?

--Не знаю...Хотя, вообще—то, с его диагнозом подолгу сидят....э-э, лежат....А вам уже пора, милая, вас итак тут ...в нарушение... Ещё, бог даст, наговоритесь, а больному сейчас покой нужен. Для него сейчас главное покой,...покой и сильные, очень даже сильные лекарства....

--Витя, я к тебе завтра приду. Я добьюсь, Витя, слышишь? И запомни: чтобы с тобой не случилось, я с тобой. Всегда! Слышишь?

-- Ну, и отлично! Значит, всё будет хорошо, Аннушка....

--А теперь спите , больной. Вам теперь нужно очень много спать. Чем больше спать будете, тем скорее вылечитесь.

--Опять спать...А я то думал, что уже на весь остаток жизни выспался....

Сестра вышла из палаты и погасила свет. Коршун закрыл глаза и вдруг услышал тихую незнакомую, но очень приятную музыку. Он открыл глаза и начал пристально вглядываться в темноту и увидел достаточно чётко силуэт сидящего на стуле Леху. Он слегка покачивался, и было понятно, что и на этот раз трезвость не его удел. За Лехой вырисовался проём двери, за ним фигуры людей, и как ему показалось-- знакомых ему.....

--Леха, запускай их по очереди, по одному.

Услышал он собственный голос.

--Прав.

Мотнул головой Леха и махнул рукой, приглашая войти первого.

--Ну, здравствуй, Витя.

--Привет, Матвейч.

--Я давеча немного побил тебя, Витёк, так ты меня прости. Урок это тебе был наглядный. Побил за дело.

--Может и правда, за дело...Жизнь покажет....

--Жизнь не кино....Показать--то она обязательно покажет, вот только что? Я всё думаю над твоим вопросом: кто же во всём этом виноват? Неужели же и вправду весь наш несчастный народ? Неужели его, считай, и меня тоже, так легко было окрутить вокруг пальца. Ведь могли же собраться,

сговориться, сделать плакаты, выйти на улицу и потребовать, чтобы эти самые вожди послушали, наши требования и выполнили их. А если нет, то за шкуру их и на солнышко?... Верно же?

--Это ты меня спрашиваешь, Матвейч? Это я тебя должен спросить. Я же спал в это время.

--А может и никто не виноват, а? Я так рассуждаю: был бы, к примеру, этот говносос лично мой, уж я бы его холил и лелеял! Уж я бы за ним ходил, как за невестой! Да я бы ему три раза на неделе профилактику делал!

--Да ты что говоришь--то?! Выходит, ты, значит, обратно за частную собственность? За толстопузых буржуев?

--Ни--ни! Избави бог! Но если с другой стороны подумать, Витя, был бы это мой личный говносос, разве я бы его не холил? Разве бы я за ним не ходил?

--Эх! Матвейч! Нет в тебе настоящей коммунистической сознательности!

--Выходит, что нет. Но у кого она есть--то, ты мне покажи? У Лёхи? У Женьки? А у нашего главного и подавно нет!

Так у кого же она всё же есть? У твоего Платонова? Или у самого Генералиссимуса? Не-ет, Витя, здесь что--то не то! Какая--то неувязочка получается?! Они все орут: мол бытие определяет сознание. И тут же рядом: вот если бы у вас была настоящая сознательность-- тогда бы у вас было и настоящее бытие!... Чепуха какая--то получается, Витя, чепуха...

--Прав.

Качнулся на стуле Леха.

Коршун закрыл глаза. Матвейч исчез. Он снова услышал голос Мишки:

--И вот он упругой походкой вышел на трибуну и быстро заговорил....

В центре палаты высветился освещённый круг и в нем стоящие на коленях Трофим, Лариса и их сын Сергей. Трофим-- в поддёвке, в картузе, в смазанных дёгтем сапогах. Лариса--в платье мещанки начала века. Сергей причёсан под пологого, набриолинен и тоже в сапогах. Все трое бьют земные поклоны и ползут к кровати Коршуна...

--Виктор Иванович! Кормилец наш! Заступник единственный!

--Не губите несчастную душу, ваше благородие!

--Пожалейте дитя наше малое, как мать прошу, ваше превосходительство! Он ведь такой способный, такой способный!

--Не подведёт он вас, как отец ручаюсь, вот вам крест!

--Все как надо делать будет!

Родственники громко стучат лбом о пол и, вдруг, громко начинают вопить хором:

--Дай рекомендацию в коммунистическую партию Советского Ссоюза! Дай рекомендацию! Дай рекомендацию! Дай!...Дай!....

--Перестаньте! Прекратите вой! Наша партия никому не даёт преимуществ!

Леха, качаясь на стуле?

--Прав.

Троица с воплями уползает, и из под кровати вылезает комсомолец Юра:

--Витя, я на минуточку в неофициальном порядке. Понимаешь, Виктор, у меня же престижу нет того на «москвиче»--то. Все первые на « волгах». В Александровке--на « волге», в Краснодаре --на «,волге», в мухосранске и тот --на « волге», один я на «москвиче»,--ведь это , как всё равно что на велосипеде, честное слово! Разве при этом будет у

меня авторитет? Так ты ему объясни, Витя, царю--то нашему:-- мол, дорогой Лаврентий Ильич, есть один хороший парень, первый секретарь комсомола, но ездит на «москвиче». А, уж так предан, так предан! И вам лично! И всей вашей партии! А Платонову, Витя, я уж всё припомню. Помяни моё слово, всё припомню, дай только выбиться! И уж он, гад, у меня сразу начнет жить, как все! Понял!? Как все, понял!?

--Прав.

Юра уполз под кровать и его место тут же занял пьяный рыдающий Кукин.

--Витя, дружок, у меня ваты нет! Понимаешь, элементарной ваты!... Клистиров нет!... Градусников нет! Витя, у меня, вообще, ничего нет.

--Сколько тебе ваты нужно ?

--Семь составов!

--А клистиров?

--Три вагона!

--А ты задниц--то столько наберешь?

--Наберу, не беспокойся. Вокруг меня, Витёк, если честно одни жопы! Кругом! Куда не брось взгляд--сплошные жопы, причём, у половины--из них партийные билеты торчат!

--Прав

--Витя! Только никому, ничего! Понял? А то опять всё обкомка отберёт. Только Лаврентию! И только шёпотом на ухо! И скажи, что я ему свеженькие , вот такие яйца от шимпанзе вошью! А мало будет--от осла! Витя! Ты видел, какая у ослов штукенция? Страшное дело! До земли! А семенники...Я тебя умоляю!... Правда, ходить будет не очень удобно. А Платонову я замастрячил--собачьи, от бультерьера. Понял? Собачьи-- это не очень хорошо, не очень.... Честно тебе говорю. Во--первых всё время хочется....сучку,.... и нога каждый раз при

опорожнении мочеочника поднимается...Собачий рефлекс. Понял!? И можно упасть...И плохо с равновесием. У собачки--то четыре ноги, а у Платонова только две! Понял?! А все почему? А потому, что Пал Палыч, к сожалению, человек, а не дворняга...Нет, овчарка, но дворняцкого разлива... Видать, папаня у него был из органов, а маманя из дворняг! Человечище!....

--Прав.

Коршун тяжело вздохнул и поманил пальцем кого--то, стоящего в створе двери. Вошёл Платонов.

--Заходи, заходи, не стесняйся. Слушай меня внимательно: ты сейчас пойдешь к главврачу и прикажешь, чтобы выпустили Альтмана. Понял?! И ещё, напиши ему в паспорте, что по национальности он киргиз.... Или лучше --чукча! Эту малую народность органы выпускают хоть в Израиль, хоть куда и сразу! Понял!?

--Нет, Витя, никуда я не пойду

--За что ты посадил его?

--За то, что он мешает мне. Он мне враг! Он не уважает партию, которая меня кормит!

--Тогда знай, брюхо буржуйское, что я тебе тоже враг.

-- Так я и тебя засадил, Витя. Тебя несмышленного дурака. А как бы ты мог жить, комэск, если бы у тебя в черепушке всё не перемешалось... Как бы мог!....

--Имей в виду, я понял, откуда у тебя в бане такие разносолы. Понял и непременно расскажу это самому Генералиссимусу.

--Ай да, умница.

--Народ грабишь, бандит!

--Упаси бог, Витя! Сами несут! Несут, несут и несут! Я ещё не всё беру из того что приносят. Другие на моём месте берут куда больше! Ты знаешь, сколько

у Лаврентия Ильича запрятано в заграничных банках?! Не меньше, чем бюджет всей страны.

--Корче говоря, иди и освободи Альтмана!

--Витя, я ещё не созрел для самоубийства.

--Эх, ты, трус жалкий!

--Да, комэск, страшно. Для органов я такая же сошка, как и ты. Куда, как человечков много круче меня стеночку ненадолго подпирать ставили....

--Как же тебя такого народ--то избрал?

--Народ у нас в стране никого не избирает. Народ у нас только голосует. И голосует он всегда только «за», потому, что в русском языке нет слова «нет». Нет такого сложного слова!

--И что в России не осталось ни одного честного и смелого человека?! Никогда не поверю!

--Дело твоё.

--Да ты их просто не видишь. В твоих банях они не водятся.

--Прав.

--Пожалуй, Платонов я тебя расстреляю!

--Прав.

--Вот и Леха тоже говорит, что я прав!

--Многих и ты, Витя, на своём веку пострелял, не задумываясь. И их было бы в десяток раз больше, если бы ты так рано не распряг коней, да не улёгся почивать. Что, ещё народной кровушки хочешь? Никогда расстрелами не добьёшься ты ничего хорошего....Я, Витя, люблю баб, люблю хорошую водку под хорошую закуску, но для своей области, я, братец, отец родной! Езжу в Москву с царскими подарками, и ползаю там, на коленях по кабинетам, и плачу горячими слезами, как всё равно народный артист какой--нибудь, только чтобы вырвать миллиончик, другой для своей вотчины. Ну, полки пустые, мяса, масла нет. Ну, нет его в стране, вообще! Что же я--то могу поделаться?! А ты спроси

сколько, садиков, яслей и школ было до Платонова и сколько сейчас?!

--Прав.

--Вон и алкашенок твой говорит, что я прав. И так всё выцарапываешь по крохам, за взятки, за римские бани, за маленькие твёрдые сисечки молоденьких комсомолочек. Ловчишь, ужимаешься, унижаешься, боишься, а потом где --нибудь промахнёшься, не в том кабинете не то лизнёшь,--и придёт на твоё место такой вот Юра. А этот сученок--снайпер! Этот никогда не промахнётся,--новая школа, выросшая на наших ошибках, придёт сядет в моё кресло и всё пустит по ветру! Совесть ни на грош! Наглости и хамства--вагон! Этот всё изгадит! Всё!

--Прав.

--Прав, Лёха, прав! Платонов пока во всём прав! Но какое же это страшное слово--«пока»! Так что, лежи себе тут подольше, да потише. Может, что и поменяется когда--нибудь..... Но в одном я уверен, если такое и случится, то не скоро. Очень не скоро. Потому, что каждый новый Ильич, или, скажем, Владимирович, будет не лучше прежнего. Таков, увы, закон этой богом проклятой страны. Хотя, чем она провинилась перед Спасителем--не знаю! Да и вряд ли узнаю, когда--нибудь!

--Уходи, Платонов. Мне надо подумать.

--Подумай, Витя, подумай...Да, вот, кстати и Иванов подрос, соколик долбаный, этот тебе всё по местам расставит. Давай Иван Иванович. Твой черед, а я пошел.

--Рад видеть вас Виктор Иванович выздоравливающим. Я принёс вам партийные документы, которые вы должны внимательно изучить, здесь всё то, что нужно, вернее то что можно говорить...Память у вас замечательная и сделать это будет легко.

---Вспомнил! Вспомнил, где я тебя видел, сволочь! Ты же провокатор! Ты на охранку работаешь! Батюшку Гапона помнишь? Что, неужто забыл? Мы же ещё тогда, в восемнадцатом, тебя прикончили? Помнишь, гад?!

--Виктор Иванович, это просто смешно. Во--первых, сейчас нет никаких охранок... А, во--вторых я, знаете ли не какой--то там бессмертный вурдалак, который может воскресать после смерти, и не ваш Иисус Христос! Тем более, что я воинствующий атеист и коммунист по убеждению!

--Дерьмо ты собачье, Иуда, а не воюющий атеист! А то, что вурдалак и лагерный вертухай--это уж точно! Ребята, Меньшиков, Кривонос, --ко мне!

В комнате стало совсем светло и перед Коршуном выстроились по ранжиру трое его друзей. Молодые, красивые, с маузерами на бедрах, шашками в руках, в портупелях и будёновках. Ребята, эту грязную, вонючую собаку надо расстрелять и немедленно!

Вся тройка достала из деревянных кабуров маузеры и расстреляла Иванова.

А сейчас ребята, будем брать город. Ты, Кривонос, летишь на автобазу к Матвейчу, он тебе подберёт верных, нормальных, наших ребят, скажешь, что от меня! На тебе, Меньшиков, центральный банк. А мы с Анной будем Альтмана выручать! Батенин, на тебе почта и телеграф.... Ну, братцы, за дело, живо!

....

--Прав.

Коршун устало откинулся на подушки, и вновь начал метаться. Ему снова начало казаться, что вернулся тот страшный спрут с микрофонами и динамиками. Он бросил в чудище подушку и начал громко командовать:

--С тылу, хлопцы, заходи! Ложись! Мишка, сукин сын, спешился! Ложи на бок коня и сам за него....

Свет слегка под угас. И в палату вошёл Альтман. Он подошёл к кровати, сел рядышком на стул и положил руку на лоб больному.

--Виктор Иванович, успокойтесь. Не узнаете меня? Это я, Ефим Борисович. Ну, что же это вы так, а! Что же они вам вкололи такого, что вызвало агрессию!

--Спрут! Спрут! Видите, сюда ползёт этот страшный спрут! Видите, у него в каждой присоске микрофоны и репродукторы! Репродукторы!

--Успокойся, Виктор Иванович. Его уже нет, я прогнал его! Он меня боится! Откройте глаза, не бойтесь.

--Ушел... В самом деле ушел. Спасибо, Ефим Борисович. А вы мне тоже кажется?

--Нет, Виктор Иванович, я есть на самом деле.

--Но, вас же, арестовали?

--Арестовали. И посадили в эту же психиатрическую больницу. Я к вам через балкон пришёл.

--Но, там же, ничего не стоит свалиться?!

--Не беспокойтесь за меня. Я в молодости увлекался скалолазанием. Вот и пригодилось.

--Так вы, значит, тоже сумасшедший?

Конечно, так же как и вы. Умные и знающие люди твердят нам круглые сутки, как мы все прекрасно живём, как мы все и всем довольны, а мы с вами этого не видим. А что это, значит? А это, значит, что мы с вами несчастные больные люди,--ведь все это видят, а, мы, сумасшедшие,-- нет! Вот наша «гуманная власть» и положила нас сюда, чтобы «подлечить»..... Вообще--то, тюрьма лучше, чем такого направления «больница». Лучше! Ибо после тюрьмы, как правило, выходят только духовно искалеченные люди. Ну, конечно, если там они не подхватят, скажем, туберкулез или «СПИД». Там они в большинстве своём тоже часто деградируют, как личности, находясь среди уголовников и, издевающегося над ними тюремного персонала, но

если их внутренний мир достаточно крепок, они могут и в этой отвратительной среде сохранить себя. Из психушки же выходят обломки людей, полностью сломанные духовно и физически. По этой части здесь, над «больными» людьми, издеваются прекрасные специалисты--опытные палачи. Ибо опыты, которые они проделывают со своими подопечными, мало чем отличаются от тех, которые производили фашистские врачи в концлагерях. Это врачи, полностью потерявшие всякий моральный облик. Им платят деньги за то, чтобы они искалечили мозг пациента. При этом «больные» в большой степени страдают от ужасных доз сильнодействующих и на внутренние органы этих несчастных. Пациентов, которые пытаются сопротивляться «лечению», «наказывают», насильно вкалывая им препараты, которые вызывают у человека сильнейшие, невыносимые боли. В конечном итоге, «больные» превращаются в «овощ», в животных, практически полностью потерявших человеческий облик. Это всё грозит нам с вами и здесь. И ваш спрут--это начальная стадия издевательства над вашим мозгом.

--А как же партия и правительство?! Они что не знают об этом?

--Они--то и есть главные глобальные палачи в этой цепочке. Им за мелкие блага и служат местные палачи--уроды рода человеческого! Нормальный врач, давший клятву Гиппократу, никогда не будет работать в таком карательном учреждении. Потому, что они знают, что среди их пациентов пребывают лучшие и честнейшие умы нашей несчастной страны.

--Ефим Борисович, а вы не можете достать пару таблеточек сильного яда, чтобы нам не мучится зря?

--Этим я запасся заранее, не переживайте. Я же прекрасно знал, в какой клоаке я живу. Если понадобится, в самом крайнем случае, уйдём в лучший мир быстро и безболезненно. Над этим великолепно поработали врачи древних диктаторов, таких как семья Медичи, маркиза де Бренвилье, которая убивала ради славы, или Элен Жигардо, умертвившая 28 человек из удовольствия. Надо тебе сказать, что и наши отечественные учёные, в основном состоящие на службе госбезопасности, внесли в немалый вклад в этой замечательной области человеческой деятельности. Мой хороший друг, человек и врач из категории порядочного меньшинства человечества, работает консультантом в этом заведении. Он занимается настоящими психами. Он нам поможет. Так что не волнуйтесь, мой друг! Остались ещё в этой многострадальной стране и настоящая дружба и порядочность и любовь. Их намного меньше, чем было бы нужно для здоровья всей страны, но всё--таки они есть..... Мы теперь, я надеюсь, будем часто с вами встречаться, разговаривать думать... Наконец--то у нас появилось время по настоящему подготовить вас к новой жизни. Ведь вы, Виктор Иванович, человек пока ещё достаточно невежественный, правда, же?

--Очень.

--Вот. А теперь у вас будет время немножко образоваться.

Мой друг попросит врачей, чтобы вас ненужными лекарствами не пичкали, так, только что--нибудь успокаивающее.....Ну, спать будете?

Нет, доктор, у меня к вам будет несколько вопросов. Скажите честно: зря была революция или нет?

--А зря бывают землетрясения или не зря? Жизнь так уж развивается, Виктор Иванович, у неё свои

законы неведомые нам. Она не зависит от наших с вами оценок, она такая, какая есть--и всё тут....

--Хорошо, тогда иначе: хорошо, что большевики захватили власть, или плохо?

--Где мы с вами сейчас беседуем? Хорошо это или плохо?

--А у капиталистов что, у них получше ?

--У них, Виктор Иванович, тоже есть свои болячки. Но, в отличие от нас, они там имеют возможность открыто об этом говорить, а значить лечиться. А мы--как сифилитики, боящиеся огласки: ах как у нас все в повидле, как замечательно мы себя чувствуем! А у самих уже нос отвалился...

--Ефим Борисович, но должны, же у нас быть люди, которые, хоть что--нибудь.....Хоть, где--нибудь... ну, как мы ещё до революции?....

Стали, стали появляться такие люди. Пока их ещё очень немного. Но народ сегодня их не поддерживает. Народ ведь у нас массе своей забитый бытом и крайне невежественный! Особенно на периферии. С неразвитым чувством собственного достоинства. Запуган до полусмерти, разными там ЧК, НКВД, КГБ. Государство, а вернее его партийная, подыхающая от старческого маразма верхушка, содержит огромную армию зомбированных нелюдей, которых элементарно, как дрессированных собак науськать на любые собрания граждан и на отдельных его мыслящих лидеров! И эти дебилы, у которых, как у твоего спрута полностью отсутствуют сдерживающие, моральные барьеры, не задумываясь ни на секунду, будут разгонять свой мирный, ни в чём не виноватый народ дубинками, кулаками, слезоточивыми и ядовитыми газами, стрелять по ним резиновыми и боевыми свинцовыми пулями. Волоком затаскивать в спецавтомобили с надписями «мясо» на кузовах!

Пытать в застенках и отправлять умирать в сибирские лагеря. И тем не менее эти люди есть,--их называют «диссидентами». Ими забиты тюрьмы и «психушки» типа нашей. Но у этих людей есть надежда, что настанет день, пусть не завтра, и не послезавтра, но непременно настанет! День, когда протянет ноги и с волчьим стоном выдохнет из себя жизнь последний из этих мерзких маразматических главарей! И народ, наконец--то, окончательно поймёт, что дальше так жить нельзя! Невозможно бесконечно жить в тесной тюремной камере! И тогда уже миллионы выйдут на улицы. И армия, так же, как и большинство народа страны, тоже очнётся и поддержит свой народ! И тогда на свободных выборах появиться новый, настоящий, честный лидер. Такое может произойти, когда--нибудь! То есть, земля ещё, конечно, не гудит, но силы копятя, копятя! И я, например, верю, что ещё мы с вами доживём до времени, когда сегодняшних коммунистов народ будет открыто судить:-- ты в каком году вступил в партию? По каким мотивам? Ты кто --дурак, трус, приспособленец и прохиндей или просто сволочь?! Ну, кому условно, а кого и пожизненно. А как же? Всё по справедливости! Так уже было в ту, твою революцию. Но лидер был сволочной и продажный властолюбец!

- А честный лидер может появиться из гущи народной?
- Может. Весь вопрос состоит лишь в том, на какой срок хватит его честности и порядочности. Наш задавленный тысячелетней диктатурой народ, тут же начнёт превозносить его невероятные достоинства! Вылизывать его ягодицы! И возобновиться следующий культ личности! И к власти придут его самые близкие дружки, которым будет очень тепло жировать, и воровать в тени его солнца! И всё повториться заново! Ох, Виктор

Иванович, Виктор Иванович, много ещё крови и страданий предстоит народу нашему, много!... А кроме страданий ничто не учит, ничто!...

(Мой дорогой читатель, вспомните, что всё это было написано в 1971 году! В годы полной отвязки КГБ !!!, Прим. автора.)

--Ефим Борисович...

--Достаточно, Виктор Иванович, не всё сразу, нам же спешить некуда, мы ещё с вами о многом будем беседовать....

--Ну, самый последний! А то мне всё равно не уснуть

--Так наступит ли время, когда люди не будут убивать друг друга и мучить?

--Хм,...очень хочется верить, что придёт...Хотя...
Может быть, в далёком будущем,...в очень, очень далёком будущем,...перед тем, как погаснет солнце....

Коршун уснул. Альтов тихонько подошел к балконной двери и покинул палату. Комэску снилась дорога, уходящая куда--то вдаль и вверх. Он, крепко обняв Анну за талию, идет по этой бесконечной дороге. И слышаться ему цокот копыт, ржание лошадей и мужские осипшие на ветру голоса:

Полюшко--поле.

Полюшко--широко поле.

Едут по полю герои.

Эх, да Красной Армии герои—и...

.....Х.....

Вот, собственно, это и был конец пьесы законченной в 1971 году. Пьесы, на которой и могла бы закончиться в те времена наша с Володей Синакевичем, если не жизнь, то уж точно,--очень длительная свобода. А теперь мне хотелось бы немного поговорить о настоящем времени, мой терпеливый читатель.

Тогда такие понятия, как приход к власти Горбачёва, перестройка, свобода слова, конец разгула и ужасов КГБ, финальный обвал коммунистов, не могли бы, и присниться нам в самых сладких, в самых фантастических снах. Закатанная банка с текстом пьесы спокойно покоилась бы под корнем яблони на даче в Юкках, и мы не сомневались, что если её, когда—нибудь, случайно её и откопают потомки, то это произойдёт даже не через столетие, а значительно позже. Понимали мы с легкой грустинкой и то, что сюжет её и поставленные проблемы будут им абсолютно неинтересны и, скорее всего,— просто непонятны. Так же, как сегодня широкие народные массы России очень мало волнуют проблемы Древнего Рима, приведшие к убийству великого, в то время, правителя Цезаря, или поджог Нероном римской столицы. В предисловии я уже говорил, что интересы сегодняшнего молодого поколения также далеки от того, совсем ещё недавнего времени, в котором существовали их отцы, бабушки и деды. Однако, поставив точку на песне в палате Коршуна, я подумал, что радикальные изменения в дальнейшей жизни нашей страны, происходящие сегодня, могут вернуть её в те страшенькие времена. Я часто задумывался--с какого же момента свободолюбивые вольные славянские народы, получившие впоследствии имя—русские (хотя по новой теории учёные утверждают, что мы произошли от финнов), забыли о былой вольнице и стали трусливыми рабами? Кто вверг их в эту жалкую яму? Я перебрал большое количество соответствующей литературы, и легко обнаружил, что таким правителем вначале был кровавый садист, Иван Грозный, который, несомненно, приложил к этому процессу свою

крепкую руку редкого по злобе тирана и, конечно, более поздний правитель России,-- Петр Великий

Но о Петре чуть позже, а пока несколько страничек о великом и чудовищном царе, Иване VI!!!

Кто был отцом Ивана Грозного--это вопрос? Ибо видит бог-- Елена Глинская, жена бесплодного Василия 111, была блудлива, как кошка. Так, во всяком случае, утверждают историки, исследующие это тёмное время. Фаворитом её долго называли князя Ивана Овчину--Телепнева. Братец царя Ивана-- Юрий Васильевич--был полным идиотом. Это бесспорный исторический факт, заверенный придворными врачами той эпохи. Андрей Курбский писал о нём: « Без ума и без памяти бессловесен, тако аже див якой родився». Об Иване IУ можно сказать следующее: жестокость Торквемады и сладострастие Сарданапала, вместо ума--византийское коварство. Его юмор пересыпан угрозами, а его писания, которым досталось немало славословий от историков, это хаотичный набор цитат из священных писаний, перемешанный с ядовитой злобой, и ненавистью, заквашенной на крови его жертв и собственном политическом бессилии. Очень храбрый, когда надо казнить людей, Иван Грозный был жалким трусом, когда дело касалось его собственной шкуры. Такие люди с их извращённой психикой, такие изверги нуждались в лечении с изоляцией от общества, как и все подобные сумасшедшие, --и не их дело сидеть на престолах! Единственное оправдание для Ивана Грозного:--в то время, в котором он жил, люди, занимавшие престолы в Европе, мало чем отличались от русского царя...Мы себе плохо представляем, как в действительности выглядел этот правитель. По описанию современника, он имел рост в 179 сантиметров, обладал широкими плечами

и сильной мускулатурой. Длинная борода была рыжей с оттенком черноты. Голова была наголо бритой. Он был чрезвычайно склонен к гневу. Находясь в нём, испускал пену, словно конь, и приходил, как бы, в безумие. Понравилась ему красавица черкешенка, дочь князя Темрюка из Кабарды. Он велел девчонку выкрасть. Крестил её, дав при крещении имя Мария Темрюковна. В 1562 году она стала русской царицей. Была она нрава дикого, тёмная и мстительная. Она не только не удерживала царя от природной лютости, но и сама жаждала крови. Сразу возлюбив казни, с хохотом она смотрела, как жарят людей живьём, как отлетают с плахи головы боярские, как разрывают людей на куски раскаленными клещами. Ни стоны матерей, ни детский плач--ничто ни трогало её сердца: --«Ой как всё это любо мне! Как любо!» --Кричала она.

3 Декабря 1564 года царь решил проучить своих подданных. Для этого он накануне отъезда из Москвы обобрал все московские святыни, монастыри и церкви. Забрал с собой казну, драгоценные сосуды и кубки, украшенные драгоценными камнями, не оставил даже царских одежд. С ним уехали его жена Темрюковна и дети. Сопровождали обоз несколько бояр в полном боевом облачении, так же с женами и детьми, а так же будущие опричники. Куда и зачем уехал царь, никому не было известно. Остановился он в Александровской слободе, которую давно укреплял, словно готовил себе цитадель для укрытия. Там он затих, ни о чём, о себе не напоминая. Молчание это побудило у москвичей недоумение и тревогу, и длилось более месяца.

Взволнованный народ начал бегать по улицам с криками--«это всё бояре виноваты! Это они

кривобрюхие, довели батюшку царя , вот он, сердечный, и покинул нас!»

Наконец, царь излил на столицу, словно яд, два послания: в первом писал, что покинул царство своё, в котором поселилась неправда боярская, а во-- втором, адресованным посадскому люду, сообщил , что зла на них не имеет. Этими двумя эпистолами царь, как бы разделил подданных на « козлиц и овец»: мол эти вот виноваты, желаю их казнить, а вот эти невиновны, желаю их миловать и голубить. Тут ума большого не надобно, чтобы возбудить народ против властей. Подступил народ к митрополиту Афанасию и просил его в плаче великом бить челом государю, чтобы возвернулся! Народ глуп! Сам лез на эшафот под топор! Сам лез! Хотя злобный характер сумасшедшего тирана уже достаточно хорошо изучил! Таков уж и в ту пору был народ российский! Царь челобитную принял. Современники пишут, что лицо его при этом выражало мрачную свирепость от ужаса и ярости, которые кипели в нём накануне нового периода казней. Деспот недаром сидел в слободе целый месяц. У него всё было продумано. Теперь страна была поделена на две части--на Земщину и Опричнину. Не забыл он взять мзду и за свой отъезд:--« за подъём» мой и дорогу до слободы Алесандровской казна пусть даст мне сто тыщ рублей! А казну свою я не обижу и насыплю в неё от тех, кого казнить пожелаю»....Сразу же полетели головы! По- насажал людей на колы. И стекался народ смотреть, как кол из глоток вылезает. Бродячие собаки алчно облизывали колы, по которым струилась алая кровь, хлеставшая из пронзённых мучеников. Москву было не узнать: сколько было плача, стенаний и горести! Стенал народ, запуганный опричниками , но терпел. Но ещё

страшнее было в провинции. Опричники выбрасывали жителей из отданных им «на пользование» городов на мороз и гнали по снегу к новым местам. Так что, великому Иосифу Виссарионовичу позднее было с кого брать пример. Как тут не вспомнить массовое выселение «раскулаченных».... Не даром вождь так боготворил Грозного!... Если кто--нибудь из крестьян в селах и городах давал переселенцам беженцам приют больным и роженицам, хотя бы на час, их тут же убивали без всякой пощады. Так что многие женщины рожали прямо на снегу. Мертвый не должен был быть погребённым и делался добычей птиц, собак и диких зверей. Великий же царь, сотворив молитву вечернюю шествовал в опочивальню--к своей жилистой и смуглой Темрюковне, которая и слова путного не стоила. Здесь же, при свете лампадок, освещающих темные лики святых, постоянно томились три ослеплённых старца, которые, не видя и не ведая творимых безобразий, наперебой ублажали царя --батюшку былинами и сказками. Без их говора царь не мог уснуть, и, когда их фантазия иссякала, он указывал: « Ну соври что--нибудь, хотя бы про Кощея Бессмертного»...»...Истощённый развратом, самым отвратительным, царь безмерно ценил лично себя, много мнил о своих достоинствах.

--«Токмо то хорошо на Руси, говаривал он,--что нашу

царскую власть тешит, а всё остальное противно

нам и недостойно царского звания».

Среди распутников практически не бывает героев, а распутство царя сызмала превратила его в труса. Это в картинах времён Сталина царь геройски

штурмует Казань, а в жизни всё было иначе: бояре силком уговорили его к походу, а Грозный плывя до Казани, горько плакал, боясь за свою шкуру. Грозный даже ходил--то не как все люди, а по стеночке, постоянно озираясь, всюду прислушиваясь--нет ли где измены? Живи он в наше время--до конца жизни не вылезал бы из психушки, а тогда... Тогда он создал опричнину, рождённую патологическим страхом! В учебниках моего детства и юности писали, что Иван Грозный правильно делал, удушая бояр, чтобы облегчить народные судьбы. Но теперь хочется спросить историков :

--Да царь уничтожал бояр за их мнимые «измены» и «чародейства», но чем объяснить, что простого крестьянина вешали на воротах его дома, жену его, изнасилованную опричниками, топили в проруби или колодце, малых детишек, даже младенцев в колыбелях, разрубали на части, словно мясо, скотину жгли в запёртых хлевах, заодно огнём уничтожали скудные мужицкие посева хлеба... Недаром в народе говорили:

--«Там где царь Грозный проехал, там курочка не бегаёт, там даже собачки не лают»... Русский народ времён Ивана Грозного был глубоко несчастен уже даже потому, что родился в то времени. Даже если он и уцелел, то кошмары его жизни отразились на потомках его. Принципы свободы, задавленные ужасами опричнины, обратятся потом--уже в других веках, в иных эпохах, на строении ген и хромосом народа! Отсюда невероятное, почти патологическое долготерпение наций этой страны, низкопоклонство, угодничество и подхалимство. Это тоже и сейчас в наших генах!

В истории опричнины меня утешает только одно. Все эти омерзительные убийцы и недочеловеки со

звериными инстинктами были потом уничтожены, как бешеные собаки, другими, отнюдь, не лучшими убийцами. Как говорится:--« Бог шельму метит!»

Очень любил любвеобильный царь отбирать молоденьких и смазливых жён у своих бояр. Утолив же свою похоть, топил их в прорубях. Он был не просто убийцей, а почти вдохновенным убийцей с фантазией героев Шекспира...

Князя Тёмкина--Ростовского он изжарил прямо во дворце на сковородке живьём. Страшный смрад стоял в покоях более месяца. После нескольких часов в пыточной, а пытки он начинал в три часа ночи, царь забрызганный кровью и нечистотами шёл в церковь и в ней между молитвами отдавал приказы, кого убить, кого изжарить, кого рассечь, кого взорвать порохом. Он постоянно чувствовал себя в опасности. Пребывая в молитвенном экстазе, он прятался челяди в потайных местах, где его часто не могли найти. Часто спал в узкой келье, в которой была щель по типу бойницы--прямо напротив виселицы, которая никогда не пустовала. Под напором ветра повешенные вертелись, как бы заглядывая к нему в окно. Грозному это нравилось! Он часто любил разговаривать с этими покойниками...

Не пощадил он и митрополита своего Филиппа, за то что тот укорял его зверствами. Поначалу Грозный хотел его сжечь на костре, как колдуна. Потом решил зашить в медвежью шкуру и затравить собаками, но испугался народных волнений. Но в итоге выместил лютость свою на его близких:--Он приказал содрать с них живых кожу, и ничто не было им пропущено из того, что когда--либо изобрела тирания. В камеру к Филиппу внесли большие подносы, на которых лежали отрубленные головы его братьев, дядей и тёток, племянников и

племянниц. Не уморив его голодом, он заключил старца в тверской Отрочь--монастырь, где к нему был приставлен опричник Степан Кобылин, «который драться был очень горазд». Страшный конец ожидал митрополита Филиппа!

Надо сказать, что и смена у папаши Грозного росла достойная!

«Вы бы посмотрели на царевича Ивана,--пишет немец Шлихтинг, служивший царю писарем,--какой молодец растёт, весь в отца! Как он старается угодить батюшке своему: когда он проходит мимо трупов убитых или мимо снятых с шеи голов, то являет дух, жаждущий ещё большей кары! Он скрежещет зубами наподобие собаки, ругается над мёртвыми, поносит их, протыкает и бьёт колкою, укоряя мертвецов за неверность в отношении к его отцу». Так что у батюшки царя Петра было чему поучиться от великого предка!

Тот пошёл ещё дальше!

Именно он вверг государство в хаос и окончательно отобрал свободу у всего тогдашнего и последующего российского народа. Давайте слегка пройдемся по его биографии.

В ранней молодости шального пацана, Петра, собственно говоря, никто не рассматривал в роли самодержца российского, а посему ничему его не учили. Трон должны были занять его братья Федор, Иван или сестра Софья. Его «воспитанием», если можно так выразиться, занималась личность жалкая и ничтожная--дьяк Зотов, отнюдь не светоч ума и знаний, пьяница и придворный клоун. Под его чутким руководством четыре действия арифметики Петр освоил лишь в 16 лет. По всей вероятности именно этот блистательный педагог и приохотил юного Петра к педерастии. Впрочем, эту сомнительную честь иные источники приписывают

другому его педагогу, Франку Лефорту, а так же Меньшикову...История восхождения молодого Петра известна до мельчайших подробностей, и пересказывать её на страницах этой повести я не буду. В годы, предшествовавшие его восшествию на престол страной правила его мать--Наталья Кирилловна Нарышкина, «медведиха» как её почтительно и со страхом называли в народе. Она не внесла никаких прогрессивных новшеств, а восстановила старые застойные порядки. Даже верный сподвижник Петра-- Б. Н. Куракин охарактеризовал правление Натальи Кирилловны, как «весьма непорядочное и недовольное народу. И в то время началось неправоё правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донныне продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно».

Итак, унижение народа российского,--началось с мамыши Петра!

То, что Пётр¹ был человеком нездоровым в психическом плане, в общем никогда не подвергалось сомнению. Вот что пишет «влюблённый в царя--реформатора, американский историк Мэсси»:...

--« Молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения, недугом. Когда Петр возбуждался, лицо его начинало непроизвольно дёргаться. После чего спазм захватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались и, так что виднелись одни белки. Кончался такой приступ потерей сознания. Очень часто у него случались припадки неконтролируемой ярости». Любопытные воспоминания оставил епископ Джильберт Бернет, много общавшийся с Петром во время его поездки в Англию: « Он человек очень горячего и вспыльчивого нрава,

наделённый крайне грубыми страстями. Природную свою горячность он усугублял тем, что в больших дозах пил бренди. Он подвержен конвульсиям во всём теле, и, похоже, что они сказываются и на его голове. Недостаток рассудительности и непостоянство характера слишком часто проявляются у него». Из трёх детей Петра от Евдокии Лопухиной умерли двое. Из двенадцати от Екатерины--десять. О беспробудном пьянстве Петра написано немало. Чего только стоит его любимый «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор»--долголетняя забава Петра. Злейшая пародия на церковную иерархию, по тем временам считавшаяся необыкновенным святотатством. О деятельности этого клуба можно сказать тремя словами: --пили как лошади! Пародирую при этом все существовавшие тогда церковные обряды. Именно тогда и стали шептаться, что на престол взошёл антихрист. Попойки, отнюдь, не проходили за закрытыми дверями, время от времени устраивались маскарадные шествия. Как две капли воды напоминавшие более поздние «антирелигиозные праздники», вошедшие в моду в первые годы советской власти. Алексей Толстой пишет: «...и голым его гузном били яйца в лохани... князю, забив свечу в задний проход, пели вокруг него ермосы, отчего он отдал Богу душу...». Петр, сам пьяневший очень медленно, любил напавать допьяна других ещё и для того, чтобы у них развязывались языки. Сталин впоследствии перенял эту привычку, ставшую серьёзным подспорьем ему в государственных делах. Лишь в самые последние годы жизни Петр отвык от привычки забираться на стол, где бы ни происходил праздник, и плясать вприсядку среди посуды...

Так что, пресловутое «дирижирование» оркестром и публичное исполнение «калинки» первым президентом России--не нововведение нашего времени, а всего лишь продолжение добрых старых традиций Петра Великого! Когда в голландском анатомическом театре спутникам Петра стало дурно от непривычного зрелища, царь велел им поклониться к рассечённому трупу и зубами рвать мускулы.

Тирания Петра для России в чём--то была качественно новым явлением. Иван Грозный был сатрапом. Он мог, не чинясь, снести дюжину голов,--но многие тысячи людей благополучно жили себе в отдалении, поскольку не попадались сатрапу на глаза. Петр же создал систему, по которой всякий без исключения был признан винтиком! Жуткий механизм, обрекавший при определённом обороте дел всякого, правого и виноватого, на самую страшную участь. Есть разница меж спущенным на людей ради сомнительного развлечения царя Ивана дикого медведя и письменным, официальным руководством для пыток, как это любил делать царь Петр.

Система Петра в чём--то--предвосхищение нацисткой. Простая аналогия: любой антисемит, возникни у него желание, имел возможность--ударить, оскорбить еврея, устроить погром. Если раньше для того, чтобы угодить на дыбу, требовалось хоть какие--то основания, отныне под «пытошную» практику была подведена теория. А теория, как известно, в тысячу раз превосходит жестокость любых сатрапов--поскольку для теории всякий становится не личностью, а «подлежащим биологическим объектом». Петр пытал «ради практических нужд государства».

Чтобы проверить подозрения (кто--то донёс, что стрельцы переписываются с Софьей), двух «сенных

девушек царевны»-- жестоко били мокрым, вымоченном в соли кнутом. Одну из них, Петр, случайно вошедший в застенок, освободил от дальнейших истязаний, заметив, что девушка беременна, однако это не помешало ему, затем, приказать повесить обеих. Ему доставляло удовольствие самолично рубить головы восставшим стрельцам, вставшим на сторону Софьи. Голов он нарубил несколько десятков, делая показательные казни перед боярами, так сказать, «мастер классы» А, затем велел раздать трём сотням новых бояр топоры, и под его личным наблюдением каждый из них должен был отрубить по три головы мятежникам. Когда майор Глебов стал любовником заточённой в монастырь Евдокии Лопухиной, бывшей жены царя, Петр приказал посадить его на кол,--и надеть тулуп с меховой шапкой, чтобы не замерз, дело было зимой. Майор мучился 18 часов. Ни тени чувств Петр, конечно, к бывшей супруге не испытывал, надо полагать, попросту не потерпел посягательств на свою, пусть и бывшую, но собственность. В своей последней книге Игорь Бунич утверждает, что существует резолюция Петра на следственных делах:-- «Смертью не казнить. Передать докторам для опытов». Даже Николай 11, отнюдь не похожий на кроткого голубка, высказался о Петре весьма нелицеприятно: « Я не могу не признать достоинств моего предка,...но именно он привлекает меня менее всех. Он уничтожил русские привычки, добрые обычаи, взаимоотношения, завещанные предками». А теперь, уважаемый читатель, когда личность великого Петра стала более менее понятной, перейдем к главной теме:-- зачем я заканчиваю повесть о семидесятых годах двадцатого столетия личностью Петра 1? Не правда ли, Петровская резолюция невольно заставляет

вспомнить «замечательного доктора Менге» из Овенцима? При Петре на многочисленных, возникавших как грибы заводах, в основном работали рабы--абсолютно бесправные люди, трудившиеся за харчи, загнанные за высокие стены на всю жизнь! В документах того времени сплошь и рядом встречались фразы:--«отдать на работу навечно»! Причём это было не только, на оружейных заводах, но и в прядильных мастерских, если речь шла о женщинах. Указ 1721 года гласил. Что все промышленники, даже не дворянского происхождения имеют право покупать деревни с крепостными крестьянами, которых вправе заставлять пожизненно трудиться на заводах и рудниках. Это был поворот не к феодализму, а к прямому рабству. В 1719 году вышел указ, по которому каждый помещик подлежал беспощадному битью кнутом, который не донёс о наличии в его землях полезных ископаемых. Итак, появилось новое замечательное понятие--«недоносительство». Слово такое знакомое в сталинскую эпоху.

До Петра крестьянин был крепостным, но не рабом! Он не мог покинуть своего помещика, однако был не «вещью», а ограниченным в правах, зависимым и только. Петр сделал из крестьянина « вещь». Отныне его можно было продать с землей и без земли. Разлучить семью, проиграть в карты, выменять на собаку, лошадь, дрессированного медведя или обученного материться попугая. Можно было без суда сослать в Сибирь, продать на рудники или завод. Любые жалобы были категорически запрещены. При Петре была создана паспортная система, и крестьянин не мог выйти за пределы поместья без бумаги от барина. Вспомним колхозы. Рекрутов при Петре вели на службу в

кандалах. Петровская Россия держалась на повальном страхе, и страх этот, переходящий в правление последующих правителей постепенно на генетическом уровне вошёл в кровь и плоть её гражданам!!! Писатель Александр Бушков в своей очень любопытной книге: «Россия, которой не было», перелопатив очень большое количество литературы об эпохе Петра, приводит любопытнейшие факты о «революционной» деятельности самодержца. В частности о его военных победах. Несколько строк о « великой победе над Шведами под Полтавой», которую нам с детских лет приучили считать чем--то невероятно грандиозном и эпохальным. На самом деле это была едва ли незаурядная стычка--другого слова не подберёшь. С русской стороны в Полтавском сражении участвовало непосредственно лишь десять тысяч солдат. Ещё тридцать тысяч стояли в резерве. У Шведов было всего шестнадцать! Против четырёх шведских орудий были выставлены 72 русских (по другим данным 112). Нужно подчеркнуть, что речь идёт о свежих русских частях и предельно измученных шведских, которые действовали на враждебной им территории, не получая ни провианта, ни боеприпасов. Длилась Полтавская битва два часа!!! Но даже располагая крупным превосходством в войсках и уже вовсе уже подавляющим перевесом в артиллерии, Петр применил « новинку»--впервые в русской военной истории появились расположившиеся в тылу наступающих «заградительные отряды», которые получили от Петра приказ стрелять по своим, если те дрогнут!!! Так, что Великий Полководец Второй Мировой Войны, товарищ Жуков, был не оригинален с подобным приказом. И ещё:

Петр, ломавший всё, до чего мог дотянуться, по сути, ликвидировал старую систему русского права, переводя страну в режим «чрезвычайщины»!!! Россия управлялась не законами (по-- нынешнему-- конституцией), а царскими указами (вам читатель это ничего не напоминает?!). И ещё:

именно Петр стал родоначальником замечательных «троек» и «внесудебных совещаний», впоследствии перенятых нашими замечательными, ныне вновь укрепляемыми, строгими, свято чтившими закон ОРГАНАМИ!!!

Он создал специальные «особые комиссии» по расследованию и приговорам. Каждая состояла из гвардейских офицеров:--майора, капитана и поручика, которым было приказано вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости»! Известно, что твориться, когда огромные полномочия получают абсолютно серые, а то и просто тёмные люди, каждый из которых имеет свой собственный, личный, здравый смысл, и по разному понимает справедливость. В марте 1711 года Петр сделал доносительство официальной государственной службой!!! Было создано особое ведомство из чиновников--доносчиков, названных фискалами, а во главе стоял обер--фискал, в чью задачу входило «выведывать случаи злоупотребления и доносить на виноватых Сенату. Доносительство стало профессией, и даже большевики этого повторять не стали, держа своих многочисленных «стукачей» за штатом»... Обер--фискал Алексей Нестеров прославился тем, что донес и отдал под суд собственного сына. И, наконец, именно Петр выдвинул тезис, что признание, полученное даже с помощью самых строгих пыток--царица доказательств!!!

В феврале 1722 года Петр объявил указом, что отныне всякий будущий российский самодержиц волен «сам» назначать себе приемника!!! Не знаю, как вам, дорогой читатель, но мне это что--то напоминает и в наше, сугубо демократическое время.

Было ещё одно неплохое нововведение, до использования которого не додумались наши славные кагебисты, но прекрасно использовали немецкие нацисты в 1939 году во время оккупации ими Дании. Петр учредил особый двойной налог с ношения бороды старообрядцами. Была выпущена специальная бляха для ношения на груди с надписью: « с бороды пошлина взята», на спине же они должны были носить желтые лоскуты. В Дании, как вы, очевидно, знаете:--евреи должны были носить на спине желтые звёзды. Правда, на следующий день датский король Христиан появился на улице с желтой звездой. Его примеру последовали его подданные, и идея нацистов провалилась. Не сомневаюсь, что если бы в Дании хозяйничали не нацисты, а «Единая Россия», проблем бы никаких не возникло: короля бы оштрафовали на 300 тысяч рублей, а после этого принялись бы штрафовать и всех остальных. И, наконец, одно из самых страшных последствий петровских реформ:--фактический раскол страны на две разных нации: --«верхнего мира» (читай--«элита») и простого народа. Возникло две «нации, два класса, два уровня жизни, две культуры, два мира!!!... Пушкин поначалу написал «Полтаву»--как одно из ярчайших в русской литературе восхвалений Петра. Однако, возмужав и посерьёзнев, создал великолепный «роман ужасов»--поэму «Медный всадник». Где Петр уже совсем иной--прямой аналог современных

полусгнивших зомби и прочих «живых мертвецов», с тупой непреклонностью преследующих вопящих от страха беглецов.. Советские историки в один голос отмечали, что Петр, был любим Ильичом. Это говорит о многом. Лев Толстой прямо таки восторженно, собирался писать роман о нём, но впоследствии наступило отрезвление, и Толстой оставляет такие строчки: «Был осатанелый зверь...», «Великий мерзавец, благочестивейший разбойник, убийца, который кощунствовал над Евангелием...»

Алексей Толстой, до того как пришёл на службу большевикам, высказывался о Петре несколько иначе, чем в своём будущем романе: «Но, всё же, случилось не то, что хотел гордый Петр: Россия не вошла, нарядная и сильная на пир великих держав. А, подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде--рабою.. И сколько бы не гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы, до Китайской стены»

Прошло почти девяносто лет после кровавой революции, но отечественные интеллигенты, либералы и демократы не изменились, ни на йоту. Всё вышеприведённое прекрасно описывает и нынешних. Злобный бой против любого инакомыслия, непомерная, ни на чём не основанная жажда власти, жгучее стремление лишать оппонента всех и всяческих прав... Вот только знаний не в пример меньше, старая интеллигенция при всех своих недостатках была всё же хорошо образована, а нынешние—элитные, как правило, серые малообразованные совки?....Замечательная фраза Бушкова:--

между прочим, знаменитое крылатое выражение «Петр прорубил окно в Европу» выдуманно не в России,-- этот пассаж впервые употребил в 1769 году в своих «Письмах о России» итальянец Франческо Альгорроти: --«Хорошо, что наши соотечественники не причастны хотя бы к этой глупости. В самом деле, этот эпитет выбран неудачнейше. Нормальный человек прорубил бы дверь. Реформы же, лезущие в окно--зрелище довольно сюрреалистическое»...Итак с Петром и его «бесценным вкладом в подъеме» России и её становления на новые «европейские» рельсы --более менее разобрались. Может быть, последующие годы, тоже внесли свою лепту в европеизацию страны. Может быть, наконец, зародились ростки ранней демократии в умах передовых её деятелей? О народе я пока помолчу. Давайте обратимся к самой зрелой и наименее консервативной её части-- к декабристам. Лучших, в те годы не было. Заглянем в первоисточники--в «Русскую правду», сочинённую Павлом Пестелем в качестве руководства на ближайшее будущее. Как же Пестель представлял себе полицейскую систему новой свободной России?

Новую полицию Пестель предлагал именовать «Высшим благочестием». «Высшее благочестие охраняет правительство, государя и государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества. Или государства, и по важности сей цели именуется оно высшим...» «Его деятельность с самого начала должна сохраняться в строжайшей тайне, оно требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственному государственному главе сего приказа. Даже имена

чиновников должны быть никому не известны, кроме государя и главы благочиния». Блистательные Петровы семена. До подобной секретности не дотянуло ни ЧК (Чрезвычайная Комиссия времен революции), ни гестапо....

«Высшее благочиние» должно развернуть самую широкую сеть доносчиков и тайных агентов.» «Для исполнения всех сих обязанностей имеет высшее благочиние непрременную надобность в многоразличных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы обыкновенным благочинием (то есть обычной полицией), и посторонними отраслями правления, между тем, как другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски, или шпионство, суть посему не только позволительное и законное, но даже надёжнейшее и, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели». «Чины «внутренней стражи» должны получать самое высокое жалование. Думаю, что 50000 тысяч жандармов будет достаточны для всего государства». Для сравнения : тогдашний Корпус внутренней стражи-- то есть жандармерия, насчитывал всего около 5000 человек...К 1905 году жандармерия насчитывала 65000 человек. Не буду перечислять цифры, как росла и мужала армия чекистов, НКВДистов, КГБешников, МВДешников и ФСБешников в славные коммунистические годы, но, как любит говорить мой дружок из города Одессы--«... то что было при ихних царях, по сравнению с нашими--это семучки!»... И в конце несколько строк о жизни сегодняшней России, страны 2012 года. Это будут абзацы из газетных статей блистательных и честных

и смелых журналистов: Юлии Латыниной, Андрея Пиантковского и Виктора Шендеровича.

Третий раз за последнее столетие Россия переживает финальную стадию гниения авторитарного режима, не столько осаждаемого оппозицией, сколько безнадежно потерявшего драйв и охваченного отвращением к себе. 1917-1991-2012. Дважды падение такого режима приводило к обрушению российской государственности. Февральская революция, и горбачёвская перестройка были задуманы и совершены вовсе не оппозицией, а правящей верхушкой. Это было нетерпение партийно--гебистской номенклатуры прорваться к манящим вершинам западных образцов потребления. На пути к этой цели она сбрасывала всё:--опостылевшую ей идеологию, империю, государство. А демократическая интеллигенция с энтузиазмом отработала у неё на подтанцовке, а затем списана в архив. Так и сегодня эндшпиль обречённого Путизма будет разыгран и уже разыгрывается, прежде всего, самим правящим классом. И от степени его ответственности зависит будущее страны. Это тот же самый класс позднего СССР, победивший в «демократической революции» конца 1980 х--начала 1990 х, разбавленный вторым и третьим эшелонами номенклатуры, бывшими бандитами, фарцовщиками, майорами мухосранских резинтур, письмоводителями питерской мэрии, украшающими сегодня списки миллиардеров «Фобоса». Это самый застывший в ступоре, самый неспособный к позитивной эволюции класс. Почётный председатель кооператива «Озеро», никогда не решится добровольно прервать своё «просвещённое правление». Да и члены кооператива, единодушно требующие «продолжения банкета», никогда его не отпустят.

Но любой, даже самый жесткий авторитарный режим не может опираться исключительно на насилие. Недаром сталинская и гитлеровская диктатура придавали такое огромное значение своему идеологическому, вернее мифологическому обеспечению. Свой маленький миф о молодом энергичном офицере спецслужб, решительно посылающем русские полки вглубь Кавказа, несущем ужас и смерть террористам и всем встающим с колен врагам России, создали в телевизионной пробирке циничные кремлёвские жулики--политтехнологи, в далёком 1999 году. Истосковавшаяся по властному повелителю с кнутом в руке, женская душа России потянулась тогда от пресноватого Евгения Максимовича Примакова, к молодому играющему мышцами накаченного торса, любовнику. В следующей избирательной компании уже заматеревшему байкалинвестгруппенфюреру была всажена ещё одна лошадиная доза: миф--инфекция-- заступник народный, бескорыстный и бескомпромиссный борец с олигархами». Подключились и слетевшиеся как мухи на елей мастера культуры и властители дум соответствующего разлива. Всё это неплохо работало лет десять, пока не подступила та неизбежная тоска и тошнота, которая подстерегает все авторитарные режимы. Пытаться сцементировать общество и заморозить Россию, ещё лет на 12 языческим поклонением национальному зомби--это будет уже слишком даже для доброго, доверчивого, бесконечно терпеливого привыкшего выкрутасам диктаторов, нашего народа. Путинский миф,--увы, мёртв. Второе пришествие Путина композиционно видится как ремейк знаменитого полотна Александра Иванова. Навстречу застывшим в ожидании на полусогнутых нотаблям по

выжженной российской политической пустыне устало бредёт, неприятно подёргивая желвачками, миф--зомби с мифом --выкидышем на руках. Головка национального выкидыша повязана ленточкой с надписью «Свобода лучше, чем несвобода».

Все наши высоколобые капо, обслуживающие модернизаторов во власти, прекрасно знают, что нет сегодня у страны более острой чисто экономической проблемы, чем избавление её от власти мафии воров в законе (давайте читатель, вспомним, что и при правлении Петра--это так же была главная проблема). В любой власти чистых нет!!!. Наша, увы, не исключение!!!. Но там есть достаточно много людей, которым при всех их недостатках небезразлична судьба их Родины. И в силу своего положения они многое могут сделать в минуты роковые. Но, если сегодня они придут к национальному зомби и скажут: «Володя, передай нам власть! Вот твой приемник. Ты нам чертовски надоел, а нам очень хочется помодернизировать ещё лет 20 без тебя», он легко их переиграет и даже, бросив их на колья народного возмущения, продлит свою агонию (о каком народе идёт речь, надеюсь, наш продвинутый читатель, вам понятно!).

Некоторые прогрессивно мыслящие чиновники говорят, что возможна трансформация путинской систему изнутри. Это с моей точки зрения--чистейший бред. Хотя я просто средней руки писатель, а не политолог. Для того чтобы система трансформировалась изнутри, нужно одно, казалось бы очень простенькое, но необходимое условие: желание начальника. Что мы за 12 лет видели при Путине:?

Последовательное и неуклонное сокращение гражданских свобод,--отмена выборов в Совет

Федерации, отмена выборов губернаторов, лавинообразное нарастание фальсификаций на президентских и парламентских выборах, запрет митингов. Совершенно непонятно с какого это барана человек, человек последовательно менявший систему изнутри в направлении личной диктатуры, вдруг раз--и примется менять её изнутри?! Это всё равно, что надеяться, что наркоман, который в течении 12 лет наращивал дозу героина, вдруг-- раз всё бросит--и начнет реформировать себя изнутри!!!

И еще несколько строк. Путин не свалился нам с неба. Он царственный приемник предыдущего бездарного царя--пропойцы-- Бориса. И был поставлен им для того, чтобы защитить его воровское имя и имена «своей, воровской семьи» от после властного поношения, которое в нашей замечательной стране есть действие неперемное и неминуемое, хотя в большинстве случаев не случайное и вполне заслуженное. Вспомним предыдущего избранника народа. Глубочайшая «заслуга Ельцина» заключалось в том, что при его правлении народ стал жить сам по себе, а так называемая элита, (то есть воры в законе), сами по себе. То есть всё, как при Петре Великом!

Четыре года олигархи (читай мафиози) вольготно создавали свои структуры влияния, контролировали все финансовые потоки, завладели громадной собственностью, средствами массовой информации, начали активно вмешиваться в кадровую политику государства, расставлять своих людей на различные ключевые посты. И пусть не говорят, что при нём расцвела свобода слова: просто ему было глубоко наплевать, что говорят и пишут о нём. Он руководствовался старым как мир принципом:--«собака лает ветер носит»! Этот замечательный принцип и ныне славно использует и

его приемник! Уходя, царь Борис попросил у народа прощение, и наш гуманный, сентиментальный народ его простил. Это была надгробная речь на похоронах наших надежд. В этом коротком спиче четырнадцать раз прозвучало в чистом виде местоимение «я», ещё несколько раз--«мне», «во мне», « в моём», «не по мне».... Ушёл со своего поста человек, разваливший гигантскую державу, расстрелявший парламент, посеявший смуту и нищету! Ушёл человек, посвятивший всю свою пьяную жизнь себе, любимому. Единственное, чего он достиг: _--_ личной власти, которой так и не сумел воспользоваться во благо страны. Он не добился:

- ни целостности России,
- ни успеха рыночных реформ,
- ни ликвидации коммунизма,
- ни вхождения России в семью процветающих государств,
- ни в восстановлении статуса России как великой державы,
- ни демократии в стране,
- ни материального благополучия,
- ни ликвидации привилегий,
- ни настоящих партнёрских взаимоотношений с Западом,
- ни построения капитализма.... Он стал квинтэссенцией бездарности, которая вторым планом всегда наличествует в такой гениальной стране как Россия.. Человек, обладавший пороками Петра Великого, Достоевского,, Толстого, Ленина, Сталина, но не обладавший ни каплей из их многочисленных достоинств, а тем более-- гениальностью! Всё худшее он передал своему приемнику. Спасибо ему за это от всего народа России!

Дорогой мой читатель,--да, я вас чертовски утомил и понимаю это! Хочу закончить эту затянувшуюся повесть на приятной ноте. На задорной и радостной! Всё же приятно, что есть вещи, которые мы делаем почти лучше всех! Например: парады. Это нам только дай! Руки под древко заточены! С автомобилестроением не сложилось, с электроникой, экологией, легкой промышленностью, тяжёлой промышленностью, медициной, наукой, образованием... Но и ...хрен с ними, вообще, со всеми! И наплевать. Что сельское хозяйство ничком пьяное лежит, и уже морковь в лавке израильская. Плевать, что правосудие туркменское и выборы африканские. Плевать, что от пожаров лето от лета редуют леса, зато месяц от месяца густеют ряды отечественных миллиардеров. Зато мы, как никто, умеем гордиться! Как никто! Попразднуем по поводу и без повода--глядишь и скоротаем время до вымирания..... В, общем, приятно, что есть ещё вещи, которые нам удаются лучше всех. Ну, почти лучше всех, потому что есть еще, слава богу, Северная Корея. Там уже полвека все, кто во время не умер с голоду, празднуют, как заведённые. Короче: есть куда стремиться. Есть! Привет Вите Коршуну, если ещё не забыли кто он такой в этой повести!

Полюшко, поле.

Полюшко широко поле.

Эх, да едут по полю герои.

Эх, да Красной Армии герои...

П. С.

В интернете я случайно наткнулся на замечательный стих, к сожалению, неизвестного мне автора. И мне, как бывшему писателю—сатирику захотелось немного похулиганить! Дать моему дорогому

читателю(который, увы не покупает мои книги, премированные в России и в Европе, изданные крошечным тиражом) возможность хохотнуть . Стих этот удивительно точно заключает главную мысль моей повести, хотя написан, очевидно, в более раннюю эпоху. В те же семидесятые годы. Вот он! Читайте! (Слово «жопа»-- литературное , есть в словаре Даля)

Хочу пропеть я славу ж--е!
В какой бы не был я среде
Сидишь в квартире, иль в окопе
В степи, в телеге, в МВД.
На верхней полке, там, где волки,
Иль на трубе, где А и Б,
Будь ты в чалме или в ермолке
Она опорю тебе,
Я скромность ложную отрину,
Недаром ж--а так нужна--
Она венчает нашу спину
И начинает ноги нам.
Француз, татарин иль япошка--
У всех есть к ж--е интерес.
Сам Пушкин не чурался слова,
За что ему хвала и честь,
И прочитать мы рады снова,
Что жопа есть, и слово есть!
Она от предков нам в наследство,
Что в ней-- не тонет и в воде
Мы знаем, где играет детство,
И шило тоже знаем где.
Поверь, она всему начало.
Её судьба порой сложна.
Через неё всё совершала одна великая страна!
Уже умны, хотя и юны,
Едва почуяв хлад зимы

Язык в родимую засунув,
Со страха замолкаем мы.
Я очень ж--у уважаю,
Я по натуре сам таков,
Её размеры умножаю,
И берегу от чужаков.
И чтоб меня не сцапал опер,
Я ночью бы на Кремль влез,
И написал бы:--Слава ж--е!
А вовсе не КПСС!
Конец.

Телефон в России: моб. 9992394, раб.42307211
В Германии 007 921 9992394, (049) 661402676
Сквирский Вениамин Яковлевич.
Сайт: «вениаминсквирский. РФ» (искать в Http)